

TM

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Мезоэкономическое лицо российской экономики * Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения * Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений * Новые задачи и новые возможности экономического роста * * Инвестиционные тенденции в промышленности российских регионов * Выбор инструментов регулирования экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности: подход с позиций концепции ноономики * О развитии систем стратегического планирования: концептуальные подходы и зарубежный опыт *

№3 (77)

2023

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ**
№ 3 (77) 2023

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

**Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).**

Журнал включён в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evr@iniir.ru

Подписано к печати 18.09.2023 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 11,4. Усл. печ. л. 19,11.
Тираж 1000 экз. Заказ 23787.

Свободная цена
Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. В. Бузгалин, д-р экон. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
Г. А. Маслов, канд. экон. наук;
В. А. Плотиников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством
Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru
Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрешилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA **№ 3 (77) 2023**

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012).

Published by S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID)

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Official Journal website: e-v-r.ru
Copyeditor – *L. A. Mozgunova*

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru
Signed to print on 18.09.2023.
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 11,4. Conventional printer's sheets: 19,11.
Circulation: 1000 copies. Order No 23787.

Free pricing

Limited Liability Company "NP-Print Press"
Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7
197110 St. Petersburg, Russia

© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2023

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. V. Buzgalin, Doctor of Economics, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
G. A. Maslov, Ph.D. in Economics;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor
S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – *S. D. Bodrunov*

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfirieyev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

<i>Клейнер Г. Б.</i> Мезоэкономическое лицо российской экономики	5
<i>Пороховский А. А.</i> Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения	10
<i>Ленчук Е. Б.</i> Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений	16

Проблемы развития экономики

<i>Ершов М. В.</i> Новые задачи и новые возможности экономического роста	25
<i>Бурак П. И.</i> От стратегического планирования к стратегическим управленческим решениям как императиву развития экономики России	34
<i>Ермакова Ж. А., Свечникова В. В.</i> Инвестиционные тенденции в промышленности российских регионов	45
<i>Плотников В. А.</i> Выбор инструментов регулирования экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности: подход с позиций концепции ноономики	57
<i>Белокрылова О. С.</i> «Зелёная» промышленная политика в санкционной экономике	69
<i>Кислицын С. В.</i> О развитии систем стратегического планирования: концептуальные подходы и зарубежный опыт	75

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Цехомский Н. В., Тихомиров Д. В.</i> Стимулирование реализации долгосрочных инвестиционных проектов в России: опыт фабрики проектного финансирования	87
<i>Долгушин А. Б.</i> Инструменты экономики замкнутого цикла в российском законодательстве	93
<i>Герелишин Р. И.</i> Стратегирование экономического развития в ресурсных странах и регионах: теоретическое осмысление	104
<i>Романов Е. В.</i> Ценностные основания стратегии экономического развития России	119
<i>Сасаев Н. И.</i> Стратегическая диагностика отраслевого развития России	139
<i>Кощеев В. А., Алексеев А. А., Александрова В. А.</i> Строительство промышленных объектов переработки отходов: перспектива внедрения инновационных технологий	155
<i>Гаджиев Р. Н.</i> Стратегические приоритеты инновационного развития российских регионов в условиях цифровизации	170

CONTENTS

Towards a Revival

<i>Kleiner G. B.</i> Mesoeconomic Face of Russian Economy	5
<i>Porokhovskiy A. A.</i> Economic Sovereignty of Russia: Problems of Formation and Maintenance	10
<i>Lenchuk E. B.</i> The Main Contours of the Russian Scientific and Technological Policy Within External Constraints	16

Economy Development Challenges

<i>Ershov M. V.</i> New Objectives and New Opportunities for Economic Growth	25
<i>Burak P. I.</i> From Strategic Planning to Strategic Administrative Solutions as an Imperative of Russian Economic Development	34
<i>Ermakova Zh. A., Svechnikova V. V.</i> Investment Trends in the Industry of Russian Regions	45
<i>Plotnikov V. A.</i> The Choice of Instruments for Regional Economy Regulation Under Conditions of Political and Economic Turbulence: An Approach from the Position of the Noonomy Concept	57
<i>Belokrylova O. S.</i> “Green” Industrial Policy Under the Economy of Sanctions	69
<i>Kislitsyn S. V.</i> On Development of Strategic Planning Systems: Conceptual Approaches and International Experience	75

Business Economics and Innovation

<i>Tsekhomsky N. V., Tikhomirov D. V.</i> Stimulating the Implementation of Long-Term Investment Projects in Russia: The Experience of the Project Finance Factory	87
<i>Dolgushin A. B.</i> Instruments of Circular Economy in the Russian Legislation	93
<i>Gerelishin R. I.</i> Economic Development Strategy in Resource-Rich Countries and Regions: Theoretical Understanding	104
<i>Romanov E. V.</i> Value Foundations of Russian Economic Development Strategy	119
<i>Sasaev N. I.</i> Strategic Diagnostics of Russia’s Sectoral Development	139
<i>Koshcheev V. A., Alekseev A. A., Aleksandrova V. A.</i> Construction of Industrial Waste Processing Facilities: The Prospect of Introducing Innovative Technologies	155
<i>Gadzhiev R. N.</i> Strategic Priorities for Innovative Development of Russian Regions in the Context of Digitalization	170

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-6-9

Г. Б. Клейнер¹

МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИЦО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Отмечается, что при всём разнообразии показателей, описывающих экономику каждой страны, обобщённое качественное описание экономики может быть выполнено с помощью понятия экономическое лицо страны, указывающего на ключевую подсистему из числа традиционно выделяемых ярусов экономики (макро-, мезо-, микро- и наноэкономики). Показано, что для России такой подсистемой является мезоэкономика, выполняющая роль связующего звена между макро- и микроэкономикой. Подчёркивается необходимость разработки экономической политики, направленной на институциональное и функциональное развитие российской мезоэкономики.

Ключевые слова: экономическое лицо страны, макроэкономика, мезоэкономика, микроэкономика, наноэкономика, системная экономика.

УДК 330.352

Геоэкономическая структура мирового сообщества претерпевает существенные изменения. Биполярная структура мира, сложившаяся после Второй мировой войны (СССР и США – как полюсы мирового развития), к началу XXI в. трансформировалась в четырёхполярную (Россия, США, КНР, Евросоюз – как конкурирующие стороны мирового четырёхугольника). Стремление США занять место доминирующего на мировой арене игрока не имеет однозначной поддержки в мировом сообществе. Очевидно, что процесс группировки государств в целях создания устойчивых и конкурентоспособных в экономико-политическом плане конфигураций в ближайшие годы будет продолжаться. Перед экономической наукой стоит задача определить эффективную структуру многополярного мира, учитывающую экономические, политические, природные и социальные факторы и перспективы и отражающую разнообразие и сходство стран – участниц мирового сообщества.

Мы предлагаем подход к группировке (и одновременно дифференциации) стран, основанный на общности (и различии) доминирующих признаков, определяющих

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» ЦЭМИ РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: george.kleiner@inbox.ru

лицо экономики страны. Считаем, что у каждой страны есть своё *экономическое лицо* – совокупность характеристик, отражающих в обобщённой форме факторы, традиции и способы оценки результатов экономической деятельности. Экономическое лицо страны является, с одной стороны, зеркалом страновой «души», отражающим её специфику как центра внутренней координации намерений, ожиданий, действий и восприятия внешней информации, а с другой – источником информации для формирования решений, принимаемых другими странами во взаимодействии с данной страной. В зависимости от дислокации центров формирования экономической политики и управленческих решений на одном из ярусов вертикальной структуры экономики можно говорить о макро-, мезо-, микро- или наноэкономическом лице экономики. Россия имеет мезоэкономическое лицо, выделяющее нашу страну из множества других стран, в которых принятие и оценка результативности экономических решений концентрируются на других ярусах экономики. Основываясь на разделении множества стран на четыре группы, составленные из стран с одинаковым типом странового лица, получаем объективную основу для формирования четырёхполюсной геоэкономической структуры мира, четыре представителя которой способны концентрировать и продвигать во взаимном согласовании экономические интересы стран своей группы.

Методология исследования базируется на положениях системной экономической теории [2] и разработках ЦЭМИ РАН в области изучения и моделирования российской мезоэкономики [3–5]. В экономике каждого государства независимо от его размеров выделяют четыре основных вертикальных яруса (уровня): макро-, мезо-, микро- и наноэкономический. В ряде работ эти ярусы рассматриваются как подсистемы экономики, в связи с чем появляется возможность говорить о макро-, мезо-, микро- и наноподсистемах народного хозяйства [1]. Элементами подсистем являются: для макроподсистемы – процессы экономического роста, занятости, инвестирования, инфляции и т. п.; для мезоподсистемы – территориальные образования (регионы, отрасли народного хозяйства и крупные межотраслевые комплексы); для микроподсистемы – предприятия, организации, домашние хозяйства и др.; для наноподсистемы – отдельные индивиды как участники процессов производства, распределения, обмена и потребления, а также демографических процессов.

Традиционно для оценки развития подсистем страны используют следующие характеристики:

- объём и качество производимой продукции, уровень безработицы, объём инвестирования, уровень инфляции (макроподсистема);
- объёмы ВРП, объёмы производства в отраслях и крупных корпорациях, равномерность распределения производительных сил по регионам страны с учётом их территорий, населения, природных ресурсов, равномерность распределения предприятий по отраслям с учётом отраслевых технологий (мезоподсистема);
- устойчивость самостоятельных экономических агентов (предприятий), рентабельность предприятий (микроподсистема);
- трудоспособность, рациональность мировоззрения и поведения, уровень доходов населения (наноподсистема).

Степень развития страновой экономики в целом определяется степенью развития каждой уровневой подсистемы, а также пропорциями между характеристиками их развития. Таким образом, возникает понятие странового профиля как характеристики соотношений между обобщающими показателями развития каждой из четырёх подсистем.

Различные подсистемы страновой экономики могут иметь разную степень развития. И хотя они являются «ипостасями» одной системы, не следует преувеличивать их зависимость. Развитая макроэкономика не означает автоматически высокую степень

развития наноэкономики («богатая страна – бедный народ»); точно так же устойчивость структуры хозяйствующих субъектов не обязательно обеспечивает высокий темп роста ВРП («сильные региональные предприятия – неравномерное территориальное развитие»). Как правило, одна из четырёх указанных подсистем является существенно более развитой, чем остальные три. Это (в совокупности с некоторыми другими факторами) позволяет рассматривать данную подсистему как ключевую в составе странового профиля и считать её тем самым «лицом» страновой экономики. Обоснованное определение (выбор) такой подсистемы и поддержка её приоритетного развития должны стать одними из основных задач формирования экономической политики страны. По сути, успешное функционирование такой подсистемы является системообразующим фактором социально-экономического развития страны в целом. Особенно важно, чтобы этим экономическим лицом для внутренней ориентации системы и для внешней ориентации её контрагентов была одна и та же подсистема.

Посмотрим, какие подсистемы играют роль лицевых для наиболее представительных на сегодняшний день стран мира:

1. *КНР*. При оценке социально-экономического развития Китая большинство стран мирового сообщества ориентируются на темпы роста ВВП страны. В последние годы Китай занимает первое место по объёму ВВП, рассчитываемому по ППС. Экономическая политика Китая также ориентирует страну на высокие темпы роста. Макроэкономика выступает здесь и как целевая (с точки зрения внутренних ориентиров), и как оценочная (с точки зрения внешних оценок) подсистема. Менее значимую роль, как представляется, играют остальные три подсистемы, хотя задача повышения благосостояния всех слоев китайского народа присутствует в материалах руководящих органов КПК. Отсюда – вывод: экономика Китая демонстрирует как внешнему сообществу, так и своему населению *макроэкономическое лицо КНР*.

2. *США*. Целевые ориентиры США в значительной мере опираются на показатели процветания и развития хозяйствующих субъектов, снижения транзакционных издержек; большое значение имеет развитое антимонопольное законодательство. Мощный фондовый рынок позволяет концентрировать финансовые ресурсы на предприятиях технологического фронта. В США – множество программ поддержки малого и среднего бизнеса, что сыграло немаловажную роль в период пандемии. При определении ключевой подсистемы из числа вертикальных ярусов США следует учесть высокий уровень федерализма и, соответственно, самостоятельность штатов в выборе локальных институциональных систем. В итоге напрашивается осторожный вывод о *микроэкономическом лице США*.

3. *Норвегия*. Как и в других скандинавских странах, норвежское общество и государство весьма чувствительны к показателям уровня и качества жизни населения. Особую значимость имеют показатели, характеризующие минимальный уровень благосостояния. Именно эти страны наиболее близко подошли к введению минимального индивидуального дохода, призванного решить проблему нищеты и бедности. В определённом смысле эти страны могут претендовать на титул социального государства. Вывод: наиболее значимыми для Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании являются *наноэкономические подсистемы* – они имеют *наноэкономическое лицо*.

4. *Россия*. В настоящее время страна не имеет ни устойчивых темпов макроэкономического развития, ни прибыльности субъектов микроэкономики, ни высокого уровня благосостояния населения. Значит, единственный вариант при выборе доминирующего вертикального яруса – *мезоэкономика* как ключевая подсистема экономического развития. Поэтому следует признать развитие мезоэкономики России одной из основных целей развития страны [3]. Для этого имеются следующие предпосылки.

Страна имеет самую большую в мире территорию. Поселения расположены на значительном расстоянии друг от друга. Неравномерное распределение поселений по территории России сопровождается неравномерным распределением предприятий по отраслям экономики. Существенно различаются экономические показатели субъектов Федерации. Мощные центростремительные силы обеспечивают усиление перетока населения в крупнейшие агломерации, прежде всего в Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т. п. Неравномерность характерна как для пространственного, так и для предметного размещения производительных сил. К этому следует добавить неравномерность хронологического развития страны, в ходе которого периоды высокого темпа роста сменяются периодами упадка.

Отметим, что мезоэкономика оказалась своеобразной золушкой в семье экономических реформ 1990-х гг. В начале перестройки основное внимание уделялось макроэкономическим процессам; на следующих стадиях фокус переместился на освобождение предприятий от избыточной зависимости от плановой системы и других ограничительных институтов. Время от времени внимание уделялось наноэкономике как сфере экономической деятельности субъектов социума. Отраслевая структура оказалась в значительной мере разрушенной, а региональная – оторванной от экономической. Сегодня развитие мезоэкономики необходимо для преодоления территориально-отраслевой дезинтеграции и в целом для радикального повышения связности экономики. Акцентируя внимание на роли мезоэкономики в составе подсистем экономического профиля страны, можно, несколько сгущая краски, утверждать, что макро-, микро- и в определённой степени наноэкономические реформы состоялись, а время мезоэкономической реформы – на подходе.

Не следует рассматривать мезоэкономiku как средство согласованности развития отраслей и регионов, её роль гораздо шире. По сути, мезоэкономика выполняет основную миссию экономики в целом как системообразующей части общества. Связность общества как целостной системы определяется не макроэкономическим ярусом (верхний уровень) социально-экономического пространства и не нижними ярусами – микро- и наноэкономикой, нацеленными на реализацию интересов изолированных друг от друга экономических и социальных субъектов, а *мезоэкономическим ярусом*, играющим роль промежуточного уровня. Устойчивость функционирования системы обеспечивается именно её центральной частью, а не периферическими контурами.

Для реализации миссии связующего звена между верхними и нижними этажами экономики, а также обеспечения устойчивого функционирования мезоэкономики *per se* необходимы существенные изменения в институциональной структуре экономики. Должен быть создан институт особых – мезоэкономических организаций, отличных от органов управления федерального уровня и коммерческих организаций нижнего уровня. Задача мезоэкономических организаций – служить связующим звеном между макроэкономическими установками и микроэкономическими интересами. Проблема согласования территориального и отраслевого развития России не нашла своего решения ни во времена централизованного управления экономикой, ни в период расцвета рыночных преобразований. Сегодня, в эпоху цифровизации и интеллектуализации управления и производства, в полный рост встаёт задача формирования и развития мезоэкономики как ключевого элемента перспективного экономического профиля России.

Список литературы

1. Евстигнеева, Л. П. Экономический рост: либеральная альтернатива / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев. – М.: Наука, 2005. – 518 с.

2. Клейнер, Г. Б. Системная экономика: шаги развития / Г. Б. Клейнер. – М.: ИД «Научная библиотека», 2021. – 746 с.

3. Мезоэкономика России: стратегия разбега / под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. – М.: ИД «Научная библиотека», 2022. – 808 с.

4. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия / под ред. Г. Б. Клейнера; Рос. академия наук, Центральный экономико-математический институт. – М.: Наука, 2001. – 514 с.

5. Мезоэкономика развития / под ред. Г. Б. Клейнера; Центральный экономико-математический институт РАН. – М.: Наука, 2011. – 804 с.

References

1. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. (2005) *Ekonomicheskiy rost: liberal'naya al'ternativa* [Economic Growth: A Liberal Alternative]. Moscow: Nauka Publ. 518 p.

2. Kleiner G. B. (2021) *Sistemnaya ekonomika: shagi razvitiya* [System Economics: The Milestones in Development]. Moscow: Nauchnaya biblioteka Publishing House. 746 p.

3. Kleiner G. B. (Ed.) (2022) *Mezoeconomika Rossii: strategiya razbega* [Meso-economics of Russia: A Take-off Strategy]. Edited by corresponding member of the RAS G.B. Kleiner. Federal State Budgetary Institution of Science Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauchnaya biblioteka Publishing House. 808 p.

4. Kleiner G. B. (Ed.) (2001) *Mezoeconomika perekhodnogo perioda: rynki, otrasli, predpriyatiya* [Meso-economics of the Transition Period: Markets, Industries, Enterprises]. Russian Academy of Sciences, Central Economic Mathematical Institute. Moscow: Nauka Publ. 514 p.

5. Kleiner G. B. (Ed.) (2011) *Mezoeconomika razvitiya* [Meso-economics of Development]. Central Economic Mathematical Institute of the RAS. Moscow: Nauka Publ. 804 p.

G. B. Kleiner². Meso-economic Face of Russian Economy. Despite the variety of indicators describing the economy of each country, a generalized qualitative description of the economy can be performed using the concept of the “economic image” of a certain country, indicating a key subsystem from among the traditionally distinguished tiers of the economy – macroeconomics, mesoeconomics, microeconomics, nanoeconomics. It has been shown that for Russia such a subsystem is mesoeconomics which acts as a link between macro- and microeconomics. The necessity of developing an economic policy aimed at the institutional and functional development of the Russian mesoeconomy has been emphasized.

Keywords: economic image of the country, macroeconomics, mesoeconomics, microeconomics, nanoeconomics, system economics.

² *Georgy B. Kleiner*, Head of the Scientific Direction “Meso-economics, Microeconomics, Corporate Economics” of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Nakhimovsky pr., 47, Moscow, 117418, Russia), Head of the Department “System Analysis in Economics” of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics of the State University of Management, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, e-mail: george.kleiner@inbox.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15

А. А. Пороховский¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Теоретическое и практическое внимание к экономическому суверенитету России возросло в широких академических кругах и в предпринимательской среде после начала в феврале 2022 г. специальной военной операции. На повестке дня – проблемы становления и обеспечения национального суверенитета в условиях сложного перехода от однополярного к многополярному мироустройству; сохранения рыночных принципов развития российской экономики при защите национальных интересов; широкого внедрения современных технологий на основе цифровизации для вывода экономики на траекторию нового качества экономического роста; консолидации бизнеса и общества для минимизации ущерба от небывалых внешних экономических и политических санкций.

Ключевые слова: национальный экономический суверенитет, глобальная экономика, национальные интересы, внешние санкции.

УДК 330.352

Научная гипотеза проведённого анализа состоит в том, что обеспечить национальные интересы России невозможно без достижения экономического суверенитета. Отсюда исследовательский вопрос: каким образом в современном мире, переживающем последствия эпидемии ковид-19 и другие глобальные проблемы, а также западные экономические санкции, можно восстановить и укреплять экономический суверенитет России.

Остановимся на наиболее важных сторонах процесса движения страны к экономическому суверенитету. В проблемное поле исследования вошли следующие вопросы:

- исходная позиция – глобальная экономика как монополярный мир;
- путь к национальному экономическому суверенитету – назревшая необходимость;
- всесилие и ограниченность цифровизации.

В неоклассической экономической теории проблема национального экономического суверенитета и национальных интересов находится за скобками предмета исследования. Анализ сосредоточен на рыночном механизме и роли интересов бизнеса. При этом государство должно следить за тем, чтобы в национальной экономике правила игры способствовали эффективности предпринимательской деятельности. Такая мо-

¹ Анатолий Александрович Пороховский, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1), заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор, e-mail: anaport@mail.ru

дель национальной экономики наиболее отчётливо сформировалась в США, чему во многом способствовали место и роль американской экономики в мировом хозяйстве [7].

В 1991 г. Россия начала осваивать рыночные принципы экономического и социального развития, создавать класс собственников и предпринимателей, намереваясь следовать законам и правилам, сложившимся в мировой экономике. При этом внутри страны абсолютное преимущество получили частные интересы, в особенности интересы группы лиц, захвативших самые эффективные части государственной собственности, а роль мирового лидера закрепились за США.

В апреле 2023 г. в Вашингтоне состоялось годовое собрание Международного валютного фонда (МВФ) – был представлен обзор мировой экономики, получивший характерный подзаголовок «Неподдающееся восстановление»². Действительно, в современном мире происходит не столько восстановление, сколько размежевание и формирование новых центров экономической силы. Но лидером пока остаются США (по совокупности экономических индикаторов и неэкономических факторов). Из таблицы видно, что развитые экономики, представляющие «золотой миллиард» населения Земли, контролируют как производство, так и внешнюю торговлю. Среди них выделяются США, которые, уступая КНР первое место по доле в мировом ВВП и экспорте товаров и услуг, продолжают доминировать благодаря рычагам влияния и давления, в том числе через мировую финансовую систему, где доллар остаётся ведущей резервной валютой.

Доля отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг
и в численности населения мира в 2022 г., %*

Страны	Количество	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	41	41,7	60,5	13,9
Основные индустриальные страны:	7	30,4	30,5	9,9
США		15,6	9,7	4,3
Япония		3,8	3,0	1,6
ФРГ		3,3	6,6	1,1
Франция		2,3	3,3	0,8
Италия		1,9	2,4	0,8
Великобритания		2,3	3,2	0,9
Канада		1,4	2,3	0,5
Страны зоны евро	20	12,0	25,0	4,4
Развивающиеся страны со становящимся рынком:	155	58,3	39,5	86,1
Китай		18,5	12,0	18,1
Индия		7,3	2,5	18,3
Бразилия		2,3	1,2	2,7
Мексика		1,8	2,0	1,7
Россия		2,9	2,0	1,8

* ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют (World Economic Outlook (April 2023). Washington. IMF. P. 120); ВВП мира: по рыночному обменному курсу валют – 100,2 трлн долл., по ППС валют – 163,5 трлн долл. (Ibid, p. 142). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023?cid=bl-com-spring2023flagships-WEOEA2023001> (дата обращения: 12.04.2023).

² International Monetary Fund. (2023). World Economic Outlook. A Rocky Recovery. Washington, D.C. April. 186 P.

Очевидно, что за тот же период, в течение которого Россия сделала выбор в сторону рынка, КНР стала мастерской мира не только по всему ассортименту обрабатывающей промышленности, но и по внедрению и реализации новейших технологий и высокотехнологичной продукции (включая искусственный интеллект). Поэтому, если происходят сбои, например из-за эпидемии ковид-19, в китайской экономике, это ощущают фактически все страны мира. Заметим, что достижения КНР стали возможными потому, что страна, поддерживая предпринимательство, одновременно старалась гармонизировать частные и национальные интересы. В результате КНР стала основным конкурентом США за мировое лидерство.

Лондонский журнал «Экономист» начал публикацию серии статей о неизбежной утрате США большинства лидерских позиций в мире. Одна из первых статей посвящена характеристике позиций и взаимосвязи США, КНР и России³. Если судить по параметрам таблицы, то Россия сильно отстаёт от США и КНР. А если вспомнить, какими ресурсами и территорией обладает наша страна, потенциал её внутреннего рынка и геополитическое положение в мире, то становится понятно, почему английские аналитики рассматривают роль России в контексте взаимосвязи США и КНР. В своём американском тираже «Экономист» печатает материал с подробным разбором сфер, в которых США могут удержать или потерять свои позиции⁴. В любом варианте речь не идёт о прежнем величии Америки.

Цифровизация как современная составляющая глобализации способствует сохранению влияния США, укрепляет их монопольное положение. Поэтому преобразование американоцентричного монополярного мира в конкурентный многополярный займёт немало времени, тем более что США официально объявили зоной своих национальных интересов чуть ли не весь земной шар. Чем больше стран добьются такого состояния и уровня экономики, который позволит им отстаивать свои национальные интересы, тем быстрее сформируется многополярный мир. Но даже в этих условиях на обеспечение своего экономического суверенитета могут претендовать страны, стратегия поведения которых на мировой арене направлена не на ущемление чьих-либо интересов, а на вовлечение в развитие своего общества и экономики всех внутренних ресурсов [8].

В рыночной мировой экономике жёсткие силы конкуренции и не менее жёсткие методы транснациональных корпораций, поддерживаемых национальными правительствами, вынуждали Россию к полной открытости своей экономики. Это соответствовало отечественному капиталу, интересы которого сводятся к максимизации прибыли и поиску тихих зарубежных гаваней для возможного укрытия. Практически нет ни одной развитой экономики, отказавшей российскому бизнесу «в гостеприимстве», не вникая в историю накопления его капитала. В результате в стране почти не осталось отраслей, сохранивших российский суверенитет. Поэтому научная и практическая проблема экономического суверенитета возникла задолго до февраля 2022 г. [4].

³ How to survive a superpower split // The Economist, April 11th, 2023. URL: https://www.economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split?utm_content=article-link-1&etear=nl_today_1&utm_ca (дата обращения: 12.04.2023).

⁴ America's economic outperformance is a marvel to behold: The Economist, April 13, 2023. URL: https://www.economist.com/briefing/2023/04/13/from-strength-to-strength?utm_content=article-link-2&etear=nl_today_2&utm_campaign=a.the-econ (дата обращения: 15.04.2023).

Как правило, крупный российский бизнес подкреплял свою зарубежную ориентацию иностранной, оффшорной регистрацией своих собственников – небольших фирм. Тем самым подтверждалась значительная удалённость ведущей части российских компаний от национальных интересов. Такое положение сложилось во многом из-за замытых правил игры, установленных российским государством, когда чиновники были включены в цепочку выгодополучателей от деятельности бизнеса. Если капитал по своей природе безразличен к пространству своего движения, то государство неизбежно слабеет, когда его правовая среда и активность чиновников служат только частным интересам.

Сторонники такого положения убеждали общественность в том, что Россия находится на пути догоняющего развития, а рыночная колея рано или поздно выведет страну на орбиту всеобщего благосостояния [3]. Колея оказалась столь глубокой, что горизонт достижений всё время отодвигался для большинства граждан страны. Это заставило общество задуматься: насколько эффективны рыночные принципы, что им мешает и для чего они ставят барьеры?

Отсутствие прогресса в развитии российской экономики, отставание социальной сферы, слабое внедрение современных технологий и нередко неэффективное использование государственных ресурсов стали предметом научных дискуссий и разработки прогнозов на ближайшую и дальнюю перспективу [1, 5]. Опыт многих национальных экономических моделей свидетельствует, что определённой гармонизации частных и общественных, национальных интересов удаётся добиваться. Процесс зависит от фактора времени и содержания конкретного периода развития. Важно, чтобы экономический суверенитет обеспечивал уверенность граждан, всего общества, предпринимателей и самого государства. Такая уверенность поддерживается доверием каждого друг к другу, доверием к бизнесу и государственным институтам.

Доверие не возникает само собой, оно является результатом кропотливой работы на всех уровнях экономики, во всех частях общества, во всех структурах государственной власти. Стремление к национальному экономическому суверенитету означает укрепление национальной экономической безопасности, которая позволяет стране отстаивать национальные интересы как внутри государства, так и в отношениях на международном уровне. Только при таких обстоятельствах у страны возникает свобода выбора вне рыночной колеи без игнорирования рыночных принципов.

В последние годы проблематика цифровизации занимает ведущее место в научных публикациях и среди практических вопросов её внедрения и распространения. При этом важно не забывать, что цифровизация стала дополнительной платформой для поддержания глобализации экономики в дополнение к её рыночной основе. Поскольку цифровизация постепенно вошла в жизнь почти каждого человека на планете (без цифровизации и интернета невозможно представить ни бизнес, ни деятельность государства и международных институтов), складывается впечатление о всесиили цифровизации. Более того, ей начинают приписывать способности по минимизации расхождений интересов людей, бизнеса и даже государств. Будущее покажет, каковы на самом деле экономические, социальные и технологические масштабы и границы цифровизации.

Уже сейчас важно обратить внимание на роль и место человека, окружённого роботами и другими видами искусственного интеллекта. Человек со своим природным интеллектом продолжает вооружать себя новыми средствами обеспечения жизни и работы, включая искусственный интеллект [2]. Любая новая технология требует от человека повышенного внимания для обеспечения своей безопасности и защиты самой жизни. Так как искусственный интеллект вторгается в умственный труд, меры защиты

должны находиться в этой сфере⁵. Вместе с тем цифровые технологии не изменяют суть экономических процессов ни в производственной, ни в рыночной деятельности. Сохраняются тенденции к концентрации производства и монополизации рынков [6].

А перед странами во весь рост встала проблема защиты национального информационного пространства и обеспечения информационного суверенитета как составной части экономического суверенитета в целом. По мере развития технологий национальный экономический суверенитет наполняется новыми параметрами и дополнительным содержанием. Ясно, что без национальной технологической промышленности и развитой науки страна не может контролировать информационную сферу в рамках своих географических границ. Получается, что цифровизация сама по себе не в состоянии ни решить растущие глобальные проблемы, ни гармонизировать интересы стран на мировой арене. Иными словами, цифровизация не отменяет экономический суверенитет ни компании, ни государства. И в рыночной системе «национальный мундир» продолжает играть важную роль.

В заключение подчеркнём, что на пути к национальному экономическому суверенитету Россия преодолевает немало трудностей и препятствий. Экономический суверенитет невозможен без суверенитета в разных сферах жизни общества и экономики, его достижение – это комплексная системная задача, требующая консолидации всех ресурсов страны и её граждан.

Список литературы

1. Гусев, М. С. Стратегия экономического развития России – 2035: пути преодоления долгосрочной стагнации / М. С. Гусев // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №2. – С. 18–29. DOI: 10.47711/0868-6351-197-18-29.
2. Пороховский, А. А. Человек и робот: технологизация versus гуманизации ноономики / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2021. – №1 (67). С. 39–47. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-39-47.
3. Пороховский, А. А. За и против “рыночной колеи” России в XXI веке / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2 (48). – С. 98–104.
4. Сапир, Ж. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации / Ж. Сапир // Проблемы прогнозирования. – 2020. – №2. – С. 3–12.
5. Широков, А. А. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности / А. А. Широков // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №2. – С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.
6. Brynjolfsson E., Jin W., Wang X. (2023). Information technology, firm size, and industrial concentration / NBER Working paper 31065. 59 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w31065> (Accessed: 31.03.2023).
7. Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории) / под ред. А. А. Пороховского, А. В. Сорокина. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 374 с.
8. Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences. Technology and Socio-economic Progress: Traps and Opportunities for the Future. (2022). Edited by S. D. Bodrunov. Boston, Brill, XIV+225 P.

⁵ A Blueprint for Building National Compute Capacity for Artificial Intelligence (2023). OECD Digital Economy Papers. No 350. February. OECD Publishing. 63 p.

References

1. Gusev M. S. (2023) *Strategiya ekonomicheskogo razvitiya Rossii – 2035: puti preodoleniya dolgosrochnoy stagnatsii* [Russian Economic Development Strategy – 2035: Ways to Overcome Long-Term Stagnation]. *Studies on Russian Economic Development*, 2, pp. 18–29. DOI: 10.47711/0868-6351-197-18-29.
2. Porokhovskiy A. A. (2021) *Chelovek i robot: tekhnologizatsiya versus gumanizatsii noonomiki* [Human and Robot: Technologization vs Humanization of Noonomy]. *Economic Revival of Russia*, 1(67), pp. 39–47. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-39-47.
3. Porokhovskiy A. A. (2016) *Za i protiv “rynochnoy kolei” Rossii v XXI veke* [Pro et Contra: Russia’s 21st Century Market Track]. *Economic Revival of Russia*, 2(48), pp. 98–104.
4. Sapir J. (2020) *Osnovy ekonomicheskogo suvereniteta i vopros o formakh yego realizatsii* [Fundamentals of Economic Sovereignty and the Question of the Forms of Its Implementation]. *Studies on Russian Economic Development*, 2, pp. 3–12.
5. Shirov A. A. (2023) *Razvitiye rossiyskoy ekonomiki v srednesrochnoy perspektive: riski i vozmozhnosti* [Development of the Russian Economy in the Medium Term: Risks and Opportunities]. *Studies on Russian Economic Development*, 2, pp. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17.
6. Brynjolfsson E., Jin W., Wang X. (2023) *Information Technology, Firm Size, and Industrial Concentration*. NBER Working Paper, 31065, 59 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w31065> (Accessed: 31.03.2023).
7. Porokhovskiy A. A., Sorokin A. V. (Ed.) (2021) *Internatsional’noye i natsional’noye v ekonomicheskom razvitii v XXI veke (v svete ekonomicheskoy teorii)* [International and National in Economic Development in the 21st Century (In the Light of Economic Theory)]. Moscow: Faculty of Economics of M. V. Lomonosov Moscow State University. 374 p.
8. Bodrunov S. D. (Ed.) (2022) *Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences*. Boston, Brill. 225 p.

A. A. Porokhovskiy⁶. Economic Sovereignty of Russia: Problems of Formation and Maintenance. Theoretical and practical attention to Russia’s economic sovereignty has increased in broad academic circles and in the business space, especially after the start of a special military operation in February 2022. On the agenda become the problems of establishing and ensuring national sovereignty in the conditions of, first, a complex transition from a unipolar to a multipolar world order, second, the preservation of market principles of the development of the Russian economy while protecting national interests, third, the widespread introduction of modern technologies based on digitalization to bring the economy on the trajectory of a new quality of economic growth, fourth, consolidation of business and society to minimize the damage from unprecedented external economic and political sanctions.

Keywords: national economic sovereignty, global economy, national interests, external sanctions.

⁶ *Anatoly A. Porokhovskiy*, Professor of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia), Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, e-mail: anapor@mail.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24

Е. Б. Ленчук¹

ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Обосновывается необходимость формирования новых подходов к научно-технологической политике России, которые диктуются современными мировыми трендами и внешними ограничениями, связанными с международными санкциями. Такая политика должна соответствовать новой модели развития, связанной с обеспечением технологического суверенитета. Это требует её ориентации на «экономизацию» технологий, согласования с промышленной политикой и активного использования инструментов стратегического планирования. В соответствии с целевыми установками и задачами научно-технологического развития должна выстраиваться институциональная среда, наращиваться научно-технологический потенциал и объёмы финансирования научной сферы.

Ключевые слова: научно-технологическая политика, технологический суверенитет, международные санкции, импортозамещение, стратегическое планирование, научно-технологический потенциал.

УДК 330.352

Современные мировые тренды научно-технологического развития определяются возникновением новых вызовов, непосредственно влияющих на формирование национальной научно-технологической политики как развитых, так и многих развивающихся стран. Прежде всего обратим внимание на структурную модернизацию, связанную с переходом на новый технологический базис, основанный на широкомасштабном использовании «зелёных» технологий и технологий четвёртой промышленной революции, которые формируют новые глобальные рынки и превращаются в важнейший фактор глобального роста. В Докладе о технологиях и инновациях за 2023 г., опубликованном ЮНКТАД, отмечается колоссальный рост этих технологий за последние два десятилетия: в 2020 г. их совокупная рыночная стоимость составила 1,5 трлн долларов, а к 2030 г. может достичь 9,5 трлн долларов². Несомненно, в выигрыше будет тот, кто сумеет занять большие доли формирующихся новых рынков, сулящих высокие прибыли.

На фоне роста конкурентной борьбы за новые технологии и рынки, которая ведётся разнообразными методами, довольно чётко обозначилась тенденция к технологической суверенизации. Прежде всего она характерна для стран – технологических

¹ Елена Борисовна Ленчук, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский проспект, 32), д-р экон. наук, e-mail: Lenalenchuk@yandex.ru

² Доклад о технологиях и инновациях за 2023 г. ЮНКТАД. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2023overview_ru.pdf (дата обращения: 23.06.2023).

лидеров, стремящихся нарастить технологическое превосходство и притормозить развитие других.

Обратим внимание на возрастающую роль государства в разработке и освоении новых технологий, что выражается в переходе к согласованной научно-технологической, экологической и промышленной политике; в определении новых, перспективных для диверсификации, технологий и секторов с высокой сложностью и экологичностью производства; в формировании соответствующего научно-технологического потенциала и институциональной среды. Меры поддержки приоритетных отраслей, как правило, опираются на использование таких инструментов «вертикальной» политики, как кластеры, инициативы по интеллектуальной специализации, экспериментальные и демонстрационные проекты и области³, связанное с ними финансирование, преимущественно за счёт создания специализированных фондов инвестирования, и т. п.

Все эти тренды формируют новые вызовы для нашей страны, ответы на которые должны быть отражены в научно-технологической политике. Стратегическая цель такой политики – «формирование научно-технологического контура развития российской экономики, способствующего переводу технологического базиса российской промышленности на современную основу, а также наращиванию конкурентных преимуществ страны в разработке и широкомасштабном освоении ключевых прорывных технологий, формирующих новые рынки передовых технологий» [1, с. 54]. Реализация такой цели способствует обеспечению конкурентоспособности российской экономики, национальной безопасности и устойчивому социально-экономическому развитию. Именно поэтому все целевые установки были отражены в обновленной в 2021 г. Стратегии национальной безопасности РФ⁴:

- рост глобальной технологической конкурентоспособности национальной промышленности на основе создания высокотехнологичных производств товаров и услуг с использованием высоких технологий перспективного технологического уклада;
- устойчивое развитие реального сектора экономики на основе масштабной технологической модернизации промышленного комплекса и инфраструктуры с целью обеспечения динамичного роста производительности труда и создания высокотехнологичных рабочих мест;
- преодоление критической зависимости российской экономики от импорта технологий, технологического оборудования и комплектующих на основе форсированного развития машино- и приборостроения;
- укрепление лидирующих позиций и конкурентных преимуществ в ряде высокотехнологичных отраслей промышленности (авиастроении, судостроении, ракетно-космической, атомном энергопромышленном комплексе, радиоэлектронной промышленности, производстве информационных технологий и оборудования);
- переход к низкоуглеродной экономике и энергетике, что предполагает расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Вместе с тем февральские события прошлого года актуализировали проблему научно-технологического развития и ускорения перевода экономики страны на инновационные рельсы. В то же время беспрецедентные санкции Запада сформировали це-

³ Доклад о технологиях и инновациях за 2023 г. ЮНКТАД.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 23.03.2023).

лый ряд новых вызовов. Ограничения доступа к высокотехнологичной продукции и технологиям, уход из России крупных высокотехнологичных зарубежных компаний, разрыв научно-технологических связей стали болезненными для российской экономики (см. таблицу). Их негативное влияние со временем будет нарастать. Они не только ведут к разрыву производственных цепочек и остановке производств, но, прежде всего, ограничивают источники развития российской экономики, подавляя классические драйверы роста (доступ к передовым технологиям, расширение экспортного спроса, частная инвестиционная активность). Это создаёт серьёзные риски попадания страны в затяжную стагнацию, что будет важным ограничением на пути решения проблем социального характера, в первую очередь – повышения уровня жизни российских граждан.

**Основные санкции в научно-технологической сфере
и их влияние на экономику России** (составлено автором)

Направленность санкций	Влияние на экономику России
Запрет на экспорт в Россию технологий, высокотехнологичных товаров и оборудования	Разрыв производственно-технологических цепочек, приостановка производства, рост себестоимости продукции. Переход на выпуск продукции более низкого уровня сложности
Уход крупных иностранных технологических компаний из России	Ограничение доступа к высокотехнологичным услугам в сфере ИКТ (прежде всего к программному обеспечению), замедление темпов цифровой трансформации
Лицензирование экспорта в Россию широкого круга продуктов, подконтрольных Бюро индустрии и безопасности (BIS) при Министерстве торговли США	Ограничение импорта в Россию высокотехнологичных товаров из дружественных и нейтральных стран, в производстве и составе которых имеются американские технологии и компоненты
Ограничения на сделки с целым рядом крупных компаний оборонного и высокотехнологичного сектора России	Ограничение доступа к инвестиционным ресурсам и технологиям
Прекращение научно-технологического сотрудничества и членства России в ряде международных организаций, ограничение к доступу научно-технологической информации	Научно-технологическая изоляция, потеря значительных финансовых средств, вложенных в совместные разработки. Невозможность проведения исследований из-за ограничения доступа к импортному научному оборудованию, реактивам, программному обеспечению, научно-технической информации

Санкционные ограничения остро высветили проблемы высокой импортозависимости России. В некоторых секторах обрабатывающей промышленности такая зависимость достигла критического уровня, прежде всего в высокотехнологичных и технологически ёмких отраслях (см. рисунок).

В условиях сворачивания промышленного комплекса на протяжении последних двух-трех десятилетий страна превратилась в чистого импортёра машин и оборудования. По данным Росстата, в 2021 г. их импорт составлял 144,3 млрд долларов (49,2 % от всего импорта), в то время как экспорт товаров этой группы – всего 32,6 млрд долларов (6,6 % от экспорта)⁵. Причём в географической структуре импорта для конечного потребления в российских отраслях преобладает группа стран, официально признан-

⁵ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html

ных в 2022 г. недружественными. В 2021 г. на их долю приходилось более 56 % всего машиностроительного импорта в РФ [2, с. 69].

Всё это «актуализирует проблемы технологической модернизации и ускоренного развития собственной научно-технологической базы инноваций, решение которых связано не просто с импортозамещением, а с обеспечением национального «технологического суверенитета» [1]. Выступая на Петербургском международном форуме в 2022 г., Президент РФ подчеркнул, что импортозамещение не является кардинальным решением для страны. России нужна новая модель развития – технологический суверенитет. Речь, конечно, не идёт о полном самообеспечении всеми видами продукции. В современном мире это невозможно и нецелесообразно. Технологический суверенитет должен пониматься в широком смысле – как способность обеспечивать себя критически важными технологиями, позволяющими полномасштабно решать социально-экономические задачи страны, повышать благосостояние и уровень конкурентоспособности и обороноспособности страны.

Обеспечение технологического суверенитета принципиально меняет подходы к формированию государственной научно-технологической политики, которая требует содержательного наполнения – определения приоритетов научно-технологического развития, соответствующих решению как первоочередных, так и перспективных критически важных задач в условиях ограниченных ресурсов, т. е. речь идёт о воспроизводстве важнейших критических и сквозных технологий, с одной стороны, и технологическом обеспечении устойчивого функционирования и развития производственных систем, – с другой.

Реализовать такой курс можно, только если научно-технологическая политика станет неотъемлемой частью общей государственной экономической политики, в рамках которой будут обозначены стратегические цели и структурные приоритеты развития российской экономики. Это актуализирует проблему повышения качества стратегического управления, прежде всего активного использования инструментов стратегического планирования. В условиях жёстких внешних и внутренних ограничений без планирования невозможно решить задачу обеспечения технологического суверенитета, провести реструктуризацию экономики и сделать её менее зависимой от внешних поставок, обеспечить конкурентные преимущества на новых формирующихся рынках.

Безусловно, должна быть разработана долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны, которая вопреки установкам 172-ФЗ до сих пор не приня-

та. В ней должны быть обозначены стратегические национальные приоритеты социально-экономического развития, закреплена инновационная модель развития.

Под эту стратегию должен быть сформирован научно-технологический контур – организационный каркас научно-технологической деятельности, связанный с экономической системой, общей целевой ориентацией, ресурсными возможностями. Предстоит выстроить новую модель научно-технологического развития, которая позволит на горизонте десяти – пятнадцати лет преодолеть критическую импортозависимость по ряду технологий и высокотехнологичной продукции, наполнить значительную часть российского рынка технологическими системами нового поколения, нарастить высокотехнологичный экспорт, используя кооперацию с дружественными странами, обновить технологическую базу традиционных производств.

Разработка научно-технологической политики должна охватывать разные временные горизонты, обеспечивая плавный переход от адаптации к новым условиям функционирования экономики к её развитию. В этой связи в кратко- и среднесрочном периоде она должна обеспечить преодоление разрывов в производственно-технологических цепочках, возникших в результате санкций; решение проблемы импортозамещения в критически важных отраслях экономики и технологическую модернизацию реального сектора. Долгосрочные цели научно-технологической политики должны быть направлены на разработку ключевых прорывных технологий нового технологического уклада, которые обеспечат технологический паритет с развитыми странами и возможность конкурировать на новых формирующихся высокотехнологичных рынках [1, с. 62].

В условиях неопределённости разработка научно-технологической политики должна опираться на качественный прогноз, что требует формирования собственной системы научно-технологического прогнозирования. Такая система уже формируется под началом Совета по науке и образованию, созданного при Президенте РФ. Её особенностью является использование динамической сценарной модели развития научно-технологического потенциала, базирующейся на разработке всевозможных вариантов развития, на основе которых определяются стратегические альтернативы. Такая модель позволяет анализировать нестандартные ситуации, а также выбирать способы воздействия на процессы, приводящие к различным исходам⁶.

Общим направлением научно-технологического развития становится «экономизация» технологий⁷, ориентация научных исследований и разработок на нужды реального сектора экономики. В таких условиях на первый план выходит задача формирования единой промышленно-технологической политики, обеспечивающей производственные процессы собственными научными и технологическими разработками. Безусловно, эти вопросы должны найти отражение в обновленной Стратегии научно-технологического развития РФ на долгосрочную перспективу, решение о корректировке которой принято на заседании Совета по науке и образованию 20 апреля 2023 г., №800⁸. В рамках обновлённой стратегии должны быть определены стратегические приоритеты научно-технологического развития.

Вместе с тем 25 мая 2023 г. Правительство РФ вместо обновлённой Стратегии научно-технологического развития утвердило новый документ – Концепцию технологического развития РФ. С одной стороны, стремление Правительства РФ активизиро-

⁶ poisk_25_20230623.pdf (poisknews.ru)

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/page/44>

⁸ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406677567/>

вать процесс научно-технологического развития не может не вызывать одобрения, с другой – возникает некоторый дуализм в формировании научно-технологической политики. Обратим внимание на различие двух документов по сути: стратегия формулирует чёткие цели, задачи и пути их достижения; концепция – это документ скорее об общих подходах, принципах и инструментах, т. е. – как бы хотелось, чтобы это было. В Концепции обозначены основные угрозы научно-технологического развития, с которыми нельзя не согласиться. Но их преодоление опять сводится к выстраиванию системы институтов, которые должны стимулировать технологическое развитие. Концепция не ставит содержательных задач, увязанных с развитием реального сектора экономики.

Безусловно, бизнес воспользуется новыми инструментами и, очевидно, будет решать задачи собственного технологического развития. Но если мы хотим в достаточно короткие сроки преодолеть критическую технологическую зависимость, обеспечить технологический суверенитет, поставить науку на службу реальному сектору экономики, повысить конкурентоспособность страны на новых формирующихся рынках, нужно видение общей картины, необходимы чёткие целевые ориентиры, приоритеты и конкретные действия, направленные на достижение этих целей. А под них должны быть разработаны программы и проекты, выделены ресурсы, обеспечен соответствующий уровень компетенций.

Не менее важно сформировать институциональные условия под решение задач научно-технологического развития, обеспечив институциональную «сшивку» научной и производственной деятельности⁹. Эта многоплановая комплексная задача предполагает перезагрузку деятельности системы финансовых институтов развития, введение разнообразных мер поддержки для частного бизнеса, стимулирующих его инновационную активность и поиск путей активизации взаимодействия между институтами, вузами, крупными технологическими компаниями и т. п.

Сегодня активно ведётся работа в этом направлении. Так, Минэкономразвития и Банк России разработали стимулирующий инструмент – таксономию проектов по технологическому суверенитету и структурной адаптации экономики, которые смогут получать кредиты на льготных условиях. Его применение предполагает снижение коэффициентов риска при финансировании таких проектов банками, что облегчает предприятиям получение кредитных средств по более низким ставкам. По оценкам ВЭБ, такие стимулирующие меры позволят сформировать кредитный портфель в размере 5...10 трлн рублей, в том числе 1...2 трлн рублей уже в первый год после запуска такого механизма¹⁰. Постановлением Правительства РФ №603 от 15 апреля 2023 г. был утвержден перечень приоритетных направлений проектов технологического суверенитета, который охватывает 13 отраслей промышленности.

Бизнес, позитивно оценивая таксономию, отмечает, что для решения проблем, связанных с импортозамещением, предоставления кредитных средств недостаточно. Нужны собственные технологии, земля, помещения, наконец, компетентные кадры. В этой связи Правительство РФ расширило программы по промышленной ипотеке и созданию промышленных парков, а также приняло ряд регуляторных мер по поддержке бизнеса; рассматривается вопрос стимулирования как изготовителей, так и потребителей импортозамещаемой продукции.

⁹ www.government.ru/news/47595

¹⁰ https://arb.ru/arb/smi/tsb_opredelil_lgoty_dlya_bankov_pri_kreditovanii_proektov_tekhnologicheskogo_suv-10624640/

Ещё одним важнейшим направлением научно-технологической политики должно стать «формирование целостной системы организации научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности, научно-технической экспертизы [3]. Меры научно-технологической политики должны обеспечить единую сквозную систему планирования научной и научно-технической деятельности, а также скорейшее восстановление институтов прикладной науки, обеспечивающих быстрое продвижение научных разработок в производство» [1].

Вместе с тем важно оценить степень готовности научно-технологического комплекса решать поставленные задачи, поскольку технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: исследований, разработки и внедрения критических и сквозных технологий (по установленному перечню); производства высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях¹¹. Нужна тесная кооперация учёных, технологов, промышленников. В этой связи важно преодолеть «разомкнутость» в системе организации и управления наукой и производством, актуализировать комплексные научно-технологические программы инновационного цикла, возродить прикладную науку, укрепить научно-технологический потенциал, который в последние 30 лет постоянно сворачивался вопреки общемировым тенденциям.

Так, в России сохраняется тенденция сокращения числа занятых в сфере науки, прежде всего – исследователей. Среднегодовой темп прироста численности исследователей в 2010–2021 гг. составил в Индии 7,4 %, Китае – 6,5 %, Южной Корее – 5,4 %, США – 3,2 %, Германии – 3,1 %. В России этот показатель имел отрицательное значение – минус 1,2 % [4, с. 32]. По количеству исследователей на 10000 занятых Россия отстаёт от таких стран, как Южная Корея, Швеция и Дания, почти в три раза, от США и Германии – в два раза [5, с. 93].

Уступает Россия развитым странам и по уровню расходов на НИОКР. Внутренние затраты на исследования и разработки в России в 2021 г. в расчёте на одного исследователя составляли 126,8 тыс. долларов, в Китае – 255,5 тыс. долларов, в Японии – 252,3 тыс. долларов; в США – 427,7 тыс. долларов, в Германии – 317,4 тыс. долларов [6].

За последние два десятилетия показатель доли внутренних расходов на исследования и разработки в ВВП России не поднимался выше 1,2 %. Для сравнения: аналогичный показатель в США уже перешагнул 3 %-ный рубеж, а в Южной Корее и Израиле превысил 4,5 % [5]. В этой связи нельзя не выразить озабоченность по поводу дальнейшего сокращения финансирования науки, которое заложено в рамках госбюджета. Так, общая сумма финансирования госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» в 2023 г. должна составить 1,2 трлн рублей, что аналогично финансированию программы в 2020 г. Если учесть, что в период 2020–2022 г. инфляция «съела» 27,8 % этих средств, то можно предположить, что российская наука получит от государства менее 1 % ВВП¹² – это капля в море. Возникает сомнение в возможности технологического рывка, тем более что бизнес сегодня крайне ограничен в финансировании НИОКР.

Масштабы внутренних затрат на исследования и разработки стран – технологических лидеров – в 2021 г. не могут не впечатлять. Для США этот показатель составил

¹¹ Концепция технологического развития на период до 2030 г. Распоряжение правительства РФ от 20 мая 2023 г. №1315-п URL: <http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf> (дата обращения: 03.06.2023).

¹² <https://newizv-ru.turbopages.org/newizv.ru/s/news/2023-02-17/na-golodnom-payke-smozhet-li-rossiyskaya-nauka-shturmovat-novye-vysoty-397843>

720,9 млрд долларов, Китая – 583,8 млрд долларов, Японии – 174,1 млрд долларов, России – 47,6 млрд долларов. Россия занимает 10-е место в мире по затратам на науку и 41-е по доле этих затрат в ВВП [4, с. 40].

Обеспечение технологического суверенитета требует наращивания инвестиций в сферу НИОКР в ближайшие два-три года. На это должны быть настроены меры финансовой, денежно-кредитной и налоговой политики.

Список литературы

1. *Ленчук, Е. Б.* Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики / Е. Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №4 (199). – С. 54–66. DOI: 10.47711/0868-6351-199-54-66.
2. *Фролов, И. Э.* Проблемы перехода к инновационно ёмкому развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения / И. Э. Фролов, В. Н. Борисов, Н. А. Ганичев // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4 (199). – С. 67–81. DOI: 10.47711/0868-6351-199-67-81.
3. Российская экономика в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: науч. докл. / под ред. М. Ю. Головнина, Е. Б. Ленчук. – М.: ИЭ РАН, 2023. – 132 с.
4. Российская наука в цифрах: 2023 / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 48 с.
5. Индикаторы науки: 2022: стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2022.
6. *Заварухин, В. П.* Наука. Технологии. Инновации: 2022 / В. П. Заварухин, О. А. Соломенцева, М. А. Солопова [и др.]. – М.: ИПРАН РАН, 2022. – 132 с.

References

1. E. B. Lenchuk. Technological Modernization as a Basis for the Anti-Sanctions Policy // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 4. Pp. 464–472. DOI: 10.1134/S107570072304010X.
2. I. E. Frolov, V. N. Borisov and N. A. Ganichev. Problems of Transition to Innovative-Continuous Development of the Russian Economy in Conditions of Forced Import Substitution // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 4. Pp. 473–483. DOI: 10.1134/S1075700723040068.
3. Rossiyskaya ekonomika v usloviyakh novykh vyzovov: ot adaptatsii k razvitiyu. Nauchnyy doklad pod red. M. Yu. Golovnina, Ye. B. Lenchuk, M., IE RAN, 2023, 132 s.
4. Rossijskaja nauka v cifrah: 2023 / V. V. Vlasova, L. M. Gohberg, K. A. Ditkovskij i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – M. : NIU VShJe, 2023, 48 s.
5. Indikatory nauki: 2022. statisticheskij sbornik / Gohberg L. M., Ditkovskij K. A., Kocemir M. N. i dr. M., NIU VShJe. 2022.
6. Zavaruhin V. P., Solomenceva O. A., Solopova M. A. i dr. Nauka. Tehnologii. Innovacii: 2022. Moskva: IPRAN RAN, 2022. 132 s.

E. B. Lenchuk¹³. The Main Contours of the Russian Scientific and Technological Policy Within External Constraints. The article substantiates the need to create new approaches to Russian S&T policy, which are dictated by modern global trends and external restrictions under international sanctions that limit the country's access to high-tech products, technologies, and investments. Such a policy should correspond to a new development model related to ensuring technological sovereignty. This predetermines the need to focus S&T policy on the needs of the economy, its coordination with industrial policy, the active use of strategic planning tools. In accordance with the targets and tasks of S&T development, the institutional environment should be built, the scientific and technological potential and the funding for S&R should be increased.

Keywords: science and technology policy, technological sovereignty, international sanctions, import substitution, strategic planning, scientific and technological potential.

¹³ *Elena B. Lenchuk*, Head of Department of Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, e-mail: Lenalenchuk@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-25-33

*М. В. Ершов*¹

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА²

Рост глобальной экономики и ведущих стран незначительно пересматриваются в лучшую сторону в 2023 г., однако в целом динамика существенно замедлилась. При этом центральные банки развитых стран продолжают повышать ставки, ограничивая возможности экономического роста. Отмечается, что в новых условиях актуализируется проблема усиления внутренних механизмов экономического развития. В санкционных условиях российская экономика столкнулась с принципиально новыми обстоятельствами и иными задачами. Это требует дополнительных рычагов регулирования и поддержки экономики. Подчеркивается необходимость поддержки экономического роста на основе факторов внутреннего спроса, создания новых источников финансовых ресурсов и новых механизмов их формирования. При этом более важным становится обеспечение экономики длинными деньгами для финансирования инвестиций, доступных для более широкого круга участников рынка; целесообразен устойчивый и необесценивающийся курс рубля и др. Всё это требует существенной модификации денежно-кредитных и финансовых подходов.

Ключевые слова: санкции, рост экономики, центральные банки, денежно-кредитная политика, финансовые рынки, валютный курс.

УДК 330.352

К середине 2023 г. Международный валютный фонд (МВФ) констатировал, что нарушенные глобальные цепочки практически восстановились, стоимость перевозок и время доставки вернулись к допандемийным значениям³. Динамика роста глобальной экономики на 2023 г. пересмотрена в сторону незначительного повышения – до 3 % (прогноз начала 2023 г. – рост на 2,8 %). На американских фондовых рынках, несмотря на слабую динамику в экономике, продолжается преимущественно тенденция роста. Этот рост обеспечивается не широким спектром акций различных компаний, а лишь несколькими высокотехнологичными компаниями, и его едва ли можно назвать проч-

¹ Михаил Владимирович Ершов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (125993, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49), д-р экон. наук, e-mail: astanasova@fa.ru.

² Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета в 2023 г.

³ IMF. World Economic Outlook. Update. July 2023.

ным и адекватным экономическим тенденциям. В то же время, по оценкам международных организаций, в частности ОЭСР, финансовые условия остаются жёсткими и волатильными⁴.

Центральные банки ведущих стран продолжают повышать процентные ставки для снижения инфляции, ограничивая возможности расширения потребительского спроса и экономической активности бизнеса. И хотя инфляция начала сокращаться во многих странах, ожидается, что повышенные ставки сохранятся на более длительный период. Кроме того, ситуация существенно различается по странам – в развивающихся она сложнее из-за их зависимости от импорта и более высокой волатильности курса национальной валюты.

Геополитическая напряжённость вокруг Украины, а также противостояние США и Китая формируют высокий уровень неопределённости в долгосрочной перспективе. Возрастает вероятность усиления процессов деглобализации. Страны, не входящие в группу развитых, пытаясь восполнить недостаток информации, всё чаще обсуждают возможности создания более благоприятных условий для взаимодействия. Отчётливо просматривается необходимость создания механизмов, обеспечивающих бесперебойное и взаимовыгодное взаимодействие. В центре внимания остаются вопросы расширения расчётов в национальных валютах, применения цифровых валют центральных банков, создания наднациональных межрегиональных валют и др. Обостряется задача снижения инфляции при одновременном поддержании экономического роста.

Практически перед всеми странами стоит важнейшая задача – усиление внутренних национальных механизмов развития. Многие страны, особенно развивающиеся, перестраивают механизмы финансирования своих экономик (включая бюджетное финансирование), делая всё больший упор на привлечение средств с внутренних рынков. Для таких стран из-за высоких процентных ставок снижается возможность привлечения средств на внешних рынках, а усиление волатильности курса национальных валют с тенденциями к девальвации в условиях высокой неопределённости в мире повышает валютные риски. Развивающиеся страны, по оценкам МВФ, в 2022 г. истратили около 380 млрд долларов из золотовалютных резервов для поддержания курсов национальных валют. Среди стран с формирующимися рынками 30 % испытывают проблемы с долгами или очень близки к этому⁵.

Для России усиление опоры на внутренние механизмы более актуально, чем для других стран, так как масштабные санкции западных стран существенно ограничили и деформировали возможности международного сотрудничества и взаимодействия с внешними рынками. Это подчёркивал Банк России: «России предстоит пройти через структурную трансформацию экономической системы с опорой на внутренние ресурсы»⁶. Благодаря своевременным и разносторонним мерам поддержки со стороны регуляторов и Правительства РФ остроту проблем в начале санкционного периода удалось сдержать. Бизнес начал быстро перестраивать направления своей деятельности, находить новые рынки, менять схемы проведения платежей и т. д. Однако экономика вступила в принципиально новый период, который характеризуется высокой неопределённостью дальнейших перспектив. Поскольку санкции продолжают расширяться, многие

⁴ OECD. Economic Outlook. A long unwinding road. June 2023.

⁵ UNCTAD. Trade and Development Report. Development Prospects in a Fractured World. 2022.

⁶ Банк России. Основные направления развития российского финансового рынка на 2023–2025 годов. Декабрь 2022.

партнёры из дружественных стран начинают опасаться вторичных санкций и усиления давления со стороны западных партнёров и международных организаций. В таких условиях, выстроив новые бизнес-взаимосвязи, очевидно, нельзя быть уверенными в их стабильности даже в среднесрочной перспективе.

Экономика России в 2022 г. продемонстрировала лучшую динамику, чем ожидали международные и большинство российских экспертов. ВВП снизился всего на 2,1 %, а по итогам 2023 г. ожидается рост, по различным прогнозам (МВФ, Банка России, Минэкономразвития РФ), от 1,2 до 2,5 %. Это не сильно ниже прогноза МВФ по росту мирового ВВП в 3 % в 2023 г. и вполне сопоставимо и даже выше, чем для большинства ведущих западных стран: США – 1,8 %, Япония – 1,4 %, Еврозона – 0,9 %, Франция – 0,8 %, Германия – (-0,3 %).

Такой рост российской экономики в 2023 г. может рассматриваться как достаточно успешный, особенно с учётом санкций и довольно жёстких условий на российском внутреннем финансовом рынке.

В 2022 г., когда санкции начались и сильно затронули финансовый сектор, российский регулятор резко повысил ключевую ставку (до 20 %), чтобы предотвратить изъятие средств из банков и отток капитала. Эксперты дают различную оценку такой мере в кризисных условиях. Однако вскоре после относительной стабилизации финансово-экономических условий в РФ Банк России уже в апреле 2022 г. начал снижать ключевую ставку.

Также в начале санкций регулятором были введены своевременные меры валютного контроля для стабилизации российского валютного рынка, который был в числе главных мишеней антироссийских санкций.

Очевидно, что, когда внешние западные рынки для российского бизнеса практически закрыты, а новые пока не предоставляют возможностей фондирования, важнейшим становится внутренний финансовый рынок. Снижение процентных ставок и защита стабильности внутреннего рынка с помощью мер валютного контроля и регулирования были крайне своевременными и должны были стать важным источником поддержания экономической активности реального сектора. Когда возросла необходимость трансформации экономической системы, роль внутреннего финансового сектора для экономики стала решающей.

Укрепление рубля вследствие валютных ограничений, которое началось в середине 2022 г., и снижающаяся ставка расширили возможности для инвестиционного импорта, что крайне важно на данном этапе российской экономики. Увеличился спрос реальной экономики на финансовые ресурсы, что выразилось в расширении кредитования со стороны банков, а также в увеличении облигационных займов. Одновременно начался отказ от валют недружественных стран (доллара, евро и др.) и переход на расчёты и сбережения в рублях и валютах так называемых дружественных стран. Важнейшую роль среди них объективно играет китайский юань. Крупные российские компании стали привлекать средства в юанях на российском облигационном рынке. В результате оборот торговли долларами и евро на Московской бирже устойчиво сокращается, а оборот торговли юанями растёт. Интервенции в рамках бюджетного правила в 2023 г. начали осуществляться в юанях вместо долларов.

При этом Банк России уже в 2022 г. начал отменять валютные ограничения и возвращаться к более нейтральной денежно-кредитной политике. Это усилило отток капитала из страны – его объём достиг почти 220 млрд долларов. В то же время отмена обязательной продажи валютной выручки ограничила приток валюты в страну. Кроме того, снижение стоимости российского экспорта и восстановление импорта в 2023 г.

были в числе факторов удешевления рубля, который за семь месяцев 2023 г. подешевел почти на 20 %.

Согласно опросам РСПП, во втором квартале 2023 г. нестабильность рубля была названа представителями бизнеса вторым по значимости ограничителем их деятельности, тогда как в первом квартале этот фактор занимал лишь шестое место (рис. 1)⁷.

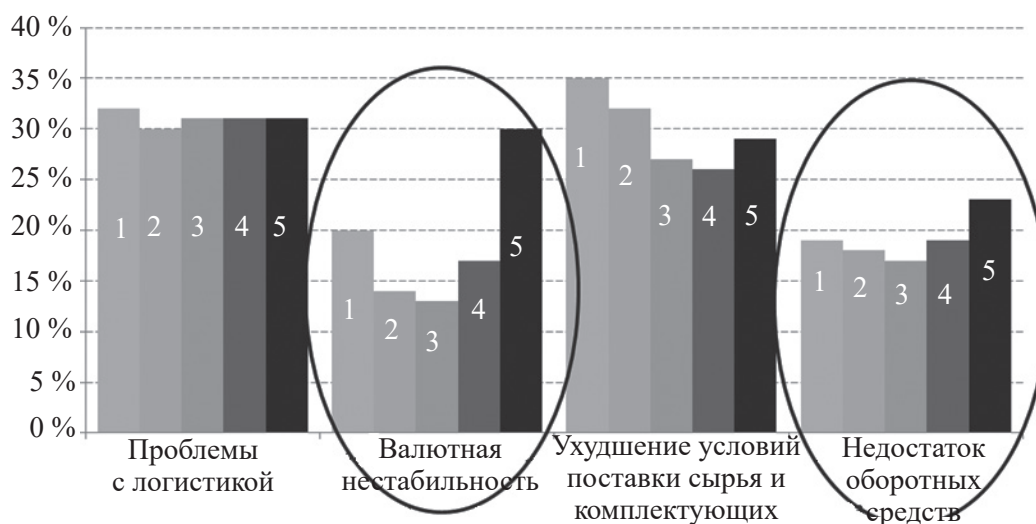

Рис. 1. Главные ограничители деятельности (источник: РСПП. Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП в соответствующие периоды): 1 – II кв. 2022; 2 – III кв. 2022; 3 – IV кв. 2022; 4 – I кв. 2023; 5 – II кв. 2023

Примечательно, что в 2023 г. волатильность рубля была не намного выше, чем во второй половине 2022 г. (рис. 2). При этом респонденты в 2023 г. всё чаще обозначают её в качестве ограничения, что может быть связано с обесценением рубля, которое началось в 2023 г.

В целом развитие финансового сектора отражает неопределённость относительно перспектив и неуверенность участников рынка. Это выражается, в частности, в том, что 70 % кредитов нефинансовым организациям были выданы на короткий срок (до одного года). При этом ставка, хоть и была снижена регулятором, оставалась довольно высокой, что снижает возможности финансирования.

В 2023 г. Банк России вновь начал повышать ключевую ставку из-за опасений роста инфляции вследствие удешевления рубля. По мнению банка, ужесточение денежно-кредитной политики должно происходить, пока инфляция не разгонится⁸. Очевидно, что предупреждать проблемы правильно и дальновидно, однако, какой в итоге

⁷ РСПП. Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП во II квартале 2023 года. <https://rspp.ru/activity/analytics/sostoyanie-rossiskoi-ekonomiki-i-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-monitoringa-rspp-vo-ii-kvartale-2023/>

⁸ Банк России. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Июль 2023.

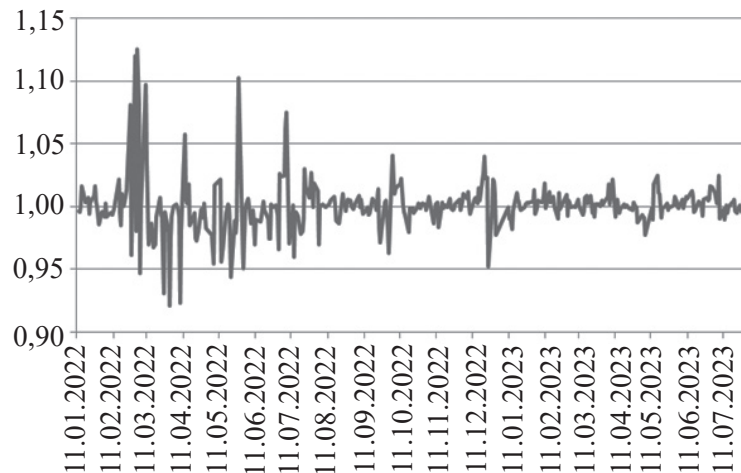

Рис. 2. Волатильность курса рубль/доллар (по данным Банка России)

будет цена вопроса? Уже сейчас обостряется проблема нехватки оборотных средств, что следует также из опросов бизнеса (опрос РСПП). Кроме того, чем волатильнее ставка, тем волатильнее ожидания участников рынка и курс валюты. Это приводит к неуверенности в бизнес-среде, замедлению экономической активности и др.

Банк России, обосновывая повышение ключевой ставки в июле 2023 г., заявил, что «восстановительная фаза роста экономики завершается», а далее темпы роста, как правило, «выходят на более сбалансированную умеренную траекторию»⁹. При этом, по оценкам регулятора, рост ВВП в 2023 г. составит 1,5...2,5 % (пересмотрен в сторону повышения). В условиях трансформации экономики считать такие низкие темпы роста потолком возможностей представляется довольно спорным.

В данном случае трансформация экономики означает не только изменение направлений товарных потоков и нахождение новых бизнес-партнёров. Ключевым моментом трансформационных изменений в экономике России является также развитие новых производств различных отраслей с упором на высокотехнологичные направления, развитие импортозамещения и др. Очевидно, что при реализации таких структурных изменений экономики темпы роста в 2,5 % являются крайне низкими. Для справки отметим, что в период трансформации экономики Японии (1950 – 1970 гг.) среднегодовые темпы её роста составляли 9,5 %. В Южной Корее в период индустриализации экономики (1961–1978 гг.) рост ВВП был в среднем 10 % в год.

Столь заниженные и слабые ожидания российских регуляторов повышают опасения бизнеса относительно перспектив и транслируют им неуверенность в стабильности и получении поддержки от регулятора в случае возникновения такой необходимости.

В санкционный период, с 2022 г., в российской экономике существенно возрос объём денег. Денежная база за 2022 г. выросла на 20,1 %, денежный агрегат М2 – на 24,4 %. Это наиболее масштабный годовой прирост денежной массы за последние десять лет (рис. 3).

⁹ Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. №3(43). Август 2023.

Рис. 3. Прирост денежной массы рубля (M2), г/г, %
(по данным Банка России)

Росту денежной массы способствовали переток валютных средств нефинансового сектора на рублевые депозиты и расходование средств ФНБ. Помимо этого, значимым фактором роста денежной массы было увеличение бюджетных расходов, которое привело к дефициту и финансировалось за счёт внутренних заимствований. Объём нетто-привлечений на внутреннем рынке по итогам 2022 г. составил 2,1 трлн рублей (1,4 % ВВП).

Основными покупателями новых эмиссий госдолга являются коммерческие банки, которые используют ОФЗ в качестве залога под рефинансирование в Банке России. Представляется, что такая схема пополнения ликвидности в экономике сдерживает потенциал применения этих средств. Это связано с тем, что применяемые инструменты рефинансирования носят краткосрочный характер. В итоге рост ликвидности не приводит к расширению длинной финансовой ресурсной базы для экономики, необходимой при проведении структурных изменений. Кроме того, банки находятся в условиях неопределённости относительно параметров рынка и ставок на следующих этапах рефинансирования.

Альтернативой такому механизму могло бы стать участие Банка России в качестве покупателя российских гособлигаций¹⁰. Такой механизм, когда национальный центробанк покупает облигации национального министерства финансов, лежит в основе формирования денежной базы всё большего числа стран. Причём в кризис 2020 г. его стали активно использовать даже страны с формирующимися рынками. В ряде из них значимую часть (до 40...50 %) национальных гособлигаций покупал центральный банк. Законодательство многих стран ограничивало покупки центробанком национального госдолга, однако, с учётом остроты ситуации и необходимости использования механизмов, облегчающих финансирование расходов, были внесены соответствующие поправки. Такой механизм возможен и при участии коммерческих банков в качестве

¹⁰ Ершов, М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов / М. В. Ершов // Вопросы экономики. 2022. №12. С. 5–23.

первичных покупателей национальных гособлигаций, однако затем они должны быть проданы центральному банку, а не переданы в залог под короткое рефинансирование. Это расширит возможности коммерческих банков по кредитованию реального сектора.

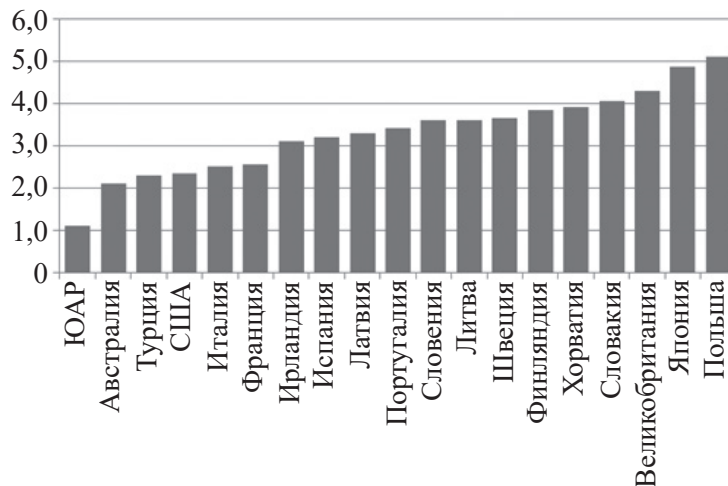

Рис. 4. Доля национальных гособлигаций на балансах у национальных центральных банков, % (источник: М. В. Ершов, по данным OECD)

Применение такого механизма имеет и ряд более системных преимуществ. В частности, это позволяет сократить процентные ставки, что важно для реальной экономики (доступность денег) и необходимо для государственного бюджета (удешевление обслуживания госдолга). В последний период значимая часть госдолга в РФ размещается по плавающей ставке, и высокие ставки могут стать проблемой и ограничивать возможности бюджета.

Использование упомянутых подходов в целом может привести к смягчению проблемы финансирования государственных расходов. Это особенно актуально для российской экономики, учитывая важную роль государства на этапе трансформации экономики и снижение поступлений от экспорта. Низкий уровень госдолга (а он у России один из самых низких) формирует возможности его безболезненного наращивания.

В России аргументом против применения такой схемы являются ограничения покупки Банком России государственных ценных бумаг при их первичном размещении (ст. 22 № 86 ФЗ)¹¹. Однако возможны покупки ОФЗ регулятором на вторичном рынке. Альтернативой может быть уточнение данной схемы в законе о федеральном бюджете страны, где будет указано, что покупателем госдолга может быть сам Центральный банк.

Отметим, что в США центральный банк – ФРС – раньше покупал казначейские облигации напрямую у казначейства страны. Однако в дальнейшем в схему были включены коммерческие банки, которые участвуют в покупках при первичном размещении

¹¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

этих бумаг, а затем ФРС покупает эти облигации у коммерческих банков, проводя целевую эмиссию под расходы американского казначейства. Данный механизм, по сути, является косвенным элементом философии и технологии, которая применяется при подходах количественного смягчения. Наиболее масштабно данный механизм используется в кризисные периоды (2007–2009 гг. и 2020–2021 гг.). Это ограничило негативные процессы и спад в экономике, которые могли произойти без применения данного механизма.

Важным преимуществом покупки гособлигаций своим центробанком является возможность «удлинения» денег в экономике, что особенно важно для финансирования инвестиций. Выпуск гособлигаций на длительные сроки, при том что их конечным покупателем будет Центральный банк, позволит влить в экономику длинные деньги. В условиях отсутствия у российского бизнеса доступа к дешёвым внешним ресурсам (как было ранее) это ещё более важно. Создание новой части валового продукта предполагает финансирование за счёт новых денег, а не путём перетягивания старых из тех сфер, где они функционируют.

Отметим, что структурный профицит ликвидности, который стал наблюдаться в российском банковском секторе, формально может указывать на избыточность денег в системе. Однако профицит распределён в банках неравномерно, что ограничивает возможности попадания ликвидности в экономику. О её сконцентрированности в отдельных банках говорит то, что системное наличие масштабного профицита не приводило и не приводит к значительному снижению ставок. Кроме того, во второй половине 2023 г. часто отмечается дефицит денег, а это указывает на неустойчивость явления.

Обеспечение валютной стабильности и достаточного объёма доступной ликвидности, адекватной задачам, стоящим перед экономикой, было важным и ранее. Однако в условиях санкций и геополитической напряжённости актуальность этих задач возрастает.

Формирование национальных основ обеспечения экономического развития позволит создать в российской экономике механизмы, минимизирующие внешние риски, и потенциал геоэкономической и геополитической прочности, необходимый для расширения системообразующей роли России в мире.

M. V. Ershov¹². New Objectives and New Opportunities for Economic Growth. The growth of the global economy and the advancement of leading countries is considered to be on the rise in 2023, but overall dynamic has slowed significantly. At the same time, central banks of developed countries continue to raise rates, limiting opportunities for economic growth. It is noted that under new conditions the issue of strengthening the internal mechanisms of economic development is becoming more urgent. Under sanctions the Russian economy is faced with fundamentally new circumstances and other challenges, which requires additional levers of regulation and economic support. The need to support economic growth based on domestic demand factors, the creation of new sources of financial resources and new mechanisms for their formation are emphasized. Nevertheless, it becomes

¹² *Mikhail V. Ershov*, Director of Center for Monetary Policy and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradskiy Avenue, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, e-mail: astanasova@fa.ru.

more important to provide the economy with long-term money to finance investments accessible to a wider range of market participants; a stable and non-depreciating ruble exchange rate is advisable, etc. All this requires a significant modification of monetary and financial approaches.

Keywords: sanctions, economic growth, central bank, monetary policy, financial market conditions, exchange rate.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-34-44

П. И. Бурак¹

ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКИМ УПРАВЛЕНЧЕСКИМ РЕШЕНИЯМ КАК ИМПЕРАТИВУ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В условиях ужесточения антироссийских санкций преодоление кризиса и экзистенциальных вызовов приобретает особую актуальность. Решение данной задачи требует комплексного подхода и работы в нескольких направлениях: нужно обеспечить интенсификацию межрегионального взаимодействия; диверсифицировать структуру экономики; развивать импортозамещение; принимать меры по повышению уровня жизни и доходов граждан. Всё это позволит улучшить состояние национальной экономики и обеспечить развитие в области инноваций. Показано, что внедряемые в России плановые инструменты реализации стратегических управленческих решений в условиях изменения геополитического положения страны и новых внешне- и внутриэкономических вызовов являются актуальными новациями средне- и долгосрочного периода. Выделены движущие силы и внутренние противоречия указанных новаций, а также институциональные и практически реализуемые виды стратегических управленческих решений, представлены их характерные примеры на федеральном и региональном уровнях. Анализ ключевых факторов стратегических управленческих новаций показал, что их внедрение требует изменения методов стратегического планирования в развитии экономики.

Ключевые слова: экзистенциальные вызовы, стратегическое планирование, стратегические управленческие решения, стратегирование, ресурсы стратегического развития экономики России.

УДК 330.352

Для решения экономических, социальных и экологических проблем (природные катастрофы, стихийные бедствия, глобальное потепление, пандемии, отток капитала, демографический сдвиг, цифровизация) необходимо принятие выверенных стратегических управленческих решений. Это подтверждают научные исследования отечественных и иностранных авторов, результаты оценки зарубежного и российского опыта, а также практика стратегического планирования развития в дружественных для России и передовых странах мира [1–8]².

Основными направлениями реализации стратегических управленческих решений являются:

- комплексное стратегическое планирование экономического развития на всех уровнях (с учётом особенностей территориального развития);

¹ *Петр Иосифович Бурак*, директор АО «Институт Региональных экономических стратегий» (119002, РФ, Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16), д-р экон. наук, профессор, и. о. президента Российской академии естественных наук, e-mail: irei@irei.ru.

² Trade and Development Report 2021. From Recovery to Resilience: The Development Dimension. UNCTAD, N.Y. & Geneva. 2021. 166 p.

- работа над повышением качества организации рыночного хозяйства в стране;
- реализация стратегических плановых механизмов.

В общем смысле стратегическое планирование в смешанной экономике позволяет: 1) концентрировать и координировать усилия бизнеса на развитии важнейших отраслей экономики и насущных задачах общества; 2) формировать внутренние источники экономического развития страны, эффективно используя естественные и капитальные ресурсы и человеческий потенциал; 3) дополнять частные инвестиции государственными ресурсами в критически важных отраслях [9]. В то же время высказываются опасения, что применение государством плановых механизмов снижает конкуренцию производителей [10], усиливает коррупцию [11, 12], не способствует инновационной активности [13]. По нашему убеждению, эти негативные моменты можно преодолеть при рациональной организации плановой системы, обоснованном сочетании директивности и свободы предпринимательства в различных отраслях и сферах экономики. Например, в рамках планового сектора абсолютно реально обеспечить конкуренцию государственных НИИ и КБ, система госзаказа поддерживает конкурентность в экономике в целом.

Продуманная система льгот и стимулов обеспечивает вовлечение и высокую активность представителей бизнеса в развитии новых технологий и видов производства. Борьба с коррупцией зависит от эффективности работы госаппарата и активности гражданского общества. Решения данных проблем (на которые опирается автор) частично представлены в работах [14–17]. Однако, в настоящее время целесообразно выделить ряд таких дискуссионных проблем стратегического планирования, как недостатки действующей системы документов, региональные инициативы как источники опыта и предмета дискуссий и вопросы разработки подходов к созданию механизмов территориального стратегического планирования.

Система документов стратегического планирования в Российской Федерации и её недостатки

Рассмотрим нынешнее состояние системы стратегического планирования в России в контексте задач, стоящих перед обществом и национальной экономикой.

В 2014 г. в России был принят закон о Стратегическом планировании (далее – Закон от 2014 г.)³, который устанавливал систему документов стратегического планирования развития национальной экономики и социальной сферы. В эту систему входят государственные программы, прогнозы, стратегии и концепции. Реализация стратегического планирования в России осуществляется на нескольких уровнях, охватывая муниципальные образования, субъекты РФ, макрорегиональный и федеральный уровни.

В рамках реализации требований и положений, закреплённых в Законе от 2014 г., органами государственной власти регионального и федерального уровней разработаны плановые документы и программы долгосрочного действия, обязательные для исполнения. В специальной литературе, в которой анализируются результаты исполнения законодательных положений, обращается внимание на некоторую ограниченность в содержательном плане обозначенной системы документов. Государственные программы, прогнозы, стратегии и концепции не связаны между собой, что является серьёзной проблемой при их реализации. Стоит сказать и о том, что с 2014 г. и по насто-

³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (с изменениями). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата доступа: 06.01.2023).

ящее время приняты стратегические документы, не предусмотренные вышеуказанным законодательным актом (речь идёт о стратегических инициативах, комплексных инвестиционных проектах, национальных проектах, основах политики и доктринах). Фактически каждый уровень стратегического планирования требует пересмотра и доработки. Например, на федеральном уровне до сих пор не принят основополагающий документ долгосрочного стратегического планирования (имеется в виду стратегия социально-экономического развития государства, полноценно заменить которую не сможет никакой другой документ). Чтобы система документов стратегического планирования была завершённой и полноценной, необходимо разработать и принять стратегию социально-экономического развития.

Работа над созданием такой стратегии началась в 2021 г., о чём было объявлено Правительством РФ. Первоначально планировалось разработать стратегию на период до 2030 г., завершив создание документа до мая 2021 г. Специалисты, задействованные в разработке стратегии, назвали основные положения, которые должны быть отражены в рамках разрабатываемого документа:

- пути и сроки решения актуальных социальных проблем;
- повышение уровня благосостояния и качества жизни граждан;
- поддержка приоритетных отраслей национальной экономики;
- национальные стратегические интересы.

Разработкой стратегии занимались ведущие специалисты Высшей школы экономики и РАНХиГС при Президенте РФ. В ходе работы планировалось применять инновационные методы (открытые обсуждения, мозговой штурм и др.) и неформальную организацию процесса. Несмотря на серьёзный подход, стратегия не была создана к указанному сроку, более того, по состоянию на конец марта 2023 г. работа ещё не была окончена. Серьёзным фактором, тормозящим работу, выступает необходимость тщательной и углублённой аналитической проработки причин неисполнения задач и целей предыдущей Стратегии, предложенной до 2020 г. В числе основных причин невыполнения её целевых показателей, отметим: 1 – ограниченный набор экономических инструментов; 2 – недостатки в области целеполагания и отсутствие чётко сформулированных целей.

Продолжая работу над созданием Стратегии на период до 2030 г., необходимо обеспечить возможности широкого обсуждения её целей и открытость хода её реализации. В части используемых методов и сроков достижения целевых показателей важно достичь гражданского консенсуса. Только в этом случае можно избежать коррупции, сократить масштабы теневой экономики и получить поддержку общества.

Цель создания в стране комплексной и сбалансированной системы стратегического планирования, основанной на единой цифровой аналитической платформе стратегического управления, была подтверждена в Указе Президента РФ № 633 от 8 ноября 2021 г.⁴. Новая система должна включать ряд взаимосвязанных плановых документов. Эта задача является крайне важной и достаточно сложной.

Дальнейшее развитие невозможно без качественной трансформации системы стратегического планирования на макроуровне. Здесь не решён принципиальный вопрос: в каком формате будет вестись макрорегиональное планирование – для 8 федеральных округов или 12 макрорегионов? Стратегия территориального развития стра-

⁴ Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402915816/> (дата доступа: 06.01.2023).

ны, утвержденная в 2019 г., определила объектами планирования макрорегионы. Но на практике Минэкономразвития продолжает вести планирование в формате федеральных округов. В январе 2023 г. Правительством РФ утверждён очередной плановый документ для федеральных округов – Стратегия СЭР Сибирского ФО до 2035 г.⁵ Но разработка стратегий для 10 макрорегионов страны не ведётся (хотя решение об этом принято Правительством РФ ещё в 2020 г.). Правительство должно срочно определиться с форматом макрорегионального планирования.

В нашей стране многие минерально-сырьевые центры (МСЦ), городские агломерации и другие крупные территориальные образования до сих пор не охвачены стратегическим планированием. При этом данные образования традиционно считаются драйверами роста национальной экономики.

Сегодня на территории РФ функционируют четыре крупных МСЦ: ХМАО, ЯНАО, Сахалинская область и Якутия. Особенность таких территориальных образований в том, что они существуют и функционируют обособленно от региона, в котором располагаются. Для максимального раскрытия и использования потенциала МСЦ они должны развиваться согласованно со стратегией развития региона. Обеспечение увязки и согласованности МСЦ с регионом местонахождения приведёт к ощутимому социально-экономическому эффекту для регионов Дальнего Востока и Сибири.

К настоящему моменту в субъектах РФ в рамках реализации положений Закона от 2014 г. разработан внушительный массив стандартных программ долгосрочного характера, но в них нет прорывных и инновационных идей, в которых так нуждается государство на современном этапе. В 2022 г. в каждом из регионов одновременно реализовались десятки целевых программ. Так, в указанный период в Ненецком автономном округе, Ростовской и Иркутской областях выполнялись 26, 23 и 20 целевых программ соответственно. Посредством реализации целевых программ обеспечивается распределение до 90 % средств региональных и федерального бюджета. Структура и целевая направленность этих программ не оптимальны. Слабо ведётся ранжирование целей по важности и актуальности. Например, примерно половина регионов до сих пор не имеет программ и стратегий научно-технического развития регионального уровня. Эта проблема – одна из актуальных на текущем этапе. Около трети региональных программ не имеют целевых показателей инновационного роста и импортозамещения.

Отметим, что реализация программно-целевого метода (ПЦМ) характеризуется наличием объективных границ. Данный метод охватывает временную концентрацию ресурсов на наиболее актуальных целях и направлениях развития. Охват программными механизмами всей экономики без учреждения органов программного управления нецелесообразен, так как при таком подходе не будет достигнут ожидаемый управленческий результат.

Существующая в России система стратегического планирования перегружена на всех уровнях. Её главным недостатком является большое количество индикативных программ, концепций и стратегий, итоговая результативность которых невелика из-за отсутствия взаимосвязанности [18]. Причина этого не организационная, а методическая. Не разработана единая методология государственного планирования экономики в рыночных условиях, охватывающая все уровни территориального управления.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-п. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-26012023-n-129-r/strategiia-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-sibirskogo-federalnogo/> (дата доступа: 06.01.2023).

Непроработанность методических вопросов ведет к нечёткости при выделении объектов планирования, создаёт путаницу в соотношении программно-целевых и проектных методов планирования, порождает избыточное количество плановых документов, их слабую взаимоувязку.

Региональные инициативы по совершенствованию стратегического планирования

В субъектах РФ до сих пор ведутся работы по поиску новых форм планирования, развития и совершенствования системы плановых стратегических документов на региональном уровне. Так, в Иркутской области в 2014 г. был проведён комплекс работ организационно-методического характера по созданию новой региональной стратегии планирования. Этим документом должен был стать Комплекс стратегических инвестиционных инициатив⁶. В нём содержатся инновационные положения, не повторяющие существующие региональные стратегии. Кроме того, в нём отражён ряд масштабных социальных, управленческих и инвестиционных проектов, которые отличаются достаточно глубокой и детальной экономико-технической проработкой.

Существующая система стратегического планирования, по мнению многих экспертов, нуждается в дополнении. Предлагается разработать пятилетние планы – отдельно на региональном и федеральном уровнях. В текущих условиях разработка только стратегий и концепций недостаточна для долгосрочного планирования [19].

В Иркутской области попытка разработать пятилетний план социально-экономического развития региона была предпринята в 2014–2019 гг.

В рамках исследования возможности возврата к разработке пятилетних планов с целью развития народнохозяйственного комплекса регионов и страны в целом важно решить вопрос степени их директивности. На наш взгляд, директивными могут выступать только разделы, связанные с функционированием сферы бюджетных инвестиций, государственных предприятий и оборонного комплекса страны. Для субъектов частного сектора такие планы должны предполагать совокупность льгот и стимулов, способных обеспечивать сознательное и добровольное участие бизнеса в согласованном развитии новых технологий и разных видов производства.

Для формирования на всех уровнях (региональном, макрорегиональном и национальном) согласованной системы стратегического планирования необходимы специальные органы для создания плановой документации. Сейчас разработкой федеральных программ, концепций и индикативных стратегий занимаются специалисты Минэкономразвития России. Данный орган также реализует деятельность по планированию на уровне макрорегионов. Планирование на региональном уровне осуществляют экономические подразделения администраций субъектов Федерации.

Рассматривая особенности совершенствования управленческих процессов в контексте повышения плановости развития национальной экономики, обратим внимание на специфику формирования плановых органов.

Сегодня единственный уполномоченный орган планирования и управления макрорегионами – Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, которое инициировало учреждение Восточного центра государственного планирования. Эта инициатива обусловлена явным дефицитом управленческих решений и разработок

⁶ Распоряжение Правительства Иркутской области от 28 августа 2014 г. № 701-рп «Об утверждении инвестиционной стратегии Иркутской области на период до 2025 года». URL: <http://star.invest.irkobl.ru/upload/download/701-rp.pdf> (дата доступа: 06.01.2023).

стратегического характера на уровне макрорегионов. Планировалось учредить два рабочих центра – в Москве и Хабаровске. Они должны были взаимодействовать с органами исполнительной власти федерального уровня. Предложение, высказанное ещё в 2017 г., так и не было реализовано.

Иркутская область – первый регион, предпринявший попытку создать орган регионального планирования. Этим органом стал Комитет по планированию развития Иркутской области при губернаторе региона. Задачи комитета заключались в координировании плановой работы функциональных и отраслевых подразделений областного правительства. В состав комитета вошли руководители органов власти региона, представители высших учебных заведений, предприниматели, учёные, а также эксперты из других субъектов Федерации. В таком составе специалистами был разработан пятилетний план социально-экономического развития Иркутской области на период до 2024 г. Комитет просуществовал недолго, что не позволяет сделать вывод относительно эффективности формы его организации. Тем не менее следует отметить, что в период работы комитета региональный бюджет увеличился практически вдвое.

Возможные направления совершенствования методологии и информационного обеспечения территориального стратегического планирования

Повышение уровня информационного обеспечения – главный фактор, без которого невозможно расширить круг объектов, охваченных планированием, и повысить качество плановых решений. В России уже созданы довольно эффективные информационные системы по обеспечению управленческих решений в разных сферах. За счёт этого был расширен потенциал использования методов текущего и стратегического планирования. В качестве примера приведём информационные системы Росстата: База данных показателей муниципалитетов и ЕМИСС. Некоторые информационные ресурсы курирует Казначейство РФ. Правительство РФ и региональные органы власти используют в своей деятельности ситуационные центры, интегрирующие алгоритмы мгновенного соотнесения массива ведомственных данных, обеспечивающие их анализ с поступающей визуализированной информацией в онлайн-режиме [20].

Представляется, что оперативная обработка данных о программных, прогнозных и стратегических документах, а также документах территориального планирования на муниципальном, региональном и национальном уровнях является вполне реализуемой задачей, которая, однако, до сих пор не решена. Задача применения ИКТ-технологий в системе стратегического планирования – снижение времени анализа мероприятий, интегрированных в программные документы, а также их индикаторов и показателей [21].

Оценив имеющиеся инновации и творческие поиски специалистов в рамках стратегического планирования экономики на макроэкономическом уровне, можно выдвинуть ряд рекомендаций по наиболее перспективным направлениям усовершенствования инструментов, механизмов и всей системы стратегического планирования регионов:

1. Исторический опыт нашей страны наглядно показал важность наличия развитой методологии и адекватного инструментария для реализации процесса планирования. В СССР масштабы объекта планирования (вся экономика страны) превысили инструментальные возможности системы планирования и привели к её неэффективности. В настоящее время развитие информационно-цифровых технологий, появление искусственного интеллекта создают принципиально новые возможности для эффективного государственного планирования на новом техническом и методическом уровне. Обработка внушительных массивов данных, электронный информационный обмен, управ-

ление в режиме онлайн, а также электронное взаимодействие специалистов – всё это способствует расширению объёмов и горизонтов плановых решений. При этом будут достигнуты оперативность процесса планирования, обоснованность решений и сохранена разумная достаточность количества планируемых параметров.

2. Все новые технологии являются лишь инструментами в рамках целостной научно проработанной методологической базы системы государственного планирования рыночной экономики, которую мы должны создать. В рамках совершенствования методологической базы планирования необходимо решить сложный методический вопрос, касающийся степени директивности и индикативности тех или иных плановых документов; внести ясность в соотношение проектных и программно-целевых методов планирования; более широко применять современные эффективные методы анализа социально-экономического состояния экономических объектов (метод рейтинговых оценок, SWOT-анализ, метод мультикритериального анализа, матрицы финансовых потоков и др.); интегрировать в плановый процесс новые элементы национальной экономики – федеральные территории, специальные административные районы, ОЭЗ, ТОСЭР и др.

3. Полномасштабное стратегическое планирование необходимо осуществлять на всех уровнях территориального деления экономики РФ – в макрорегионах, регионах, городских агломерациях, муниципальных образованиях. Важно продолжить работу по развитию типологии и иерархии системы разрабатываемых документов стратегического планирования, обогащая её новыми видами плановых документов. Состав, структура, задачи и место в плановой системе таких документов, как доктрины, основы политики, национальные проекты и др., должны быть чётко закреплены на законодательном уровне. Важно продолжить развитие системы показателей, используемых в плановых документах, шире вводить в них показатели, характеризующие экономическую безопасность, устойчивое развитие, инновационность экономики и процессы импортозамещения.

4. Для обеспечения работоспособности национальной системы планирования важно сформировать на всех уровнях уполномоченные органы стратегического планирования, способные вести эту работу на принципиально новом методическом и техническом уровнях. Особое значение имеет гибкость организационных форм плановых структур, которые могут быть временными или постоянно действующими. В качестве таких структур могут выступать межрегиональные и региональные образования, общественные и государственные органы.

В заключение подчеркнём, что представленные в статье институциональные и практические подходы к совершенствованию стратегического планирования и стратегических управленческих решений носят скорее демонстрационный характер. Для конкретных видов экзистенциальных вызовов и экономических условий их превентивного анализа требуется более детальная методическая и прикладная проработка на основе теории междисциплинарного стратегирования В. Квинта, концептуальная схема применения которой представлена в работе [22].

Список литературы

1. Стратегическое планирование в государственном секторе экономики / под ред. С. Н. Сильвестрова. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 344 с.
2. Бауэр, В. П. Французский и китайский опыт для совершенствования российской системы стратегического планирования / В. П. Бауэр, В. В. Еремин // Власть. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 205–213. – DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7462.

3. Родионова, И. А. США и Китай – лидеры мировой наукоемкой высокотехнологичной индустрии: сравнительный анализ позиций / И. А. Родионова, А. А. Угрюмова // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 400–428. – DOI: 10.24891/re.19.3.400.
4. Коловангин, П. М. Государственное творчество графа С. Ю. Витте – полезный опыт модернизации России / П. М. Коловангин // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1. – С. 37–43.
5. Теняков, И. М. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку / И. М. Теняков // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 1. – С. 119–131.
6. Поликарпов, В. С. Россия и мир в проекте Дональда Трампа «Восстановить былое величие Америки» / В. С. Поликарпов, Е. В. Поликарпова. – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. – 214 с.
7. Смирнов, Е. Н. Экономика транснациональных корпораций / Е. Н. Смирнов. – М.: Кно-Рус, 2023. – 542 с.
8. Бахтизин, А. Р. Вопросы прогнозирования в современных условиях / А. Р. Бахтизин // Экономическое возрождение России. – 2023. – №. 2(76). – С. 53–62. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-53-62.
9. Хубиев, К. А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики / К. А. Хубиев // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1. – С. 23–30.
10. Насон, Н. В. Конкуренция и конкурентоспособность в условиях цифровой трансформации / Н. В. Насон, Р. Ф. Ананина // Торговля, сервис, индустрия питания. – 2023. – Т. 3, № 1. – С. 59–71.
11. Пантелеев, В. Ю. Антикоррупционное право России: системный анализ / В. Ю. Пантелеев. – Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 454 с.
12. Тимофеева, А. А. Коррупция в России как угроза национальной безопасности: историко-правовой аспект / А. А. Тимофеева, М. Н. Еременко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). – С. 15–21. – DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10202.
13. Марущак, И. И. Инновационная активность российских предприятий: проблемы, пути решения / И. И. Марущак // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, № 2 (188). – С. 56–63. – DOI: 10.33917/es-2.188.2023.56-63.
14. Бурак, П. И. Формирование системы стратегического планирования на региональном уровне: науч.-метод. обеспечение / П. И. Бурак // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 58–64.
15. Бауэр, В. П. Конституционализм в развитии принципа обеспечения результативности государственного управления / В. П. Бауэр, П. И. Бурак, А. Н. Сухарев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2 (70). – С. 32–40. – DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.032.
16. Бауэр, В. П. О необходимости согласования решений в системе государственного управления / В. П. Бауэр, А. Н. Сухарев, Е. В. Чайкина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 3 (71). – С. 47–54. – DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.047.
17. Бурак, П. И. Каким должно быть стратегическое планирование в России / П. И. Бурак // Журнал Бюджет. – 2023. – № 2 (242). – С. 66–69.
18. Кочемасова, Е. Ю. Стратегическое планирование России в условиях глобальных трансформаций / Е. Ю. Кочемасова. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 208 с.
19. Бурак, П. И. Актуальные направления трансформации системы стратегического планирования на национальном и региональном уровнях / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец // Глобаль-

ные социально-экономические трансформации: Будущее России. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. – С. 414–426.

20. Система распределенных ситуационных центров развития для устойчивого стратегического управления / Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. междисциплинарного симпозиума. Москва, 17–18 октября 2019 г. / отв. ред. В. Е. Лепский. – М.: ООО «Когито-Центр», 2019. – С. 256–260.

21. Бауэр, В. П. Проектный подход к согласованию бюджетных процедур и ресурсного обеспечения реализации национальных проектов / В. П. Бауэр, В. В. Еремин, В. В. Смирнов // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 28–41. – DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41.

22. Козырев, А. А. Концептуальная схема исследований теории и методологии стратегии / А. А. Козырев // Экономическое возрождение России. – 2022. – №. 2(72). – С. 110–122. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-110-122.

References

1. Silvestrov S. N. (Ed). (2021) Strategicheskoye planirovaniye v gosudarstvennom sektore ekonomiki [Strategic Planning in the Public Sector of the Economy]. Moscow: INFRA-M Publ. 344 p.

2. Bauer V. P., Eremin V. V. (2020) Frantsuzskiy i kitayskiy opyt dlya sovershenstvovaniya rossiyskoy sistemy strategicheskogo planirovaniya [French and Chinese Experience for Improving the Russian Strategic Planning System]. The Authority, 4(28), pp. 205–213. – DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7462.

3. Rodionova I. A., Ugryumova A. A. (2021) SSHA i Kitay – lidery mirovoy naukoymkoy vysokotekhnologichnoy industrii: sravnitel'nyy analiz pozitsiy [The USA and China as Leaders of the Global Knowledge-Intensive High-Tech Industry: A Comparative Analysis of Positions]. Regional Economics: Theory and Practice, 3(19), pp. 400–428. DOI: 10.24891/re.19.3.400.

4. Kolovangin P. M. (2015) Gosudarstvennoye tvorchestvo grafa S. Y. Witte – poleznyy opyt modernizatsii Rossii [State Creativity of Count S. Y. Witte as a Valuable Experience for the Modernization of Russia]. Economic Revival of Russia, 1, pp. 37–43.

5. Tenyakov I. M. (2017) Otsenka poter' ekonomicheskogo rosta v stranakh, pereshedshikh k rynku [Estimates of Losses for Economic Growth in the Former Transition Economies]. Economic Revival of Russia, 1, pp. 119–131.

6. Polikarpov V. S., Polikarpova E. V. (2017) Rossiya i mir v projekte Donal'da Trampa «Vosstanovit' byloye velichiye Ameriki» [Russia and the Rest of the World in Donald Trump's Project "Make America Great Again"]. Taganrog: Southern Federal University Publ. 214 p.

7. Smirnov Y. N. (2023) Ekonomika transnatsional'nykh korporatsiy [The Economics of Transnational Corporations]. M.: KnoRus Publ. 542 p.

8. Bakhtizin A. R. (2023) Voprosy prognozirovaniya v sovremennykh usloviyakh [The Challenges of Forecasting Under Current Conditions]. Economic Revival of Russia, 2(76), pp. 53–62. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-53-62.

9. Khubiyev K. A. (2015) Sistemnyy podkhod k potentsialu razvitiya i faktoram tormozheniya rossiyskoy ekonomiki [On Systematic Approach to the Potential of Development and Factors of Slowdown of Russian Economy]. Economic Revival of Russia, 1, pp. 23–30.

10. Nason N. V., Ananina R. F. (2023) Konkurentsia i konkurentosposobnost' v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Competition and Competitiveness in the Context of Digital Transformation]. Trade, Service, Food Industry, 1(3), pp. 59–71.

11. Panteleyev, V. Y. (2022) Antikorrupsionnoye pravo Rossii: sistemnyy analiz [Anticorruption Law in Russia: Systemic Analysis]. Yekaterinburg: Ural Institute of Management, RANEP Publ. 454 p.
12. Timofeyeva A. A., Yeremenko M. N. (2023) Korruptsiya v Rossii kak ugroza natsional'noy bezopasnosti: istorikopravovoy aspekt [Corruption in Russia as a Threat to National Security: Historical and Legal Aspect]. Law and Order: History, Theory, Practice, 2(37), pp. 15–21. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10202.
13. Marushchak I. I. (2023) Innovatsionnaya aktivnost' rossiyskikh predpriyatiy: problemy, puti resheniya [Innovative Activity of Russian Enterprises: Problems and Solutions]. Economic Strategies, 25, 2(188), pp. 56–63. DOI: 10.33917/es-2.188.2023.56-63.
14. Burak P. I. (2014) Formirovaniye sistemy strategicheskogo planirovaniya na regional'nom urovne: Nauchno-metodicheskoye obespecheniye [Formation of a Strategic Planning System at the Regional Level: Scientific and Methodological Support]. International Journal of Management Theory and Practice, 11, pp. 58–64.
15. Bauer V. P., Burak P. I., Sukharev A. N. (2022) Konstitutsionalizm v razvitii printsipa obespecheniya rezul'tativnosti gosudarstvennogo upravleniya [Constitutionalism in the Development of the Principle Ensure the Performance of State Administration]. Herald of Tver State University. Series: Law, 2(70), pp. 32–40. – DOI: 10.26456/vtpravo/2022.2.032.
16. Bauer V. P., Sukharev A. N., Chaikina E. V. (2022) O neobkhodimosti soglasovaniya resheniy v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [On the Need to Coordinate Decisions in the Public Administration System]. Herald of Tver State University. Series: Law, 3(71), pp. 47–54. – DOI: 10.26456/vtpravo/2022.3.047.
17. Burak P. I. (2023) Kakim dolzhno byt' strategicheskoye planirovaniye v Rossii [What Should Strategic Planning in Russia Be Like]. Budget, 2(242), pp. 66–69.
18. Kochemasova Y. Y. (2020) Strategicheskoye planirovaniye Rossii v usloviyakh global'nykh transformatsiy [Strategic Planning in Russia in the Context of Global Transformations]. M.: LENAND Publ. 208 p.
19. Burak P. I., Rostanets V. G. (2022) Aktual'nyye napravleniya transformatsii sistemy strategicheskogo planirovaniya na natsional'nom i regional'nom urovnyakh [Current Trends in the Transformation of the Strategic Planning System at the National and Regional Levels]. Global Socio-Economic Transformations: The Future of Russia. M.: S. Y. Witte INID Publ., pp. 414–426.
20. Lepsky V. E. (Ed.) (2019) Sistema raspredelennykh situatsionnykh tsentrov razvitiya dlya ustoychivogo strategicheskogo upravleniya [System of Distributed Situational Development Centers for Sustainable Strategic Management]. Reflexive Processes and Management: A Collection of Materials of the XII International Scientific and Practical Interdisciplinary Symposium. Moscow, 17–18 October 2019. M.: OOO Kogito-Tsentr Publ., pp. 256–260.
21. Bauer V. P., Yerevin V. V., Smirnov V. V. (2020) Projektnyy podkhod k soglasovaniyu byudzhetnykh protsedur i resursnogo obespecheniya realizatsii natsional'nykh projektov [Project Approach to the Coordination of Budget Procedures and Resource Support for the Implementation of National Projects]. Economics. Taxes. Law, 3(13), pp. 28–41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41.
22. Kozyrev A. A. (2022) Kontseptual'naya skhema issledovaniy teorii i metodologii strategii [Conceptual Scheme for Research on the Theory and Methodology of Strategy]. Economic Revival of Russia, 2(72), pp. 110–122. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-110-122.

P. I. Burak⁷. From Strategic Planning to Strategic Administrative Solutions as an Imperative for Russian Economic Development. The Russian Federation at the current stage of development faces a serious task of overcoming the crisis and growing existential challenges. In the context of tightening anti-Russian sanctions, this task has gained particular relevance. Getting out of the crisis and getting on the path of development requires an integrated approach and work in several directions. In particular, it is necessary to ensure the intensification of interregional interaction; diversify the structure of the economy; develop import substitution; take measures to improve the standard of living and income of citizens. All this will improve the state of the national economy and ensure development in the field of innovation. Implemented in Russia as part of the tasks of strategic planning, planned tools for implementing strategic management decisions in the context of a change in the geopolitical position of Russia and new external and internal economic challenges are relevant innovations in the medium and long term. The driving forces and internal contradictions of these innovations are shown. The institutional and practically implemented types of strategic management decisions are singled out and their typical examples at the federal and regional levels are presented. Based on the analysis of the key factors of strategic management innovations, it was concluded that their implementation for the development of Russia entails the need to change the methods of strategic planning for the development of the country's economy.

Keywords: existential challenges, strategic planning, strategic management decisions, strategizing, resources for the strategic development of the Russian economy.

⁷ Petr I. Burak, Professor, Director of JSC «Institute for Regional Economic Strategies» (lane Sivtsev Vrazhek, 29/16, Moscow, 119002, Russia), acting President of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, e-mail: irei@irei.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-45-56

Ж. А. Ермакова¹, В. В. Свечникова²

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ³

Выявлены инвестиционные тенденции в промышленности, а также влияющие на них факторы. Декомпозиция осуществлялась на уровень регионов России и вида экономической деятельности – добыча полезных ископаемых (ДПИ). В исследовании принята гипотеза о зависимости инвестиционного процесса в регионе от доли добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС). Основные методы исследования: обзор специальной литературы, сравнительный и корреляционный анализы, графический. На основе анализа выявлены: семь групп регионов по доле ДПИ в НДС; увеличение количества регионов с существенной долей ДПИ; преимущественно сильная зависимость объёма инвестиций от доли ДПИ в НДС региона. Подчёркивается важность ускоренного развития обрабатывающих производств и других видов экономической деятельности в условиях санкционного давления; необходимость импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. Сформулированы направления активизации инвестиций в промышленности. В качестве направлений будущих исследований рассматривается разработка организационно-экономического механизма на уровне РФ и отдельных регионов для активизации инвестиций в обрабатывающих отраслях и придания им инновационного характера.

Ключевые слова: инвестиции, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, валовой региональный продукт, факторы инвестиционного процесса, корреляционный анализ, регион РФ.

УДК 330.322, 330.356

Введение

Инвестиционный процесс, его отраслевые и региональные срезы, влияющие на него факторы являются предметом исследований многих зарубежных и отечественных учёных.

¹ *Жанна Анатольевна Ермакова*, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ОГУ (460018, РФ, Оренбург, пр. Победы, д. 13), главный научный сотрудник Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: 56ermakova@mail.ru

² *Виктория Владимировна Свечникова*, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Новотроицкого филиала НИТУ МИСИС (462359, РФ, Новотроицк, ул. Фрунзе, д. 8), канд. экон. наук, доцент, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

³ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для Оренбургского филиала ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 гг. по теме: «Разработка теоретических положений и методического инструментария повышения эффективности управления логистическими цепями поставок ресурсов на мезо- и микроуровнях в условиях цифровой парадигмы» (№ 0327-2021-0015).

Й. Шумпетер в своей наиболее важной для экономической науки монографии «Теория экономического развития» [20] рассматривал роль денег и процесса инвестирования в инновационном процессе и шире – в экономическом росте. Особое значение в конкурентном росте экономики Й. Шумпетер придавал кредиту, отмечая его роль как источника финансирования новых комбинаций в производстве. В частности, наличие доступного по объёму и цене кредита формирует спрос предпринимателя на нужные ему средства производства, позволяет изымать их из традиционной сферы применения и направлять развитие экономики по инновационному пути.

К. Перес отмечала, что экономический рост возможен, когда «старый» капитал (накопленный при производстве на прежнем технологическом уровне) инвестируется в принципиально новые технологии [12].

Г. Менш при разработке теоретических положений об инновациях (их классификации, введении понятия «технологического пата» и т. д.) большое внимание уделил инвестиционному процессу [11]. В частности, он считал, что инновационный процесс протекает «наплывами», и экономика должна быть готова к базисным инновациям. Такое непоследовательное появление инноваций объясняется тем, что в период экономического роста и благополучия предприниматели избегают рискованных инвестиций, а в периоды экономической депрессии вынуждены идти на инвестиционный риск, в противном случае их бизнес может погибнуть.

Академик С. Ю. Глазьев при разработке своей теории долгосрочного технико-экономического развития и в дальнейших трудах выдвинул и обосновал ряд важнейших положений применительно к инвестиционному процессу в промышленности, в частности:

- технологическое развитие смещает инвестиционный вектор в производства, соответствующие доминирующему и/или формируемому технологическим укладам (ТУ);
- экономический рост обеспечивается эмиссией кредитных ресурсов и наличием институтов, «трансформирующих» кредит в расширение производства и инвестиции в НТП и человеческий капитал;
- увеличение экономической активности (выражаемое в росте ВВП) обеспечивается опережающим ростом инвестиций;
- денежная политика должна быть направлена на формирование условий для максимизации инновационно-инвестиционной активности;
- двукратное повышение уровня инвестиционной активности для опережающего развития на базе нового ТУ;
- сроки инвестиционных кредитов должны соответствовать нормальной длительности научно-производственного цикла в промышленности (5–7 лет);
- запуск специальных целевых кредитных линий для технологической модернизации производства [8, 9].

Ядром IV ТУ Глазьев называет двигатель внутреннего сгорания (по сути, всё, что относится к машиностроению и смежным отраслям); V ТУ – микроэлектронные компоненты; формирующегося VI ТУ – нанотехнологии, ядерную и возобновляемую энергетику (воплощение триады нано-био-ИКТ). «Своевременное развитие ключевых производств шестого технологического уклада формирует сравнительные преимущества, которые будут определять геоэкономическую конкуренцию до середины XXI века» [9].

Разработке целеполагания, направлений, условий, факторов, механизмов осуществления промышленной политики в регионах РФ, формированию высокотехнологичных секторов посвящены исследования академика РАН А. И. Татаркина и коллектива Института экономики УрО РАН под его руководством (О. А. Романовой, В. В. Акбердиной и др.) [16–19].

Проблемы обеспечения экономического роста, механизмов и инструментов инновационного и импортозамещающего развития отраслей, роли человеческого капитала и другие смежные вопросы исследовались в трудах ряда отечественных учёных: А. Г. Аганбегяна, С. Д. Бодрунова, В. В. Ивантера, Е. Б. Ленчук, Б. Н. Порфирьева, О. С. Сухарева, А. А. Широга и многих других [1–7, 10, 13–15].

Вместе с тем анализ инвестиционного процесса в совокупности с технологическим развитием осуществляется главным образом на уровне России в целом, а также в сравнении с другими странами. Считаем региональную дифференциацию внутри России весьма значительной, в связи с чем требуются выявление тенденций и соответствующая оценка для выработки механизмов и инструментов развития на уровне страны и регионов.

Методы, материалы, результаты

Инвестиционный и инновационный процессы являются определяющими факторами развития современной экономики. Содержательно и статистически показатели инвестиций, науки и технологий, инноваций различаются, при этом именно от их активизации зависят темпы технологической модернизации как процесса качественного совершенствования производительных сил посредством внедрения технологических инноваций.

Исследование инвестиционного и инновационного процессов в России говорит о весьма позитивных результатах:

- объём инвестиций за 2011–2021 гг. вырос с 10,8 до 28 трлн рублей (в 2,6 раза);
- доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП более чем за 10 лет увеличилась и составила 22,3 % в 2021 г.;
- уровень инновационной активности предприятий колеблется от 10 до почти 13 %;
- коэффициент обновления основных фондов изменяется в среднем от 9 до 12 % в год в зависимости уровня технологичности отрасли (высокотехнологичные отрасли обновляются со скоростью 12 % в год, низкотехнологичные – 10,2 %);
- доля вложений в машины и оборудование чаще всего составляет 31...33 % по видам экономической деятельности. В целом, направления инвестиций отражают специфику отраслей по структуре основных фондов⁴.

Для подтверждения или опровержения гипотезы проводилось исследование на основе данных за 2016–2021 гг.⁵

Основные положения исследования следующие:

- 1) осуществлен анализ 85 регионов России и проведена их группировка по доле в валовом региональном продукте (ВРП) основных видов экономической деятельности;
- 2) основой исследования явилась доля в ВРП региона добычи полезных ископаемых (ДПИ);
- 3) для проверки гипотезы в качестве результативного показателя принят объём инвестиций в основной капитал (млрд р.);
- 4) в качестве показателей-факторов, потенциально влияющих на величину инвестиций в основной капитал, нами выделены:
 - удельный вес добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости региона (ВДС) (%);
 - уровень инновационной активности предприятий (%);

⁴ URL: <https://56.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20–23.06.2023, 04.07.2023).

⁵ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20–23.06.2023, 04.07.2023).

- сальдированный финансовый результат деятельности организаций (млрд р.);
- доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ (млн р.);
- затраты на инновационную деятельность организаций (млн р.);
- доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме товаров (работ, услуг) (%);
- индекс промышленного производства (%);
- индекс производства ДПИ (%);

(Первоначальный перечень факторов был сужен – исключены мультиколлинеарные показатели.)

5) для проверки гипотезы применялся метод многофакторного корреляционного анализа, который позволил количественно оценить влияние выделенных нами факторов на результат. Для исключения мультиколлинеарных факторов проведён анализ матрицы парных коэффициентов;

6) обработка статистических данных выполнена с использованием программной надстройки «Пакет анализа» табличного процессора Microsoft Excel. В анализе использована официальная статистическая отчётность (официальный сайт Росстата);

7) в исследовании применялся показатель валовой добавленной стоимости (ВДС), так как в официальной статистической отчётности он измеряется в текущих ценах (как и выделенные факторные признаки, измеряемые в стоимостных единицах), а показатель ВРП – в постоянных ценах 2016 г.

На первом этапе по формуле Стерджесса определена необходимость объединения регионов в 7 групп. Величина интервала колебалась (в зависимости от показателей конкретного года) от 10,4 до 12,3 %. В результате с позиции актуальности анализа принято решение о группировке на основе данных 2021 г., поэтому в первую группу вошли регионы с долей до 12,3 % включительно, во вторую – от 12,3 до 24,6 % и т. д., седьмая группа включает регионы с долей добывающей промышленности в ВРП свыше 73,8 % (табл. 1).

Таблица 1

Группировка субъектов РФ по доле ДПИ в структуре НДС субъектов Российской Федерации за 2016–2021 гг.

Удельный вес добывающей промышленности в структуре НДС, %	Число субъектов РФ					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
До 12,3	62	61	61	60	59	58
12,3...24,6	11	11	9	10	14	8
24,6...36,9	5	6	6	5	4	8
36,9...49,2	2	3	3	5	2	5
49,2...61,5	3	2	2	1	3	3
61,5...73,8	2	2	3	3	2	0
73,8...86,1	0	0	1	1	1	3
Итого	85	85	85	85	85	85

Источник: рассчитано по данным Росстата: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20–23.06.2023).

Данные табл. 1 указывают на увеличение количества регионов с более высокой долей ДПИ в структуре ВДС. Если в 2016 г. количество субъектов с долей ДПИ в структуре ВДС более 24,6 % составляло 12, то в 2021 г. таких регионов было уже 19.

На втором этапе из каждой группы были отобраны регионы для анализа с учётом двух обстоятельств: за анализируемый период резко выросла доля ДПИ в ВДС региона (как правило, в 1,5...10 раз); регион является традиционно добывающим со стабильно высокой долей ДПИ:

- первая группа представлена Новосибирской областью (из-за увеличения доли ДПИ с 1,6 до 4,5 % при высокой доле обрабатывающих производств и мощного научно-инновационного сектора);
- Еврейская автономная область явилась представителем второй группы (доля ДПИ выросла с 2,2 до 23,7 %);
- из третьей группы выбраны Республика Карелия и Пермский край. К ним была добавлена Белгородская область, так как за 5 лет в структуре ВДС региона доля ДПИ резко увеличилась, и область из первой группы регионов переместилась в третью;
- четвёртая группа представлена Оренбургской областью;
- в пятую группу вошла Магаданская область;
- из седьмой группы в анализе учтены Ямало-Ненецкий (ЯМАО) и Ханты-Мансийский (ХМАО) автономные округа (как субъекты с наибольшим объёмом инвестиций в основной капитал и доминирующей долей ДПИ среди всех регионов России).

На третьем этапе был осуществлен корреляционный анализ выбранных регионов по восьми факторам, влияющим на результативный показатель. Для исключения влияния случайных факторов корреляционный анализ по субъектам РФ из седьмой группы (ЯМАО и ХМАО) проведён за период 2012–2021 гг. Оценка степени влияния факторов дифференцирована по трём уровням: слабая зависимость – до 0,3; умеренная – от 0,3 до 0,6; сильная – свыше 0,6 (табл. 2). Данные табл. 2 показывают, что в регионах из 3–6-й групп и отчасти в 7-й наблюдается сильная зависимость объёма инвестиций от доли ДПИ в ВДС региона (в Магаданской области и Ханты-Мансийском автономном округе – умеренная зависимость).

Выполнена визуализация степени зависимости объёма инвестиций в основной капитал от доли ДПИ в структуре ВДС региона (см. рисунок). Площадь круга на рисунке для каждого региона соответствует доле ДПИ в ВДС. Высокие значения зависимости инвестиций от доли ДПИ наблюдаются в Республике Карелия (теснота связи – 0,9), Оренбургской области (0,73), Ямало-Ненецком автономном округе (0,69) и Пермском крае (0,61).

Дополнительное изучение инвестиционных процессов потребовалось для регионов седьмой группы, в которых в 2019–2021 гг. существенно изменялись показатели доли ДПИ. Есть основания предположить, что это связано с трансфертным ценообразованием на продукцию добывающих отраслей и требованиями товарной политики (предприятия округов входят в составы вертикально-интегрированных корпораций). Было выявлено, что существенных снижений в добыче и производстве продукции в натуральном выражении не наблюдалось. Инвестиции направлялись главным образом:

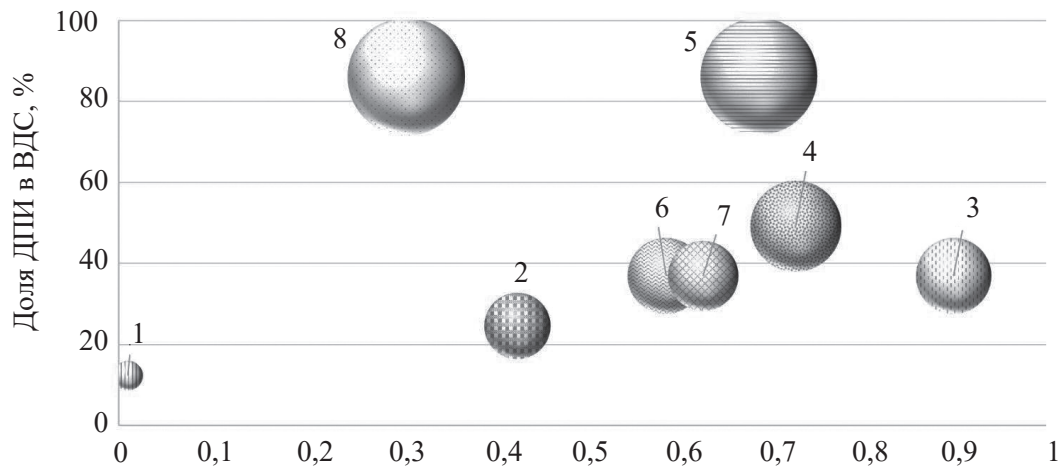
- в основные фонды предприятий ДПИ;
- на создание обрабатывающих переделов, следующих сразу за добычей;
- на строительство инфраструктурных объектов по обеспечению транспортировки, хранения и отгрузки добываемого сырья⁶.

⁶ URL: <https://gov.admhmao.ru/> (дата обращения: 04.07.2023); URL: <https://yanao.ru/> (дата обращения: 04.07.2023).

Таблица 2

Оценка степени влияния факторных признаков на объём инвестиций в основной капитал по регионам РФ

Удельный вес ДПИ в ВДС, %	Субъект РФ	Значение коэффициента корреляции		
		До 0,3 (слабая зависимость)	0,3...0,6 (умеренная зависимость)	Более 0,6 (сильная зависимость)
До 12,3	Новосибирская область	Удельный вес ДПИ в ВДС	Затраты на инновационную деятельность (ИД) организаций; сальдированный финансовый результат деятельности организаций (ФРДО)	–
12,3...24,6	Еврейская автономная область	Сальдированный ФРДО	Удельный вес ДПИ в ВДС; затраты на ИД организаций	–
24,6...36,9	Республика Карелия	Индекс производства ДПИ	–	Удельный вес ДПИ в ВДС; затраты на ИД организаций; доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объёме товаров (работ, услуг); доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
36,9...49,2	Пермский край	Уровень инновационной активности по субъектам	Затраты на ИД организаций	Удельный вес ДПИ в ВДС; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ; сальдированный ФРДО
	Белгородская область	Индекс промышленного производства	–	Удельный вес ДПИ в ВДС; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ; затраты на ИД организаций
	Оренбургская область	Доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объёме товаров (работ, услуг)	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС; индекс производства ДПИ; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
49,2...61,5	Магаданская область	–	Удельный вес ДПИ в ВДС	Сальдированный ФРДО; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
73,8...86,1	ЯНАО	–	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС
	ХМАО	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ

Зависимость объёма инвестиций в основной капитал от удельного веса добывающей промышленности в структуре ВДС регионов РФ. Степень тесноты связи:
1 – Новосибирская обл.; 2 – Еврейская АО; 3 – Республика Карелия;
4 – Оренбургская обл.; 5 – ЯНАО; 6 – Белгородская обл.; 7 – Пермский край;
8 – ХМАО

Это подтверждает фактическую направленность инвестиций в данных автономных округах на отрасли по добыче ископаемых.

Обсуждение и выводы

Уровень технологического развития экономики страны в целом, отдельных её регионов и отраслей определяется рядом существенных факторов и условий. Объём, динамика инвестиций и их направленность выступают одним из основных факторов. Однако, если инвестиции осуществляются без учёта научно-технологических приоритетов, необходимости развития отраслей и регионов, обеспечивающих технологическую независимость, то Россия не сможет остаться в перечне мировых экономических лидеров и обеспечивать населению высокий уровень жизни. При всей важности ДПИ для экономики страны и существенного вклада данной промышленности в обеспечение мировой конкурентоспособности развитие V и VI ТУ требует развития иных производств, соответствующих инвестиций и инноваций.

Исследование факторов, влияющих на объём инвестиций в основной капитал, по субъектам России за период 2016–2021 гг. показало:

- 1) значительную дифференциацию субъектов РФ по удельному весу добывающей промышленности в структуре ВДС;
- 2) увеличение количества регионов со значительным весом ДПИ в ВДС, в частности, число регионов с долей выше 24,6 % выросло с 12 до 19;
- 3) рост взаимосвязи суммы инвестиций в основной капитал и доли добывающей промышленности в структуре ВДС с увеличением удельного веса добывающей промышленности;
- 4) усиление влияния инновационной активности хозяйствующих субъектов и затрат на инновационную деятельность на величину инвестиций в основной капитал с увеличением доли добывающей промышленности в структуре ВДС.

Наличие умеренной и сильной зависимости между долей ДПИ в структуре ВДС региона и объёмом инвестиций выявлено для регионов 3–7-й групп. Регионы из 1 и 2-й групп (с долей ДПИ ниже 24,6 %) показывают слабую зависимость или отрицательную связь между этими показателями. Кроме того, регионы из 7-й группы демонстрируют неоднозначные результаты, что можно объяснить как формальными причинами, так и тем, что верхняя граница по уровню доли ДПИ практически достигнута, произошло насыщение основными фондами и развитие осуществляется в смежных отраслях, тесно связанных с добычей.

Проведённое исследование подтверждает нашу гипотезу и свидетельствует о наличии ряда отрицательных тенденций. Во-первых, это увеличение количества регионов с существенной долей ДПИ, а также с ростом этой доли по регионам. Если в 2016–2017 гг. в 7-й группе (доля – более 73,8 %) не было регионов, в 6-й было два региона, то с 2018 г. в этих группах находятся 3–4 региона. Несколько субъектов РФ резко увеличили долю ДПИ в ВДС (среди них Белгородская область). Во-вторых, гипотеза исследования подтвердилась для регионов 3–7-й групп (с долей ДПИ свыше 24,6 %). Практически для всех регионов установлена высокая зависимость суммы инвестиций от доли ДПИ в ВДС. Это достаточно логично – инвестиции, в том числе в технологическую модернизацию, осуществляются в те производства и отрасли и на тех предприятиях, которые уже функционируют в регионе. Однако, именно эта тенденция консервирует существующий уровень технико-экономического развития. Кроме того, создаётся опасная иллюзия, что рост инвестиций свидетельствует о благоприятных трендах в социально-экономической ситуации. Изучение данного вопроса позволило выявить следующее:

- 65 % предприятий нуждаются в инвестициях, направленных на повышение технологического уровня, 26 % – в цифровом развитии⁷;
- востребованность инвестиций для обеспечения устойчивого развития отметили предприятия и добывающих, и обрабатывающих отраслей⁸;
- инвестиционный процесс существенно тормозится из-за недостатка собственных ресурсов (особенно в обрабатывающих отраслях), дороговизны и дефицитности кредитных средств⁹.

Небольшой промежуток времени (в сравнении со средним инвестиционным циклом) с начала применения массовых экономических санкций против России не позволяет сделать обоснованные выводы об изменении или консервации сложившейся ситуации. Эксперты всё чаще говорят, что наличие параллельного импорта, с одной стороны, улучшает текущее потребление; с другой – становится тормозом для развития новых обрабатывающих производств и выстраивания отечественных цепочек с большей добавленной стоимостью на основе имеющегося ресурсного потенциала.

Выходом из данной ситуации может стать формирование под эгидой Правительства РФ и региональных властей экономически самодостаточных регионов производственных цепочек, обеспеченных финансовыми ресурсами и направленных на изготовление готовых для потребления товаров (работ, услуг), отвечающих научно-техническим приоритетам; стимулирующих развитие новых ТУ и способствующих дальнейшему конкурентному развитию российской экономики.

⁷ Инвестиционные тренды промышленности в цифровое и технологическое развитие в 2022 г. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 11 с.

⁸ Там же.

⁹ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20-23.06.2023, 01-04.07.2023).

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России / А. Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5 (194). – С. 9–20.
2. Аганбегян, А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 1 (172). – С. 3–15.
3. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362.
4. Бодрунов, С. Д. Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1 (71). – С. 5–13.
5. Ивантер, В. В. От модернизации экономической политики к качественному росту экономики / В. В. Ивантер, Б. Н. Порфирьев, А. А. Широков // Российский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 3–15.
6. Ивантер, В. В. Состояние и перспективы инновационного развития экономики России / В. В. Ивантер, Н. И. Комков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 5–15.
7. Ивантер, В. В. Механизмы экономического роста / В. В. Ивантер // Мир новой экономики. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 24–35.
8. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: ВЛАДАР, 1993. – 310 с.
9. Глазьев, С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
10. Ленчук, Е. Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития / Е. Б. Ленчук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 72–91. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5.
11. Мениш, Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию / Г. Мениш. – М.: Экономика, 2001. – 211 с.
12. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London: Elgar, 2002.
13. Порфирьев, Б. Н. «Зелёный» фактор инновационной модернизации экономики: вызов для России / Б. Н. Порфирьев // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 3. – С. 3–14.
14. Структурная модернизация российской экономики : условия, направления, механизмы / под ред. Е. Б. Ленчук, Н. Ю. Ахапкина, В. И. Филатова ; Институт экономики РАН. – СПб.: Алетей, 2022. – 276 с.
15. Сухарев, О. С. Технологический суверенитет: решения на макроэкономическом и отраслевом уровне / О. С. Сухарев // Микроэкономика. – 2023. – № 2. – С. 19–33.
16. Татаркин, А. И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19–31.
17. Татаркин, А. И. Шумпетерианская экономическая теория промышленной политики: влияние технологической структуры / А. И. Татаркин, О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова // Журнал экономической теории. – 2017. – № 2. – С. 7–17.

18. Татаркин, А. И. Промышленная политика: теоретические основы, практика реализации / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 6. – С. 19–23.

19. Татаркин, А. И. Формирование высокотехнологичного сектора в индустриальном регионе / А. И. Татаркин, О. А. Романова, В. В. Акбердина // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22). – С. 195–200.

20. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

References

1. Aganbegjan A. G. (2022) Dve glavnye makroekonomicheskie teorii D. Kejnса i M. Fridmana i ih ispol'zovanie v jekonomicheskoy politike krupnyh stran mira i Rossii [The two main macroeconomic theories of D. Keynes and M. Friedman and their use in the economic policy of major countries of the world and Russia]. *Problemy prognozirovaniya*, 5 (194), pp. 9–20.

2. Aganbegjan A. G. (2019) O neotlozhnyh merah po vozobnovleniju social'no-jekonomicheskogo rosta [On urgent measures to resume socio-economic growth]. *Problemy prognozirovaniya*, 1 (172), pp. 9–20.

3. Aganbegjan A. G. (2019) Rossiya: ot stagnacii k ustojchivomu social'no-jekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*, Vol. 237 (5), pp. 310–362.

4. Bodrunov S. D. (2022) Tehnologicheskij progress: predposylki i rezul'tat sociogumanitarnoj orientacii jekonomicheskogo razvitija [Technological progress: prerequisites and results of socio-humanitarian orientation of economic development]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1 (71), pp. 5–13.

5. Ivanter V. V., Porfir'ev B. N., Shirov A. A. (2016) Ot modernizacii jekonomicheskoy politiki k kachestvennomu rostu jekonomiki [From modernization of economic policy to qualitative economic growth]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*, 1, pp. 3–15.

6. Ivanter V. V., Komkov N. I. (2018) Sostojanie i perspektivy innovacionnogo razvitija jekonomiki Rossii [The state and prospects of innovative development of the Russian economy]. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*, Vol. 8 (4), pp. 5–15.

7. Ivanter V. V. (2018) Mehanizmy jekonomicheskogo rosta [Mechanisms of economic growth]. *Mir novoj jekonomiki*, Vol. 12 (3), pp. 24–35.

8. Glaz'ev S. Ju. (1993) Teorija dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitija [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow: Vldar. 310 p.

9. Glaz'ev S. Ju. (2018) Ryvok v budushhee. Rossiya v novyh tehnologicheskom i mirohozjajstvennom ukladah [A Breakthrough into the future. Russia in New technological and World Economic structures]. Moscow: Knizhnyj mir Publ. 768 p.

10. Lenchuk E. B. (2021) Rossiya v mirovom processe nauchno-tehnologicheskogo razvitija [Russia in the global process of scientific and technological development]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, Vol. 14 (4), pp. 72–91. DOI:10.23932/2542-0240-2021-14-4-5.

11. Mensh G. (2001) Tehnologicheskij pat: innovacii preodolevajut depressiju [Technological stalemate: Innovation overcomes depression]. Moscow: Jekonomika Publ. 211 p.

12. Perez C. *Technological Revolutions end Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. London: Elgar, 2002.

13. Porfir'ev B. N. (2016) "Zeljonyj" faktor innovacionnoj modernizacii jekonomiki: vyzov dlja rossii [The "green" factor of innovative modernization of the economy: a challenge for Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika, 3, pp. 3–14.
14. Lenchuk E. B., Ahapkina N. Ju., Filatova V. I. (2022) Strukturnaja modernizacija rossijskoj jekonomiki : uslovija, napravlenija, mehanizmy [Structural modernization of the Russian economy : conditions, directions, mechanisms]. Sankt-Peterburg: Aletejja Publ. 276 p.
15. Suharev O. S. (2023) Tehnologičeskij suverenitet: reshenija na makroekonomičeskom i otraslevom urovne [Technological sovereignty: decisions at the macroeconomic and sectoral level]. Mikrojekonomika, 2, pp. 19–33.
16. Tatarkin A. I., Romanova O. A. (2007) Promyšlennaja politika i mehanizm ee realizacii sistemnyj podhod [Industrial policy and its implementation mechanism a systematic approach]. Jekonomika regiona, 3, pp. 19–31.
17. Tatarkin A. I., Suharev O. S., Strizhakova E. N. (2017) Shumpeterianskaja jekonomičeskaja teorija promyšlennoj politiki: vlijanie tehnologičeskoj struktury [Schumpeterian Economic Theory of Industrial Policy: the Influence of Technological Structure]. Zhurnal jekonomičeskoj teorii. 2, pp. 7–17.
18. Tatarkin A. I., Romanova O. A. (2012) Promyšlennaja politika: teoreticheskie osnovy, praktika realizacii [Industrial policy: theoretical foundations, implementation practice]. Regional'naja jekonomika: teorija i praktika, 6, pp. 19–23.
19. Tatarkin A. I., Romanova O. A., Akberdina V. V. (2014) Formirovanie vysokotehnologičnogo sektora v industrial'nom regione [Formation of a high-tech sector in an industrial region]. Zhurnal Novoj jekonomičeskoj asociacii, 2 (22), pp. 195–200.
20. Shumpeter J. (1982) Teorija jekonomičeskogo razvitija [Theory of economic development]. Moscow: Progress Publ. 455 p.

Zh. A. Ermakova¹⁰, V. V. Svechnikova¹¹. Investment Trends in the Industry of Russian Regions.

The purpose of the study was to identify trends in investment processes in industrial economic activities, as well as to identify factors influencing them. The decomposition was carried out at the level of the regions of the Russian Federation and the type of economic activity – mining. The hypothesis of the study was that in regions in the structure of gross value added (GVA) of which the share of mining is significant, the investment process is more active. The main research methods were monographic, comparative and correlation analysis, graphic. The analysis made it possible to identify: seven groups of regions by the share of mining in the GVA; increasing the number of regions with a significant share of mining; mainly a strong dependence of the volume of investments on such a feature as the share of DPI in the GVA of the region.

From the point of view of economic development in the conditions of sanctions pressure, the need for import substitution and ensuring technological sovereignty, accelerated development of manufacturing

¹⁰ Zhanna A. Ermakova, Head of the Department of Banking and Insurance of OSU (13 Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russia), Chief Researcher of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, e-mail: 56ermakova@mail.ru

¹¹ Victoria V. Svechnikova, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of Novotroitsk Branch of MISIS (Frunze str., 8, Novotroitsk, Russia, 462359), Candidate of Economic Sciences, Docent, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

industries, as well as other types of economic activity is required. The identified factors affecting the dynamics and volume of investments made it possible to formulate directions for enhancing investment in industry.

The directions of future research may be the development of an organizational and economic mechanism at the level of the Russian Federation and individual regions to ensure a significant activation of investments in manufacturing industries and give them an innovative character. The conducted research and its results will be useful to researchers of problems of economic growth and investment development of industry, as well as teachers and students in economic areas.

Keywords: investments, mining, manufacturing, gross regional product, factors of the investment process, correlation analysis, region of the Russian Federation.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-57-68

В. А. Плотников¹

**ВЫБОР ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ:
ПОДХОД С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПЦИИ НООНОМИКИ^{2, 3}**

Современная российская экономика развивается под воздействием макроэкономического шока, вызванного внешними санкциями. Возникшая политико-экономическая турбулентность ведёт к росту неопределённости и дезориентирует экономических агентов относительно перспектив развития. Влияние турбулентности на экономики регионов неодинаково, что следует учитывать при выборе инструментов регулирования. В то же время регулирование помимо ситуационных антикризисных мер должно учитывать долгосрочные тенденции развития, чтобы создать стимулы для структурной перестройки экономики региона. Предлагается делать это с учётом положений концепции ноономики.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, политико-экономическая турбулентность, региональная экономика, региональное развитие, концепция ноономики, социально-экономическая трансформация, экономические санкции.

УДК 330.352

Введение

Современная экономика России развивается в переходном режиме. Импульс к такому развитию дали два неэкономических шока последних лет: пандемический (2020 г.) и санкционный (2022 г.) [1]. На наш взгляд, происходящие изменения не носят характер флуктуаций, т. е. отклонений от некой траектории устойчивого развития экономики, к которой она вернется после исчезновения внешних возмущающих воздействий. Напротив, мы наблюдаем переход на новую траекторию устойчивого развития, которая в одной из предыдущих публикаций названа нами «постнормальной» [2]. То есть, в данном случае мы имеем дело, по-видимому, с прохождением точки или зоны бифуркации (на наш взгляд – полифуркации), что требует понимания вероятных альтернатив дальнейшего развития.

¹ Владимир Александрович Плотников, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, РФ, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32), д-р экон. наук, профессор, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

² Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-10076, <https://rscf.ru/project/23-28-10076/>; гранта Санкт-Петербургского научного фонда.

³ Статья подготовлена по материалам выступления автора на Московском академическом экономическом форуме – 2023.

Нестабильность и неопределённость, связанные с переходными процессами, проявляются на всех уровнях хозяйственной системы. Предметом нашего внимания является региональный уровень. Отметим, что разные регионы по-разному реагируют на происходящие изменения (в одной из наших последних публикаций, подготовленной в соавторстве с профессорами Ю. В. Вертаковой и Р. Х. Ильясовым [3], выявлена высокая степень дифференциации реакций на санкционный шок 2022 г. трёх субъектов Федерации с разными социально-экономическими показателями: Курской области, города федерального значения Санкт-Петербурга и Чеченской Республики. Это требует дифференциации используемых инструментов регулирования экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности.

Особенности концепции ноономики

Использование того или иного управленческого инструментария, самого технологически проработанного и количественно выверенного, всегда строится на теоретической концепции, которая определяет состав используемых инструментов, границы их применимости, достигаемые цели управления и т. д. Известным примером является выстроенная в советское время система всеобъемлющего иерархического директивно-го народнохозяйственного планирования, базирующаяся на теоретических постулатах марксизма.

Смена в России на рубеже XX–XXI вв. модели политико-экономического устройства и курс на формирование рыночного ядра экономики привели к изменению инструментария регулирования экономики при сохранении альтернативности выбора. Как известно, в современной макроэкономической теории, в качестве элемента которой может рассматриваться теория государственного регулирования экономики, противостоят два крупных течения – неоклассическое и кейнсианское. Оба базируются на идее совершенства рыночного устройства экономики, но различны взгляды их представителей на степень этого совершенства.

Приверженцы кейнсианства полагают, что экономика не может автоматически прийти в равновесие, параметры которого устраивали бы общество [4], поэтому необходимо проведение активной государственной экономической политики. Неоклассики, напротив, считают, что рыночные механизмы саморегулирования не нуждаются в коррекции [5], поэтому государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным. Помимо указанных крайних («чистых») теоретических позиций, имеются и иные, которые предлагают собственные подходы к выстраиванию системы инструментов государственного регулирования экономики, например дирижизм [6].

Экономическое развитие очень динамично, оно подвержено воздействию многочисленных факторов, что порождает историческое и пространственное (страновое, региональное) разнообразие моделей регулирования экономики. При этом каждая модель строится на той или иной теоретической концепции. Одной из новых концепций является разработанная членом-корреспондентом РАН С. Д. Бодроновым концепция ноономики [7], которая пока не стала общеупотребимой, но количество её сторонников стремительно увеличивается [8–10 и др.], и мы относимся к их числу [11].

Согласно этой концепции, процессы технологического и социального развития могут привести к тому, что технологический уровень производства будет всё более возрастать. Это приведёт к его автономизации, разделению техно- и социосферы, которые в современных условиях объединяются в рамках экономических отношений. Следствием этих эволюционных процессов будет постепенное вытеснение человека из сферы производственных отношений и в итоге – исчезновение экономики в современ-

ном её понимании – как взаимодействия людей, отношений между ними по поводу производства и последующего использования продукта.

Возникнет новая организация общества – ноономика, в которой не будет экономического ядра («базиса» в терминологии марксистской теории). При этом производственное ядро, безусловно, сохранится, но производство приобретёт новый, не получивший пока распространения вид, оно станет поистине «безлюдным». Элементы такой организации производства имеются и сегодня [12], но это условная безлюдность, которая означает, что на конкретном участке или при исполнении конкретного технологического процесса или группы процессов промышленного предприятия человеческий труд заменяется машинным.

В рамках ноономики произойдет полное вытеснение человека из производственной сферы, за ним останутся лишь творческие регулирующие функции. Это кардинально изменит всю организацию общества, потребует культурных трансформаций и существенных институциональных изменений. Состав последних сегодня предсказать сложно, так как современные экономика и общество находятся на начальных этапах пути к ноономике, но основные векторы изменений уже обозначились. С. Д. Бодрунов назвал их «квадригой ноономики» и отнёс к ним развитие научно-технического прогресса, диффузию собственности, социализацию общества, становление солидаризма как базового принципа общественной организации [13].

Понятно, что переход к ноономике будет длительным, такова логика исторической эволюции. И некоторые признаки этого движения наблюдаются уже сегодня: рост инновационности и знаниеёмкости производства, его автоматизация и роботизация, широкое распространение отношений, характерных для экономики совместного потребления, и многое другое. Ускорение таких сдвигов в экономической и общественной организации происходит в кризисные периоды, когда имеющиеся институты, показавшие недостаточную эффективность, ослабевают, и возникает запрос на их трансформацию [14]. Именно такой период мы переживаем сегодня. Следовательно, возникают объективные предпосылки переустройства системы регулирования экономики на ноономической основе.

Современная политико-экономическая турбулентность и её влияние на региональное развитие

В феврале 2022 г. экономика России вступила в качественно новый период развития, обусловленный нарушением системы её внешних связей вследствие финансовых, технологических, торговых и иных ограничений, введённых странами «коллективного Запада» [15–17 и др.]. Экономическая модель страны, выстраивавшаяся всё постсоветское время в парадигме открытости, либерализации экономических связей, в исторически короткий промежуток времени была переведена (по крайней мере, такая попытка была предпринята недружественными странами) в закрытый режим функционирования. Это вызвало макроэкономический шок, следствием которого стала политико-экономическая турбулентность, она проявляется в росте неопределённости, в изменении критериев оценки управленческих решений, в сбоях в работе прежде надёжных институтов регулирования.

Данная турбулентность по-разному отразилась на различных регионах. К сожалению, полной картины влияния санкционного шока на российские регионы пока нет – Росстат не публиковал соответствующие данные. Основанием для этого является Федеральный план статистических работ, утверждённый распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р, согласно п. 1.2.6 которого

данные о валовом региональном продукте (ВРП) (по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, федеральным округам, видам экономической деятельности) ежегодно публикуются в первой декаде марта и касаются года, предшествующего предыдущему. То есть полные данные о ВРП 2022 г. будут доступны лишь после 10 марта 2024 г.

Официальные данные о динамике ВВП до 2022 г. включительно имеются (см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>), последнее их обновление было выполнено 07.04.2023 г. Из них следует (рис. 1), что негативное влияние санкционного шока 2022 г. на экономику РФ сопоставимо с аналогичным воздействием пандемического шока 2020 г., хотя и несколько ниже. В то же время бурный восстановительный рост экономики в 2021 г. привел к тому, что величина ВВП РФ в 2022 г. даже с учётом падений 2020 и 2022 гг. оказалась больше, чем в 2019 г.

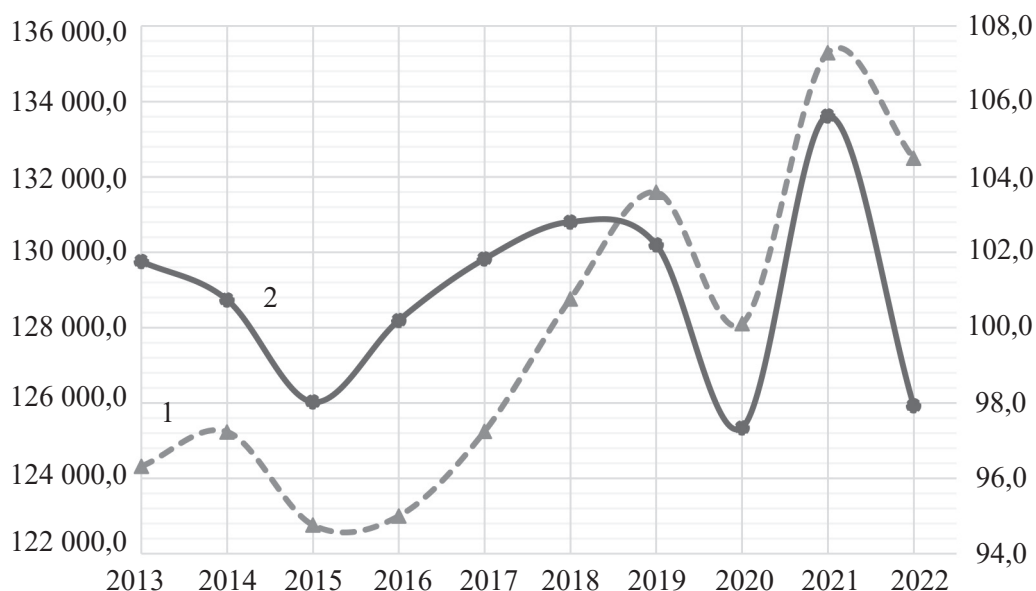

Рис. 1. Динамика ВВП РФ за десятилетний период (построено автором по данным Росстата): 1 – валовой внутренний продукт; млрд р. (в ценах 2021 г., левая ось); 2 – индекс физического объема ВВП, % к предыдущему году (правая ось)

Для количественной оценки влияния турбулентности 2022 г. на экономики отдельных субъектов Федерации мы произвели поиск по интернет-сайтам территориальных подразделений Росстата. (Выполнять всеобъемлющий анализ всех регионов мы не стали, так как это – трудоёмкая работа, требующая значительных ресурсов.) Выборочный поиск показал, что представленные данные не всегда сопоставимы, а некоторые данные и вовсе отсутствуют. Однако для понимания имеющейся динамики выборочных наблюдений, по нашему мнению, достаточно. Соответствующие результаты для Санкт-Петербурга и Ленинградской области приведены в таблице.

**Некоторые показатели социально-экономического развития
Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2022 г.⁴**

Показатель	Санкт-Петербург		Ленинградская обл.		Россия в целом
	2022 г.	% к 2021 г.	2022 г.	% к 2021 г.	% к 2021 г.
Оборот организаций в действующих ценах, млрд р.	31 747,4	Нет данных	3 739,0	108,5	107,5
Индекс промышленного производства	–	103,9	–	97,1	99,4
Объём работ по виду деятельности «Строительство», млрд р.	508,5	98,0	196,6	79,4	105,2
Оборот оптовой торговли, млрд р.	24 930,6	98,2	791,4	88,9	85,5
Оборот розничной торговли, млрд р.	1951,2	87,5	610,0	94,9	93,3
Оборот общественного питания, млрд р.	151,6	108,5	20,6	97,8	104,7
Объём платных услуг населению, млрд р.	693,6	104,0	110,3	105,0	103,2
Индекс потребительских цен (декабрь 2022 г., % к декабрю 2021 г.)	–	111,5	–	110,8	111,9

Как следует из приведённых в таблице обобщённых данных, экономики двух соседних регионов, хозяйственные комплексы которых тесно переплетены, по-разному отреагировали на санкционный шок. Например, разнонаправленной оказалась динамика промышленного производства. Если в Санкт-Петербурге индекс промышленного производства составил 103,9 %, то в Ленинградской области промышленность продемонстрировала спад – 97,1 %. При этом хорошие показатели Санкт-Петербургу обеспечила положительная динамика обрабатывающей промышленности (частный индекс составил 105,1 %). В Ленинградской области, напротив, выпуск в этом секторе снизился на 2,7 %, при этом рос выпуск в добывающей промышленности (индекс – 109,8 %), а виды деятельности, связанные с водоснабжением и водоотведением, организацией сбора и утилизации отходов, ликвидацией загрязнений, показали рост на 11,7 %.

Анализ других показателей, приведённых в таблице, показывает, что в 2022 г. экономики Санкт-Петербурга и Ленинградской области имели различающуюся динамику по разным показателям. И эта динамика отличалась от общестрановой (последняя графа таблицы).

Проанализируем динамику реакции региональных экономик рассматриваемых субъектов Российской Федерации на макрошок, вызванный санкциями, на примере промышленности (рис. 2). Из рисунка видно, что в предшествующем 2021 г. промышленность обоих регионов устойчиво росла, а в 2022 г. под влиянием политико-экономической турбулентности началось падение производства. При этом в Ленинградской области начало этого падения запаздывает на один квартал.

В целом, динамика промышленного выпуска в Ленинградской области в 2022–2023 гг. несколько более вялая. Спад в ней был меньше, чем в Санкт-Петербурге (–2,9 % в IV квартале 2022 г. против –5,4 % в III квартале того же года), а восстановление длится дольше. Если для восстановления (перехода к положительным приростам) промышленности Санкт-Петербурга потребовалось три квартала, то областная промышлен-

⁴ Санкт-Петербург и Ленинградская область в январе–декабре 2022 года. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IV_кв_2022.pdf.

ность испытывает снижение выпуска четыре квартала подряд: по итогам I квартала 2023 г. индекс промышленного производства в Санкт-Петербурге составил 103,3 %, в Ленинградской области – 99,1 %, что в точности равно общероссийскому уровню⁵.

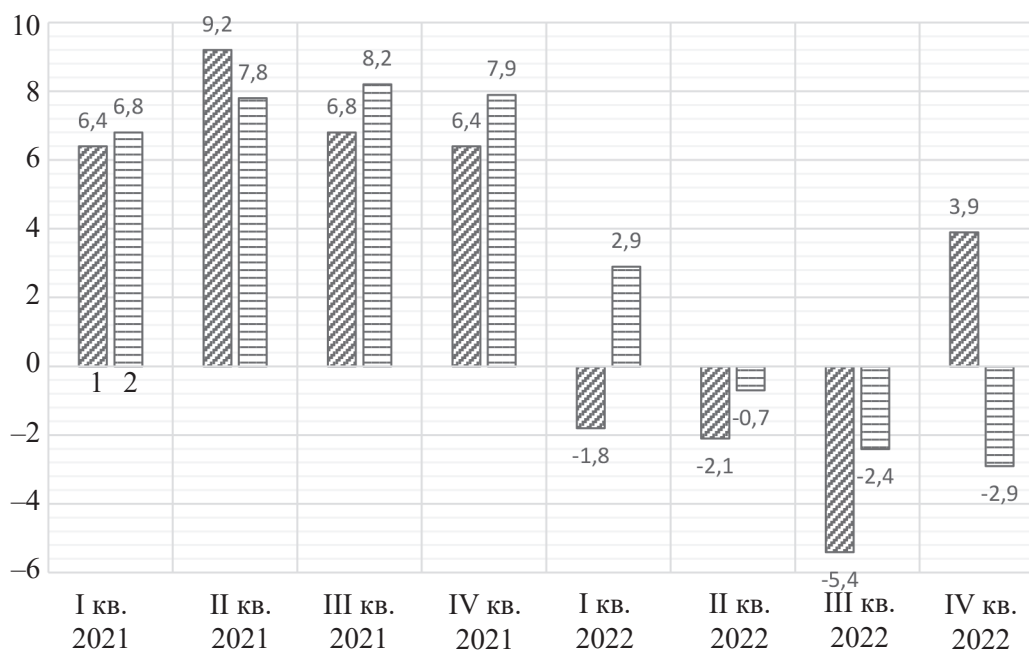

Рис. 2. Прирост промышленного производства % к соответствующему периоду предыдущего года (построено автором⁶): 1 – Санкт-Петербург; 2 – Ленинградская область

Рассмотрение региональных экономик как объектов управления показывает, что эти объекты (по различным субъектам Федерации) имеют свои особенности. Следовательно, в рамках реализации принципа необходимого разнообразия У. Р. Эшби [18] необходимо обеспечивать вариативность инструментов регулирования экономики регионов в условиях политико-экономической турбулентности. При этом следует учитывать не только тактические цели управления (скорейшее восстановление экономики и адаптация к новым условиям функционирования), но и стратегические, связанные с долгосрочной эволюцией социально-экономической системы, в частности, тенденцию перехода к нооэкономике.

Выводы и рекомендации

Регулирование региональных экономик в условиях высокой политико-экономической турбулентности, когда состав и интенсивность проявления влияющих факторов

⁵ Санкт-Петербург и Ленинградская область в январе–марте 2023 года. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/I_kv_2023.pdf.

⁶ Санкт-Петербург и Ленинградская область в январе–декабре 2022 года. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IV_kv_2022.pdf.

меняются с высокой частотой, требует оперативного информационного сопровождения. В современных российских условиях это требование невыполнимо. Официальная статистика представляет информацию о региональном развитии с таким большим запаздыванием, что с позиций принятия практических решений в рамках текущей деятельности региональных администраций она бесполезна.

Конечно, эта статистика интересна с аналитической, научной, экспертной точек зрения. (Например, ровно через год, весной-летом 2024 г., когда в рамках реализации Федерального плана статистических работ появится полная региональная статистика за 2022 г., можно вернуться к идеям данного исследования и продолжить его, опираясь на методы количественного анализа.) Публикуемые органами официальной статистики пресс-релизы, сообщения и иные документы не снимают проблемы, так как представляют информацию недостаточно системно.

Мы полагаем необходимой корректировку Федерального плана статистических работ, по крайней мере в его региональной части, что требует изменений нормативно-правового регулирования и ресурсного обеспечения реализации этих изменений, которое позволит увеличить производственные возможности статистических органов. В то же время остаётся открытым вопрос ресурсной поддержки организаций и предприятий как первичных звеньев, осуществляющих наполнение соответствующих регистров статистическими данными.

Согласно требованиям Федерального закона от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» предоставление первичных статистических данных субъектам официального статистического учёта является обязательным и безвозмездным, когда речь идёт о формировании официальной статистической информации. Не секрет, что на практике предоставление статистической информации организациями и предприятиями воспринимается как «повинность», осуществляемая в интересах государства, но за свой счёт.

Поэтому попытка (в рамках высказанных нами соображений) обязать организации и предприятия предоставлять расширенные статистические данные с повышенной частотой, мотивируя это кризисными условиями, будет воспринята как очередной административный барьер для ведения бизнеса, который не способствует его адаптации к кризисным условиям, а лишь ухудшает его положение. В рамках улучшения ресурсного обеспечения целесообразно рассмотреть вопрос предоставления компенсаций организациям и предприятиям, вовлекаемым в информационное обеспечение регулирования региональных экономик в условиях высокой политико-экономической турбулентности.

При выборе мер и приоритетов регулирования региональной экономики в условиях турбулентности следует иметь в виду, что помимо антикризисных ситуационно применяемых инструментов [19–21 и др.] (субсидии предприятиям и организациям наиболее пострадавших отраслей, налоговые льготы, информационная и кадровая поддержка, перераспределение средств государственного и муниципального заказа и др.) необходимо учитывать долгосрочные ориентиры развития, связанные со структурной перестройкой экономики, в частности с переходом к ноономике.

Первоочередную поддержку государства должна получить сфера материального производства, прежде всего высоко- и среднетехнологичного, наукоёмкого и инновационно ориентированного. Субъекты соответствующих видов деятельности стратегически важны для посткризисного развития экономики региона, поэтому на их выживание в условиях турбулентности следует обращать особое внимание, например, разрабатывая специальные антикризисные программы отраслевого и секторального характера.

Важная характеристика ноономики – высокий уровень развития индустрий, связанных с формированием, обработкой, передачей и использованием знаний. В современных условиях технологической основой осуществления этой деятельности является цифровая инфраструктура. Она заслуживает повышенного внимания региональных властей. Поддержка цифровизации и в перспективе – цифровой трансформации региональной экономики способна не только придать импульс экономическому развитию, но и благоприятно повлиять на систему социальных отношений, сделать регион более привлекательным для ведения бизнеса и для жизни людей.

Ноономика – это не новая модель экономики, выстроенной на обновлённых принципах, это новая модель организации общества, в которой экономика в привычном нам восприятии исчезает. Важную роль в ноопереходе играет развитие науки, образования и культуры. В период турбулентности эти виды деятельности также нуждаются в первоочередной поддержке. Данная поддержка должна быть интегрированной в рамках устойчивой связки «наука – образование – производство», чтобы ограниченные ресурсы государственной поддержки не распылялись, а были сконцентрированы на создании предпосылок для успешного нооперехода.

Наконец, приоритетным направлением поддержки являются виды деятельности, относимые к экономике совместного потребления, например каршеринг. Их поддержка преследует несколько специфических целей. Во-первых, экономика совместного потребления способствует более рациональному использованию ограниченных ресурсов, что очень важно в кризисных условиях. Во-вторых, совместное потребление делает более доступными товары и услуги, в которых люди нуждаются на непостоянной основе, т. е. позволяет повысить реальное качество жизни людей. А это влияет на их отношение к кризисным явлениям в экономике. В-третьих, развитие шеринговых отношений способствует диффузии собственности и трансформации социальных взаимосвязей, что создаёт предпосылки для успешного перехода к последующим этапам социального развития.

Список литературы

1. Плотников, А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) / А. В. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 5-2 (137). – С. 194–199.
2. Плотников, В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6 (138). – С. 15–21.
3. Вертакова, Ю. В. Региональная дифференциация развития промышленности в современной России / Ю. В. Вертакова, Р. Х. Ильясов, В. А. Плотников // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 179–184.
4. Орусова, О. В. Экономическая теория Дж. М. Кейнса и ее реализация в Японии / О. В. Орусова // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 8 (73). – С. 45–53.
5. Чупров, С. В. Веха реформ промышленности России и Иркутской области: либерально-рыночный романтизм и реализм государственного управления / С. В. Чупров // Известия Байкальского государственного университета. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 204–212.
6. Зотова, Е. С. Экономика среди хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму (обзор теоретического семинара, посвященного памяти В.Т. Рязанова) / Е. С. Зотова // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 2. – С. 167–174.

7. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
8. Глазьев, С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 43–64.
9. Маслов, Г. А. На пути к ноономике: технологические и социально-экономические трансформации XXI века / Г. А. Маслов, З. Р. Хабибуллина // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 1 (67). – С. 116–126.
10. Смолин, О. Н. Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций: новая роль знаний в процессе движения к ноономике / О. Н. Смолин // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 111–124.
11. Плотников, В. А. Типизация хозяйственных систем: теоретические аспекты / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 20–26.
12. Князев, Ю. К. От полной занятости к безлюдному производству – парадокс человеческого труда / Ю. К. Князев // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 144–149.
13. Бодрунов, С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 1 (67). – С. 5–14.
14. Институциональная трансформация социально-экономических систем в условиях цифровизации: состояние, тренды, проблемы и перспективы / под ред. В. В. Верстаковой. – Курск: Университетская книга, 2020. – 294 с.
15. Мухортов, Д. В. Оценка влияния кризиса на нефтегазовую отрасль РФ / Д. В. Мухортов, А. О. Фролов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2022. – № 3 (53). – С. 31–34.
16. Смешко, О. Г. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления / О. Г. Смешко, В. А. Плотников, Ю. В. Вертакова // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 6. – С. 524–537.
17. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / под ред. Н. В. Акиндиновой. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. – 63 с.
18. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
19. Бражникова, Л. Н. Теоретическое обоснование антикризисной промышленной политики в условиях непризнанной государственности (на примере Донецкого региона) / Л. Н. Бражникова, И. А. Мызников // Региональная экономика и управление: электронный науч. журнал. – 2022. – № 1 (69). URL: <https://eeeregion.ru/article/6906>.
20. Мацкуляк, И. Д. Безопасное антикризисное регулирование экономики: кластерный подход (на уровне муниципального образования) / И. Д. Мацкуляк, Д. И. Мацкуляк, Н. З. О. Нагдалиев // Муниципальная академия. – 2022. – № 3. – С. 86–96.
21. Щербань, Е. Г. Развитие антикризисного инструментария региональной политики в условиях глобальных вызовов / Е. Г. Щербань // Московский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 195–213.

References

1. Plotnikov A. V. (2022) Modelirovaniye form proyavleniya krizisa v natsional'noy ekonomike pod vozdeystviyem neekonomicheskogo shoka (na primere krizisov v Rossii 2020 i 2022 godov) [Modeling the Forms of the Crisis Emergence in the National Economy Under the Influence of Non-economic Shock (On the Example of Crises in Russia in 2020 and 2022)]. Journal of the St. Petersburg State University of Economics, 5-2 (137), pp. 194–199.
2. Plotnikov V. A. (2022) Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh postnormal'nosti [Prospects for Economic Development in Post-normal Conditions]. Journal of the St. Petersburg State University of Economics, 6(138), pp. 15–21.
3. Vertakova Y. V., Ilyasov R. K., Plotnikov V. A. (2023) Regional'naya differentsiatsiya razvitiya promyshlennosti v sovremennoy Rossii [Regional Differentiation of Industrial Development in Modern Russia]. Economic Problems and Legal Practice, 19(3), pp. 179–184.
4. Orusova O. V. (2016) Ekonomicheskaya teoriya Dzh. M. Keynso i yeye realizatsiya v Yaponii [Economic theory J. M. Keynes and its implementation in Japan]. Journal of Economy and Entrepreneurship, 8 (73), pp. 45–53.
5. Chuprov S. V. (2016) Vekha reform promyshlennosti Rossii i Irkutskoy oblasti: liberal'no-rynnochnyy romantizm i realizm gosudarstvennogo upravleniya [A Milestone in the Reforms of Industry in Russia and the Irkutsk Region: Liberal Market Romanticism and Realism of Public Administration]. Bulletin of the Baikal State University, 26(2), pp. 204–212.
6. Zotova E. S. (2021) Ekonomika sredi khozyaystva: ot ekonomicheskogo liberalizma k khozyaystvennomu dirizhizmu (obzor teoreticheskogo seminar, posvyashchennogo pamyati V. T. Ryazanova) [Economics Among the Economy: From Economic Liberalism to Economic Dirigism (The Review of the Theoretical Seminar Devoted to V. T. Ryazanov's Memory)]. Problems in Political Economy, 2, pp. 167–174.
7. Bodrunov S. D. (2018) Noonomika [Noonomy]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 432 p.
8. Glaziev S. Y. (2022) Noonomika kak sterzhen' formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirokhozyaystvennogo ukladov [Noonomy as the Forming Linchpin for the New Technological and World Economic Order]. Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID, 1(1), pp. 43–64.
9. Maslov G. A., Khabibullina Z. R. (2021) Na puti k noonomike: tekhnologicheskiye i sotsial'no-ekonomicheskkiye transformatsii XXI veka [Towards Noonomy: Technological and Socioeconomic Transformations of the 21st Century]. Economic Revival of Russia, 1(67), pp. 116–126.
10. Smolin O. N. (2022) Protivorechiya tekhnologicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy: novaya rol' znaniy v protsesse dvizheniya k noonomike [Contradictions of Technological and Socio-Economic Transformations: The New Role of Knowledge in the Process of Moving Towards Noonomy]. Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID, 1(2), pp. 111–124.
11. Plotnikov V. A. Tipizatsiya khozyaystvennykh sistem: teoreticheskiye aspekty [Typization of Economic Systems: Theoretical Aspects]. Journal of the St. Petersburg State University of Economics, 1(127), pp. 20–26.
12. Knyazev Y. K. (2021) Ot polnoy zanyatosti k bezlyudnomu proizvodstvu – paradoks che-lovecheskogo truda [From Total Business to People-Free Production – A Human Labor Paradox] // ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice, 6, pp. 144–149.

13. Bodrunov S. D. (2021). *Genezis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, sotsializatsiya obshchestva, solidarizm* [Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Solidarism]. *Economic Revival of Russia*, 1(67), pp. 5–14.
14. Vertakova Y. V. (Ed.) (2020). *Institutsional'naya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v usloviyakh tsifrovizatsii: sostoyaniye, trendy, problemy i perspektivy* [Institutional Transformation of Socio-Economic Systems in the Context of Digitalization: State, Trends, Problems and Prospects]. Kursk: Universitetskaya kniga Publ. 294 p.
15. Mukhortov D. V., Frolov A. O. (2022). *Otsenka vliyaniya krizisa na neftegazovuyu otasl' RF* [Assessment of the Impact of the Crisis on the Oil and Gas Industry of the Russian Federation]. *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*, 3(53), pp. 31–34.
16. Smeshko O. G., Plotnikov V. A., Vertakova Y. V. (2022). *Perspektivy rossiyskoy ekonomiki: novyye vyzovy ekonomicheskoy bezopasnosti i perestroyka gosudarstvennogo upravleniya* [Prospects for the Russian Economy: New Challenges to Economic Security and Public Administration Restructuring]. *Economics and Management*, 28(6), pp. 524–537.
17. Akindinova N. V. (Ed.) (2023). *Ekonomika Rossii pod sanktsiyami: ot adaptatsii k ustoychivomu rostu* [The Russian Economy Under Sanctions: From Adaptation to Sustainable Growth]. Report From the XXIV Yasinskaya (April) International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2023. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 63 p.
18. Ashby W. R. (1959). *Vvedeniye v kibernetiku* [An Introduction to Cybernetics]. Moscow: Inostrannaya literature Publ. 432 p.
19. Brazhnikova L. N., Myznikov I. A. (2022). *Teoreticheskoye obosnovaniye antikrizisnoy promyshlennoy politiki v usloviyakh nepriznannoy gosudarstvennosti (na primere Donetskogo regiona)* [Theoretical Substantiation of Anti-crisis Industrial Policy in the Conditions of Unrecognized Statehood (On the Example of the Donetsk Region)]. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*, 1(69). URL: <https://eeeregion.ru/article/6906>.
20. Matskulyak I. D., Matskulyak D. I., Nagdaliev N. Z.O. (2022). *Bezopasnoye antikrizisnoye regulirovaniye ekonomiki: klasternyy podkhod (na urovne munitsipal'nogo obrazovaniya)* [Safe Anti-crisis Regulation of the Economy: A Cluster Approach (At the Level of the Municipality)]. *Municipal Academy*, 3, pp. 86–96.
21. Shcherban E. G. (2022). *Razvitiye antikrizisnogo instrumentariya regional'noy politiki v usloviyakh global'nykh vyzovov* [Development of Anti-crisis Tools of Regional Policy in the Context of Global Challenges]. *Moscow Economic Journal*, 5, pp. 195–213.

V. A. Plotnikov⁷. The Choice of Instruments for Regional Economy Regulation Under Conditions of Political and Economic Turbulence: An Approach from the Position of the Noonomy Concept. The modern Russian economy is developing under the influence of a macroeconomic shock caused by external sanctions. The sanctions have caused political and economic turbulence, which leads to an increase in uncertainty and disorients economic agents regarding the prospects for

⁷ *Vladimir A. Plotnikov*, Professor in the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics (30-32 Griboedov Canal Embankment, St Petersburg, 191023, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

further development. The impact of turbulence on the economies of regions is not the same, which is necessary to take into account when choosing regulatory instruments. At the same time, in addition to situational anti-crisis measures, this regulation should take into account long-term development trends in order to create incentives for the restructuring of regional economy. The article proposes ways to achieve this considering the provisions of the concept of noonomy.

Keywords: state regulation of the economy, political and economic turbulence, regional economy, regional development, the concept of noonomy, socio-economic transformation, economic sanctions.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-69-74

О. С. Белокрылова¹

«ЗЕЛЁНАЯ» ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В САНКЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Беспрецедентная заморозка 300 млрд долларов международных резервов России обострила задачу обеспечения технологического суверенитета страны, обусловила радикальную трансформацию национальной промышленной политики. Это несколько отодвинуло необходимость «озеленения» промышленности, но не снизило её значимости в реализации концепции устойчивого развития. Определены предметно-содержательные характеристики «зелёной» промышленной политики, обоснованы направления её институционализации как сложного процесса, требующего объединённых усилий государства и частных стейхолдеров для создания низкоуглеродной экономики, устойчивой к изменению климата и способной демонстрировать нормальные темпы экономического роста без чрезмерной эксплуатации ограниченных природных ресурсов. Оценен сравнительный «зелёный» потенциал регионов Южного федерального округа, предложены антисанкционные меры, в частности, по «зелёной» корректировке промышленной ипотеки.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зелёная» экономика, «озеленение» промышленности, промышленная политика, санкции, антисанкционные меры, промышленная ипотека.

УДК 330.352

Сверхсложная геополитическая ситуация, усугубляемая масштабируемыми санкциями недружественных государств со «средне- и долгосрочными последствиями» [4, с. 67] и усиливающимся мобилизационным характером российской экономики, обусловила предсказанное в 2015 г. профессором Р. М. Нуреевым углубление экономической изоляции России от мирового сообщества и поиск «союзников в лице стран БРИКС, прежде всего Китая» [5, с. 53]. Россия, которая, по мнению Президента В. В. Путина, никогда не была «полуколонией» Запада, в условиях санкций оказалась сильнее, чем сама ожидала². И хотя сложности санкционной, мобилизационной экономики потеснили «зелёную» проблематику, актуальности своей она не утратила, в контексте «озеленения» промышленности как наиболее масштабного источника вредных выбросов. Об этом свидетельствует картограмма выбросов CO₂ (см. рисунок), максимизация которых соответствует наиболее развитым в индустриальном отношении территориям Китая, США, Индии, России, Японии.

¹ Ольга Спиридоновна Белокрылова, профессор кафедры экономической теории экономического факультета Южного федерального университета (344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42), д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 27.10.2022).

Территориальная локализация промышленных выбросов
(составлено автором на основе: CO₂ Territorial emissions in 2021 (MtCO₂).
Global Carbon Atlas. URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/>)

«Зелёная» промышленная политика – это сложный процесс, требующий объединения усилий государства и частных стейхолдеров для создания низкоуглеродной экономики, устойчивой к изменениям климата и способной демонстрировать нормальные темпы экономического роста без чрезмерной эксплуатации ограниченных природных ресурсов.

Цель исследования – на основе идентификации объекта и предмета «зелёной» промышленной политики выявить возможности её реализации в двух аспектах – экономическом и экологическом; обосновать современные направления «озеленения» промышленной политики; определить её особенности в санкционных условиях и предложить меры по ускорению процесса «озеленения» индустрии в качестве антисанкционной меры.

Концепция «зелёной» экономики, предложенная в докладе экономистов-экологов D. Pearce, A. Markandya и E. B. Barbier «План для зелёной экономики», целенаправлена на формирование экономики, обеспечивающей улучшение здоровья населения, социальную справедливость, снижение опасных воздействий на окружающую среду и экологического дефицита [7]. Экспертами ООН «зелёная» экономика характеризуется как хозяйственная система, «которая улучшает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость, одновременно снижая экологические риски; является альтернативой доминирующей модели, которая усугубляет неравенство, поощряет расточительство, вызывает нехватку ресурсов и порождает угрозы для окружающей среды и здоровья человека»³. Следовательно, «зелёная» экономика трактуется как современная модель экономического развития, базирующаяся на ответственном отношении человека к ресурсам планеты. Поскольку именно современная растущая индустрия «поставляет» наибольшие объёмы вредных выбросов в окружающую среду (см. рисунок), стратегия динамики и сокращения этой эмиссии институционализована в про-

³ Why does environmental economics matter? URL: <https://www.unenvironment.org/explore-topics/greeneconomy/why-does-green-economy-matter>.

мышленной политике, ориентированной на формирование индустрии замкнутого цикла (циркулярной [19, с. 1–19], безотходной).

«Зелёная» промышленная политика – это система стратегических мер государства, направленных на ускорение роста и развития «зелёных» отраслей промышленности для стимулирования перехода к низкоуглеродной экономике. В соответствии с данным определением задачами исследования являются изучение механизмов реализации «зелёной» промышленной политики и практическая оценка эффективности их применения в России.

Исследование возможностей реализации «зелёной» (экологичной) [6, с. 164] промышленной политики имеет большое значение для любой страны. Актуальность выделенной проблемы может быть обоснована в двух измерениях: экономическом, с позиций которого проблема изучается в данной работе, и экологическом, подчёркивающим необходимость рассмотрения любых экономических процессов в тесной взаимосвязи с их влиянием на окружающую среду. С экономической точки зрения необходимость её применения заключается в том, что функционирование таких отраслей промышленности, как «зелёная» энергетика [3, с. 164], или низкоуглеродной инфраструктуры общественного транспорта в условиях рыночной экономики связано с высокими издержками и большими рисками. Это вызывает потребность в поддержке «озеленения» индустрии государством путём проведения «зелёной» промышленной политики до тех пор, пока предприятия такого рода не достигнут коммерческой жизнеспособности.

Что касается экологического аспекта рассматриваемой проблемы, исследователи стали включать его в работы после принятия в 1980 г. Всемирной стратегии охраны природы и призыва ООН перейти к «развитию без разрушения». Это привело не только к акцентированию внимания экономистов на исследованиях экономических явлений в контексте их протекания в природной среде, но и к серьёзному преобразованию Концепции устойчивого развития ООН⁴: если раньше она основывалась преимущественно на достижении экономического здоровья нации, то в настоящее время экономическая составляющая является лишь частью этой модели, наряду с социальной справедливостью и благоприятным состоянием окружающей среды. Согласно обозначенной проблематике, объектом данного исследования выступает экономическое развитие России, а предметом – анализ воздействия «зелёной» промышленной политики на его состояние в современных санкционных условиях.

В Ростовской области серьёзный шаг к «озеленению» энергетики сделан в марте 2020 г., когда был введён в эксплуатацию первый Сулинский ветропарк (48 ветроустановок мощностью по 2,5 МВт) в рамках реализации «зелёного» проекта «Ветроэнергетика». К концу 2020 г. были построены также Гуковская и Каменская ветроэлектростанции, а к 2023 г. в регионе функционируют 6 ветропарков и 4 строятся. Ростовская область занимает лидирующую позицию по мощности ветрогенерации среди российских регионов.

Для оценки потенциала развития «зелёной» экономики регионов Южного федерального округа (ЮФО) с применением методологии институционального исследования нами проанализирована институционализация критериев устойчивого развития и «озеленения» экономики в их стратегиях социально-экономического развития до 2030 г. В результате проведённого исследования выделены три кластера регионов ЮФО:

⁴ Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (перевод с английского), 1987.

- в кластер со слабым экологическим потенциалом включены Астраханская область и г. Севастополь, в стратегиях развития которых не обнаружено экологических терминов;

- средним потенциалом характеризуются Волгоградская область и Республика Калмыкия, поставившие цели устойчивого стратегического развития при отсутствии термина «зелёная» экономика;

- кластер регионов с сильным экологическим потенциалом образуют Республики Адыгея и Крым, Краснодарский край и Ростовская область, в стратегиях которых выделены термин «зелёная» экономика и задача устойчивого развития.

«Озеленение» промышленности, на наш взгляд, является приоритетным направлением и основой перехода от «коричневой» к «зелёной» [2] низкоуглеродной (декарбонизированной) экономике, поскольку именно индустрия:

- вносит наибольший вклад в изменение климата планеты, являясь источником 60 % выбросов парниковых газов;

- имеет решающее значение для социально-экономического развития, жизнеобеспечения растущей численности населения планеты.

Таким образом, «озеленение» промышленности особо значимо для развития «зелёной» экономики в целом в соответствии с триединством критериев устойчивого развития: социальной эффективности, экономической целесообразности и экологической безопасности. Как известно, государственная экономическая политика формирует институциональные ориентиры поведения экономических субъектов, поэтому её совершенствование, модернизация может, на наш взгляд, рассматриваться как механизм институционального проектирования. Выдвигаемая нами гипотеза подтверждается трансформациями промышленной политики государства с момента принятия закона «О промышленной политике в РФ» в 2014 г.

«Озеленению» промышленной политики способствует «зелёная» закупочная политика государства. «Зелёные» закупки представляют собой приобретение таких товаров и услуг для нужд учреждений общественного сектора, которые на протяжении своего жизненного цикла наносят окружающей среде существенно меньший ущерб, чем традиционно закупаемые. Подчеркнём, что именно в условиях санкций в 2022 г. было принято Постановление Правительства РФ от 08.07.2022 № 1224, по которому, на наш взгляд, с 2023 г. начат переход от добровольной к императивной институционализации (пока в нормативном акте) «зелёного» критерия – доли вторичного сырья, используемого в производстве пяти групп простых товаров.

Второй антисанкционной закупочной нормой, стимулирующей «озеленение» промышленной политики, выступает статья 15 антикризисного закона № 46-ФЗ. Она предоставила право Правительству РФ и регионов устанавливать дополнительные случаи закупок у единственного поставщика до 31.12.2023 г. Как правило, экологически чистая продукция дороже традиционной, поэтому введённая норма расширяет возможности её госзакупок, обеспечивая её приоритет в дополнительно установленных случаях.

Наконец, введённая по предложению Президента РФ В. В. Путина на Петербургском экономическом форуме 2022 г. промышленная ипотека (Постановление Правительства РФ от 06.09.2022 № 1570), расширенная в 2023 г. не только на приобретение зданий, но и на их строительство, модернизацию и реконструкцию, может быть целеориентирована на производство в этих объектах недвижимости продукции с экологическими характеристиками.

Применение предложенных мер и рекомендаций на макро-, мезо- и микроуровне, расширенное инвестирование в «зелёные» индустриальные технологии, разработка

стратегии «зелёных» закупок для нужд общественного сектора в современных условиях способны не только направить экономику на развитие по двусторонней модели «зелёного» роста и формирование индустрии замкнутого цикла (циркулярной), но и за счёт «озеленения» промышленной политики сделать Россию проводником «зелёной» промышленности.

Список литературы

1. Батова, Н. Циркулярная экономика в действии: формы организации и лучшие практики / Н. Батова, П. Сачек, И. Точицкая // BERO Green Economy Policy Paper Series. – 2018. – №5. – С. 1–19.
2. Белокрылов, К. А. Концепция внедрения экологических критериев в контрактную систему закупок / К. А. Белокрылов, А. Вакуленко, А. Кишковская, А. Н. Ситухо // Journal of Economic Regulation. – 2021. – Т. 12, №4. – С. 150–158.
3. Белокрылова, О. С. «Зелёная» энергетика в стратегии устойчивого развития региона (на примере Ростовской области) / О. С. Белокрылова // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения-2022. Секция экономических наук. «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях»: сб. лучших докл. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022. – С. 682–691.
4. Капогузов Е. А. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства / Е. А. Капогузов, Р. Ю. Чупин // Journal of Economic Regulation. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 67–74.
5. Нуреев, Р. М. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России / Р. М. Нуреев, П. К. Петраков // Journal of Economic Regulation. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 40–60.
6. Скобелев, Д. О. Промышленная политика повышения ресурсоэффективности для формирования устойчивых экономических систем / Д. О. Скобелев // Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование. – 2021. – С. 164–166.
7. Pearce D. W., Markandya A., Barbier E. B. (1989). Blueprint for a Green Economy. London: Earthscan. 192 p. DOI:10.4324/9780203097298.

References

1. Batova N., Sachek P., Tochitskaya I. (2018). Tsirkulyarnaya ekonomika v deystvii: formy organizatsii i luchshiye praktiki [Circular Economy in Action: Forms of Organization and Best Practices]. BERO Green Economy Policy Paper Series, 5, pp. 1–19.
2. Belokrylov K. A., Vakulenko A., Kishkovskaya A., Situkho A. N. (2021). Kontseptsiya vnedreniya ekologichnykh kriteriyev v kontraktную sistemу zakupok [The Concept of Introducing Environmentally Friendly Criteria into the Contract Procurement System]. Journal of Economic Regulation, 12(4), pp. 150–158.
3. Belokrylova O. S. (2022) «Zelenaya» energetika v strategii ustoychivogo razvitiya regiona (na primere Rostovskoy oblasti) [“Green” Energy in the Strategy of Sustainable Development of the Region (Based on the Evidence from the Rostov Region)]. International annual scientific conference Lomonosov Readings - 2022. Section of Economic Sciences. “Science and Art of Economic Policy in Crisis Conditions”: Collection of the best reports. Moscow: Faculty of Economics of M. V. Lomonosov MSU, pp. 682–691.

4. Kapoguzov E. A., Chupin R. Y. (2022) «Sanktsii 2022»: vozmozhnosti i ogranicheniya reaktsionnogo regulirovaniya so storony rossiyskogo gosudarstva [“Sanctions 2022”: Opportunities and Limitations of Reactionary Regulation by the Russian Government]. *Journal of Economic Regulation*, 13(1), pp. 67–74.

5. Nureev R. M., Petrakov P. K. (2015) Ryadovoy potrebitel': bremya ekonomicheskikh sanktsiy protiv Rossii [Ordinary Consumer: The Burden of Economic Sanctions Against Russia]. *Journal of Economic Regulation*, 6(3), pp. 40–60.

6. Skobelev D. O. (2021) Promyshlennaya politika povysheniya resursoeffektivnosti dlya formirovaniya ustoychivyykh ekonomicheskikh system [Industrial Policy of Increasing Resource Efficiency for the Formation of Sustainable Economic Systems]. *Resource economy, climate change and environmental management*, pp. 164–166.

7. Pearce D. W., Markandya A., Barbier E. B. (1989) *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan. 192 p. DOI:10.4324/9780203097298.

O. S. Belokrylova⁵. “Green” Industrial Policy Under the Economy of Sanctions. The unprecedented in number and nature (freezing of \$300 billion of Russia’s international reserves) aggravated the task of ensuring the country’s technological sovereignty, which led to a radical transformation of national industrial policy. This has somewhat postponed the need to “green” industry, but has not diminished its importance for the implementation of the concept of resilient development. The subject and content characteristics of the “green” industrial policy are defined, the directions of its institutionalization as a complex process requiring the combined efforts of the state and private “stakeholders” to create a low-carbon economy that is resistant to climate change and able to demonstrate sustainable economic growth rates without overexploitation of limited natural resources are substantiated. The comparative “green” potential of the regions of the Southern Federal District is assessed, and anti-sanctions measures are proposed, in particular on the “green” adjustment of industrial mortgages.

Keywords: resilient development, “green” economy, “greening” of industry, industrial policy, sanctions, anti-sanctions measures, industrial mortgage.

⁵ *Olga S. Belokrylova*, Professor at the Department of Economic Theory, Faculty of Economics, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russia), Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-75-86

С. В. Кислицын¹

О РАЗВИТИИ СИСТЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В условиях ограниченного доступа к ряду технологий, товаров, услуг и источников инвестиций комплексное определение приоритетов развития становится серьёзной многоуровневой задачей. Рассматриваются проблемы функционирования систем стратегического планирования и вопросы их адаптации к меняющимся внутристрановым и международным условиям. Делается предположение о необходимости их выстраивания в качестве сложных саморегулирующихся систем. Описывается зарубежный опыт в сфере планирования, проводится краткий анализ развития зарубежных моделей, их структурной организации. Рассмотрены проблемы лагов, связанных с внедрением или трансформацией систем стратегического планирования. Показано, что данный процесс требует планомерной работы и не может быть экстренным ответом на возникающие угрозы. Для обеспечения социально-экономического и технологического развития необходимо наличие систем стратегического планирования. В зависимости от меняющейся ситуации роль планирования в экономической политике может возрастать и ослабевать, что не должно приводить к слою самой системы. Отмечается, что для реализации данных условий необходимо наличие инфраструктуры, обеспечивающей оптимальное взаимодействие институтов; позволяющей осуществлять точечное регулирование и ограничивающей общее число действующих элементов.

Ключевые слова: системы стратегического планирования, институты государственного управления, стратегическое планирование в США, дирижизм, директивное планирование.

УДК 330.352

Российская система стратегического планирования (ССП) в своём современном виде существует с 2014 г. Принятый тогда Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» остаётся центральным документом в организации работы всего механизма. В дополнение к нему в 2021 г. был принят Указ Президента Российской Федерации №633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». Вопросы дальнейшего развития и трансформации действующей системы продолжают обсуждаться в политических и экспертных кругах.

Изменения во внешней политике и внешнеэкономических связях Российской Федерации в 2022 г. обострили вопрос дальнейшего развития стратегического планирова-

¹ Сергей Владимирович Кислицын, руководитель Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (117997, РФ, Москва, Профсоюзная, 23), канд. полит. наук, e-mail: skislitsyn@imemo.ru

ния. Санкции против физических и юридических лиц ограничили приток зарубежных инвестиций и перспективы развития торговли с рядом крупных экономик, затруднили доступ к высоким технологиям и различным услугам. Ухудшение международной обстановки привело к серьёзным вызовам в обеспечении национальной безопасности, обострив проблемы инфраструктурного, научно-технологического, промышленного развития страны.

В этих условиях необходимы новые стратегические подходы. Существуют различные точки зрения: от необходимости создания квазицентрализованной системы (Госплан 2.0) до проведения следующего этапа приватизации. Широкий спектр мнений не противоречит базовому положению о необходимости ССП в Российской Федерации. Вместе с тем текущие и возникающие вызовы требуют её адаптации.

Проблемы стратегического планирования привлекают большое внимание отечественных исследователей. Среди последних публикаций по данной теме можно выделить работы А. А. Блохина и Д. Б. Кувалина [1], А. А. Дынкина и В. Д. Миловидова [2], Е. Б. Ленчук [3], С. Ю. Глазьева [4].

В данном исследовании основное внимание уделяется работе ССП с точки зрения её внутренних взаимосвязей. Рассматривается вопрос стабильного взаимодействия систем в меняющихся условиях.

Стратегическое планирование в меняющихся условиях

Общие задачи российского социально-экономического развития определяются проблемами развития реального сектора, формирования новых источников роста, в том числе путём внедрения новых технологий, ускорения темпов научно-технического прогресса и активизации инвестиционной деятельности [3, с. 24]. После 2022 г. создан ряд серьёзных (в первую очередь санкционных) ограничений доступа к необходимым средствам, технологиям, товарам и услугам. В связи с этим требуется принятие целого комплекса антикризисных мер.

Внимание к проблемам стратегического планирования усилилось вместе с дискуссиями о мобилизации российской экономики. Данная тема обсуждается относительно регулярно – в случае появления серьёзных экономических и управленческих вызовов, например, дефолта 1998 г., мирового финансового кризиса 2008 г. [5, с. 31], обострения международной обстановки в 2022 г.

Под мобилизационной экономикой можно понимать усиление государственного регулирования в ряде критически важных отраслей и в области финансов, задействование принципа ведущего звена, подразумевающего концентрацию ресурсов на наиболее важных направлениях. Это – специфический инструмент кризисного регулирования, связанный скорее с чрезвычайными ситуациями в сфере безопасности [5, с. 33]. По мере прохождения шоков, адаптации общества и экономики к меняющимся условиям обсуждение мобилизационных мероприятий сходит на нет.

Однако эффективность реакции на возникающие вызовы не может сводиться к способности экономической системы мобилизоваться. Важны её готовность к возникающим рискам и угрозам, а также качество взаимодействия элементов внутри системы – степень их согласованности и управляемости. Для этого недостаточно отработанных мобилизационных принципов, успешная адаптация требует отлаженной и стабильной работы системы стратегического планирования.

При этом меняться могут не только внешние, но и внутренние условия. Как показывают исследования Г. Б. Клейнера, модели организационно-экономического уклада в России трансформируются. Эволюция последних десятилетий идёт от «экономики

предприятий» позднесоветского периода в сторону «экономики физических лиц», далее – к «экономике групп собственников» и, наконец, «социально-политических систем». Вместе с этими изменениями трансформируется и система регулирования: от хаотичного управления в 1990-е в сторону «ручного» в 2000-х и далее – локально-системного с 2010-х годов [6, с. 62–66]. Однако однозначный долгосрочный прогноз состояния экономики России в структурно-организационном плане весьма затруднителен. Очевидно, что её эволюция не будет линейной. Трансформационные процессы охватывают не только нашу страну, но и мир в целом, что делает возможным реализацию многих сценариев. Перестройка системы международных отношений, современные тенденции научно-технического прогресса (включая развитие Индустрии 4.0), кризис классических идеологий – всё это повышает степень непредсказуемости мирового развития. Более того, становление полицентричной системы международных отношений усиливает две противоположных тенденции. С одной стороны, происходит дальнейшее развитие процессов глобализации и международного разделения труда. Одновременно с этим усиливается фрагментация мировой экономики: происходит ограничение доступа конкурентов к отдельным группам товаров и услуг; развивается френдшоринг; усиливаются политические мотивы в принятии решений. Всё это требует повышения степени координации как на государственном, так и на корпоративном уровне.

Для экономической теории и её различных школ государственное участие в регулировании хозяйственной деятельности является одним из краеугольных противоречий. Принципиально разное отношение к этому вопросу прослеживается в обществе, и зачастую оно носит идеологический контекст, тем более в России с её неоднозначным советским прошлым. Смена предпочтений в области экономической политики может изменять отношение к стратегическому планированию. В этих условиях сама система должна носить универсальный характер, адаптироваться к зачастую неоднозначным путям развития.

С точки зрения системного подхода такие изменения соответствуют характеристикам сложных саморазвивающихся систем. Как отмечал академик В. С. Степин, одним из их свойств является способность к переходу от одного типа саморегуляции к другому. В процессе своего развития такие системы создают новые внутренние уровни, что влияет на существовавшие ранее взаимосвязи, а следовательно, меняются структура и целостность, перестраиваются принципы управления [7, с. 249–295].

В этом контексте экономика – это сложная саморазвивающаяся система. Она обладает свойствами как саморазвития, так и саморегуляции, что, помимо прочего, зависит от человеческой деятельности, принимаемых решений, психологических реакций и их совокупностей. Это означает смену с течением времени потребностей, приоритетов, условий и задач. В этой связи стратегическое планирование представляется одним из инструментов управления, важнейшими задачами которого являются научное обоснование целей и приоритетов, а также определение путей и средств их достижения [8, с. 6]. Для обеспечения стабильности и преемственности работы в меняющихся условиях оно должно быть адаптивным, обладать гибкостью и способностью к изменению собственной значимости как целиком, так и на отдельных направлениях. Важность таких характеристик подтверждает зарубежный опыт.

Зарубежный опыт стратегического планирования

Иностранные ССП основываются на схожих принципах цикличности и непрерывности функционирования, имеют иерархические уровни. Вместе с тем в большин-

стве случаев наличие более длительной истории развития позволяет проследить некоторые закономерности.

Далеко не во всех странах есть институты, выполняющие функции централизующего элемента в ССП. В некоторых случаях эти задачи распределены между органами власти. Кроме того, если государство не выполняет какие-либо функции, корпорации вынужденно берут их на себя [9, с. 19]. Практика взаимообмена между корпоративным сектором и государством очевидна, тем более что последнее может рассматриваться как частный случай корпорации. В этой связи оно может заимствовать отдельные методы и формы обеспечения и повышения эффективности. Например, в России действует ряд государственных стандартов для корпоративного управления, устанавливающих принципы стратегического менеджмента, внедрения инноваций, ряда других аспектов долгосрочного планирования деятельности и развития [2, с. 12].

Говоря о государственных моделях стратегического планирования, можно выделить ряд характерных закономерностей. Первая касается особенностей директивного планирования: не существует примеров, когда бы плановая или социалистическая рыночная экономика (современная китайская модель) сформировались в результате эволюции капиталистического государства «в левом» направлении. Такие модели утверждались путём слома предшествовавших систем, проведения революционных изменений и как следствие – переделом собственности.

Обратное следствие – встраивание плановых экономик в мировую капиталистическую систему – сопровождалось ослаблением государственного контроля и расширением возможностей самоуправления предприятий и организаций, их приватизацией, отменой государственной монополии на внешнюю торговлю. Центральные органы планирования в социалистических странах либо упразднялись, либо теряли часть своих полномочий.

Как результат – на данный момент централизованных плановых экономик в их традиционном, советском, восприятии не существует. В 1980–1990-х гг., во время разрушения мировой социалистической системы, они переродились в рыночные или смешанные формы, сочетающие государственное участие в ряде важнейших отраслей и частное предпринимательство. Такие модели действуют в Китае, Вьетнаме, на Кубе. Здесь составляются среднесрочные планы развития, хотя и не имеющие такой высокой детализации, как раньше. Государства этих стран контролируют ключевые для национальных экономик предприятия. Однако деятельность этих предприятий ориентирована на мировой рынок, что предполагает соответствующие модели их управления и принятия решений, зависимость от конъюнктуры спроса и других внешних условий. Яркие примеры – китайский автоконцерн FAW и кубинская компания БиокубаФарма. Отдельные попытки возврата к централизованной плановой модели предпринимались в Корейской Народно-Демократической Республике, однако, и здесь они не принесли положительных результатов [10].

Бывшие социалистические страны Восточной Европы, а также Российская Федерация в своем отказе от плановой экономики ушли гораздо дальше. У них нет специализированных государственных органов, отвечающих за централизованное планирование. Эти функции распределяются внутри систем государственного управления. Ввиду проведённых кампаний по приватизации примеры рыночных социалистических экономик стран Азии здесь не релевантны.

Важно выделить опыт индикативного планирования во Франции. Становление политики дирижизма также сопровождалось национализацией ряда производств. Несмотря на частично компенсационную основу, она проводилась в условиях серьёзных

социальных изменений, связанных с падением фашистского режима Виши (1940–1945 гг.) и глубоким кризисом народного хозяйства.

В первом французском плане Монне 1947 г. правительством задавались требования к базовым отраслям: добыче ископаемых, энергетике, сельскому хозяйству, производству стали, цемента, транспорта [11, с. 59]. Французская экономика стала показывать стабильный рост, подчеркнём – она не развивалась в состоянии автаркии. С 1948 по 1951 г. была получена помощь в размере 2,5 млрд долларов по плану Маршалла, в стране росло количество иностранных компаний. В 1952 г. было создано Европейское объединение угля и стали, началась экономическая интеграция с ФРГ.

Начиная с 1970-х гг. дирижизм постепенно утрачивал свое влияние, акцент делался на установление общих макроэкономических показателей. Этому способствовали развитие европейского экономического сообщества, создание транснациональных корпораций, проведение обратной приватизации [11, с. 57]. В результате воздействия мировой конъюнктуры на хозяйственную динамику и консолидации частномонополистического капитала к концу 1990-х гг. во Франции произошёл отказ от национального программирования. В 2013 г. Генеральный комиссариат планирования заменяется Генеральным комиссариатом по стратегии. Его задача – координация работы экспертных институтов в области экономического анализа, прогнозирования, социального обеспечения и международных исследований. Комиссариат и подведомственные организации используются в качестве консультативного органа с целью определения социально-экономической политики и выработки общих стратегических подходов.

Альтернативным вариантом остаются капиталистические страны, которые внедряли систему стратегического планирования без слома своей экономической модели или передела собственности. Здесь функции государства преимущественно сводятся к созданию стимулирующих мер (субсидий, налоговых послаблений, грантов) в отраслях, развитие которых представляется первоочередным. Вариант планирования с ограниченным вовлечением государства в регулирование экономической деятельности развивался в США. В данном случае государство больше сосредоточено на обеспечении работы федеральных агентств, где цельность и прозрачность механизма позволяют выявлять и оценивать возникающие проблемы, а в случае необходимости усиливать контроль по отдельным направлениям.

В США система стратегического планирования стала формироваться только в начале 1990-х гг. Цель этого процесса – повышение эффективности работы государственного аппарата, выстраивание непосредственных связей между поставленными задачами и результатами их реализации. Акцент делался на формировании институциональной инфраструктуры. Изначально она была определена Законом о работе правительства и её результатах (Government Performance and Results Act, GPRA) и затем обновлена в 2010 г. (GPRA Modernization Act, GPRMA).

Американская ССП, отвечающая за социально-экономическое развитие страны, опирается в первую очередь на бюджет и прописанные в нём программы. В работе всего механизма задействован ряд органов федеральной власти, включая Белый дом и администрацию президента, в том числе Административно-бюджетное управление, аппарат советника президента по национальной безопасности, совет экономических консультантов. Не менее важную функцию выполняет Федеральная резервная система, которая готовит обзоры текущего состояния и прогнозы дальнейшего развития национальной экономики. Наконец, Конгресс США не только участвует в формировании и утверждении бюджета – его профильные комитеты активно вовлечены в выработку стратегических программ в своих зонах ответственности.

Рассмотрим задачи и основные черты системы:

1. *Стратегические планы.* Приоритетные цели федерального правительства определяются на долгосрочный период и должны обновляться и/или пересматриваться, как минимум, каждые 4 года – с приходом в Белый дом каждой новой администрации. Важнейшую функцию выполняет Административно-бюджетное управление в составе аппарата президента. Его директор в координации с федеральными агентствами обязан определять приоритетные направления и цели работы, обеспечивать повышение качества управления и функционирования федерального правительства.

С учётом целей, поставленных на федеральном уровне, в течение года готовятся стратегические планы агентств, участвующих в работе системы. Их срок также четыре года, и они могут быть скорректированы в случае изменений, препятствующих их реализации. При этом каждые два года агентства должны консультироваться по реализации планов с профильными комитетами Конгресса. В стратегические планы входят: определение общих задач и зон ответственности агентства, а также обоснование целей, соответствующих реализации федеральных приоритетов. В документе должно быть указано, каким образом ведомства предполагают реализовать поставленные цели, за счёт каких средств и инструментов, а также изложены принципы сотрудничества с ведомствами, участвующими в реализации федеральных программ.

Как минимум, каждые четыре года (что соответствует сроку работы одной администрации) федеральное правительство обязано обновлять свои стратегические цели в течение следующего (после выборов) фискального года. В своей работе оно должно определять две-три приоритетных задачи, соответствующих поставленным федеральным целям.

2. *Исполнительные планы* ориентируются на стратегические задачи и детально раскрывают их реализацию. Согласно закону, федеральное правительство обязано устанавливать цели своей деятельности на текущий и один последующий фискальные годы. Также оно определяет круг федеральных агентств, прочих организаций, программы, расходы и законодательную базу, необходимые для реализации поставленных целей. Правительство задаёт квартальные индикаторы, отображающие процесс реализации стратегических планов и оценивающие вклад участвующих в системе институтов. Вместе с тем данные индикаторы могут иметь качественные характеристики и не быть связанными с заданными или желаемыми макроэкономическими показателями.

Ориентируясь на поставленные задачи, агентства обязаны предоставлять свои исполнительные планы, где раскрываются цели, поставленные федеральным правительством, устанавливаются индикаторы следующего, нижнего, уровня. Срок их подготовки – не позже первого понедельника каждого февраля. На эту дату агентства обязаны размещать документы в открытом доступе на своей странице в интернете и уведомлять об этом правительство.

3. *Отчёты о работе* в рамках ССП предоставляются агентствами на регулярной основе, не позже, чем через 150 дней после окончания фискального года. Если поставленные показатели не были достигнуты, институты обязаны пояснить, по каким причинам это произошло и что планируется сделать для исправления ситуации. Если цели представляются не реализуемыми в принципе, агентства должны дать соответствующее обоснование и предложить альтернативные действия. В случае их нереализации в течение двух лет происходит оценка выявленных проблем или пересмотр поставленных целей с привлечением профильных комитетов Конгресса.

4. *Список приоритетных целей* (обычно 2-3) определяется агентством каждые два года. Они должны раскрывать задачи, поставленные как непосредственно феде-

ральным правительством, так и в рамках стратегических и исполнительных планов. Контроль за их реализацией передаётся назначаемым ответственными лицам. О ходе реализации приоритетных целей агентства должны отчитываться ежеквартально.

Характерно, что американская система стратегического планирования позволяет учитывать сокращение количества дублирующих документов и механизмы защиты от предоставления лишней отчётности; выдвигает требования к компетентности представителей федеральных агентств, задействованных в системе планирования.

Вместе с тем задача обеспечения непрерывности, согласованности и отчётности в рамках прописанных требований привела к необходимости создания в каждом из агентств, подчиняющихся правительству США, плановых отделов, занятых исключительно обслуживанием требований, прописанных GPRAMA. Помимо составления планов, определения приоритетных целей и отчётов по их реализации, агентства обязаны вести учёт документов, предоставленных Конгрессу в рамках работы системы стратегического планирования.

В работе всего механизма существуют и объективные проблемы. Отсутствие прописанных требований к определению целей и показателей может иметь политический подтекст. Аналогичная проблема с определением эффективности реализации действующих программ, где не проработаны конкретные требования, а потому возможны субъективные и неоднозначные оценки. Кроме того, реализация может зависеть от внешних факторов, не связанных с деятельностью агентства, имеющих как негативное, так и положительное воздействие. Это затрудняет объективную оценку качества проделанной работы.

Таким образом, система, действующая в США, позволяет в зависимости от ситуации перемещаться по взаимосвязанным уровням стратегического планирования, а также видеть вклад отдельных органов власти в реализацию общих задач. Кроме того, она даёт возможность федеральному правительству определять круг агентств, непосредственно вовлечённых в функционирование системы. Она же наделена обратной связью, позволяющей проследить ключевые выявляемые проблемы, и имеет соответствующий механизм если не их решения, то, как минимум, – обязательного анализа.

Решена важная проблема, существующая в российской ССП: ограничен круг возможных документов, все они имеют общие сроки функционирования. Для сравнения, в отечественной ССП существует несколько типов документов: доктрины, стратегии, концепции, основы политики. Их определения не закреплены законодательно, не установлены общие сроки действия, не выстроена иерархия. Всего же на конец июня 2023 г. в системе ГАС «Управление» находилось 57600 документов, имеющих отношение к ССП на различных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном, отраслевом².

Соответственно, ещё одним важным принципом для ССП является её оптимизация (рациональное упрощение), призванная установить чёткие взаимосвязи между существующими элементами и устранить дублирующие. При этом важнейшим критерием должна быть универсальность таких взаимосвязей вне зависимости от специфики деятельности или рассматриваемой отрасли. Автономность при реализации поставленных сверху задач может иметь относительную эффективность, но серьёзными проблемами, требующими дополнительного контроля, становятся согласование работы на горизонтальном уровне и объективное определение показателей. Количество документов будет возрастать с течением времени, однако число *действующих* документов

² Документы стратегического планирования // Государственная автоматизированная система «Управление». URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 29.06.2023).

должно оставаться пропорциональным количеству элементов (непосредственных участников) системы стратегического планирования.

Стратегическое планирование и временные лаги

Потребность в повышении качества работы ССП возникает на фоне кризисов экономического и политического характера. Однако внимание к данной теме и необходимость быстрой реакции никак не сочетаются со сроками внедрения такого сложного механизма, как ССП. Серьёзной проблемой становятся лаги, начинающиеся с постановки задачи, затрагивающие её реализацию и, наконец, отчётность в рамках проделанной работы. Нынешние кризисные явления в международных отношениях и серьёзные изменения в российской экономике актуализируют проблему не только обновления ССП, но и её ускоренного запуска в изменённом виде. При этом следует исключить принятие непродуманных решений, важно – не навредить.

О том, что внедрение систем планирования в рамках деятельности государственного аппарата и системы управления в целом не может быть быстрым, говорит и существующий опыт. Чем сложнее система (не важно – так она задумана или это её недостаток), тем дольше она входит в рабочую стадию. Так, запуск плановых экономик требовал значительных временных затрат. Подготовка первой советской пятилетки – с момента основания Государственной общеплановой комиссии в 1921 г. до утверждения первого Пятилетнего народнохозяйственного плана в 1928 г. – заняла семь лет. За этот период план претерпел, как минимум, три редакции. И на практике ситуация сильно отклонялась от начальных предположений. Это обусловлено как внутривостановыми противоречиями и ошибками планирования, так и серьёзными внешними вызовами, включая Великую депрессию (1929–1939 гг.). И в дальнейшем каждая пятилетка требовала значительных затрат бюрократических аппаратов на расчёт конкретных показателей и согласование множества условий между различными ведомствами.

В КНР первая пятилетка была запущена в 1953 г., через 4 года после образования государства. В её разработке участвовали советские специалисты, имевшие устоявшиеся правила, нормативы и существенные заделы в области планирования.

Несколько иная ситуация со сроками во Франции. Генеральный комиссариат по планированию был создан в 1946 г., и уже год спустя был принят план Монне, рассчитанный на период до 1950 г., затем продлённый до 1952 г. Однако, подчеркнём, что задачи касались приоритетных отраслей. К тому же Франция была открыта для крупнейших экономик мира. Правительство страны активно пользовалось услугами американских экспертов, а компании из США могли открывать в стране свои филиалы, имели ряд преференций на покупку местных предприятий, в том числе в областях нефтепереработки, электротехники, автомобилестроения. Кроме того, Соединённые Штаты получали доступ к колониальным сырьевым ресурсам и контролировали внешнеэкономическую деятельность Франции [11, с. 60].

Наконец, американская система планирования также создавалась в несколько этапов. И хотя в принципах её работы заложена высокая степень саморегуляции институтов при условии соответствия их стратегических документов вышестоящим целям, отладка механизма шла четыре года. Первый закон GPRA был принят в 1993 г., его изначальная цель – способствовать запуску реформ в стратегическом планировании с помощью нескольких пилотных проектов, в которых отрабатывались программные цели. Такие испытания межинститутских взаимосвязей касались не только министерств и прочих агентств в рамках федеральной власти, но и Конгресса США. Результаты предоставлялись через четыре года – в 1997 г., тогда же начинала действовать и сама система.

Модернизация стратегического планирования при президенте Б. Обаме (GPRAMA) проходила в течение года, хотя основа системы была привычной для федеральных агентств. Закон вступил в силу 4 января 2011 г., но первые стратегические планы, которые готовили федеральные органы, предоставлялись только в начале февраля 2012 г., при этом начальным отрезком их планирования отмечался 2013 г.

Таким образом, вне зависимости от современных темпов ряда явлений в социальной и международной жизни ССП остаются инструментами государственного регулирования и как следствие – функционирования бюрократического аппарата. Их внедрение не может быть быстрым процессом, тем более что подразумевается изменение некоторых аспектов в делопроизводстве, системе принятия решений, вероятно, потребуются частичная перестройка модели государственного управления.

Стратегическое планирование в условиях рыночной экономики может быть специфическим видом кризис-менеджмента и должно являться гибким инструментом – усиливаться и ослабевать в зависимости от средне- и долгосрочных задач и тенденций. Сама система (плановые или рыночные экономики) традиционно организуется по принципу пирамиды с центральным координирующим началом, которое либо распределено в рамках существующей системы государственного управления, либо выделено в специализированный институт. Сформулируем ряд основных выводов:

1. Стратегическое планирование необходимо как инструмент, оно позволяет структурно воспринимать долгосрочные вызовы, определять пути их преодоления. Без него невозможно решение таких сложных проблем, как ускоренная реиндустриализация и обеспечение инновационного развития [3, с. 24–25].

2. Его роль в экономической политике может возрастать и ослабевать в зависимости от развития ситуации и стоящих перед обществом и страной вызовов, угроз и целей. Следовательно, система должна быть адаптивной и обладать способностью к трансформации в меняющихся условиях. Опыт чилийской плановой структуры Cybersin, созданной при С. Альенде (1970–1973 гг.) и уничтоженной при смене режима, остаётся ярким примером затраченных ресурсов и утраты компетенций под влиянием конъюнктуры.

3. Для реализации первого и второго выводов необходимо наличие соответствующей инфраструктуры в системе стратегического планирования, т. е. институтов, определения их конкретных функций и сфер ответственности. Выстраивание принципиальных взаимосвязей с учётом их рационального упрощения – ещё одно важное свойство системы, нацеленное на стандартизацию её элементов, фиксацию числа действующих документов и пресечение необоснованных случаев дублирования.

Отметим некоторые осевые вызовы, которые могут возникать в стратегическом планировании, что следует иметь в виду при развитии отечественной системы:

- *во-первых*, инертность систем стратегического планирования. Будучи связанными с работой бюрократического аппарата и соответствующей нормативной документацией, они не могут быть изменены и перезапущены в краткосрочном периоде. Эффективная система стратегического планирования – это действенный инструмент для преодоления перспективных вызовов и выявляемых рисков. Однако её ускоренное создание или реформирование как ответ на возникшие угрозы вряд ли даст эффективные результаты;

- *во-вторых*, планирование ради планирования – неограниченный рост числа документов стратегического планирования при отсутствии контроля за их выпуском и

согласованием. Такая проблема является следствием первой. Однако её фиксация возможна путём определения минимального круга обязательных документов, которые составят основу всей системы;

- *в-третьих*, отсутствие баланса в управлении. В случае мягкого планирования это может приводить к субъективности в постановке задач и получении оценок – подобные риски существуют в американской модели. *Жёсткое* планирование ведёт к издержкам «административного торга», описанного венгерским экономистом Яношом Корнаи. По сути – к намеренному занижению планируемых показателей при одновременном завышении требуемых ресурсов [12, с. 137–157];

- *в-четвёртых*, несбалансированность системы, где отсутствуют стандартизированные принципы работы, существуют серьёзные риски «перепланирования» и «плановой вакханалии», создания необоснованных нормативов, показателей и ненужных требований.

Список литературы

1. Блохин, А. А. Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России / А. А. Блохин, Д. Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №3. – С. 24–41. DOI: 10.47711/0868-6351-198-24-41.
2. Дынкин, А. А. Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании / А. А. Дынкин, В. Д. Миловидов // Проблемы прогнозирования. – 2023. – №3. – С. 6–23. DOI: 10.47711/0868-6351-198-6-23.
3. Ленчук, Е. Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения / Е. Б. Ленчук // Инновации. – 2020. – №2(256). – С. 24–28. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.003.
4. Глазьев, С. Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием / С. Ю. Глазьев // Инновации. – 2020. – №2 (256). – С. 14–23. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.002.
5. Цакаев, А. Х. Централизация государственного регулирования как основа перевода российской экономики на мобилизационные рельсы / А. Х. Цакаев // Проблемы прогнозирования. – 2022. – №6. – С. 27–37. DOI: 59810.1134/S1075700722060144.
6. Клейнер, Г. Б. От «экономии физических лиц» к системной экономике / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – №8. – С. 56–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
7. Киященко, Л. Постнеклассика: философия, наука, культура / Л. Киященко, В. Степин. – СПб.: Издат. дом «Миръ», 2009. – 672 с.
8. Касперович, С. А. Прогнозирование и планирование экономики / С. А. Касперович. – Минск: БГТУ, 2007. – 172 с.
9. Косолапов, Н. А. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализация или новая феноменология? / Н. А. Косолапов // Сравнительная политика. – 2011. – №2. – С. 19–37.
10. Ланьков, А. Н. Вперёд в прошлое: Северная Корея возвращается к плановой экономике? / А. Н. Ланьков // Международный дискуссионный клуб Валдай, 05.03.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vperyed-v-proshloe-severnaya-koreya/> (дата обращения: 30.06.2023).
11. Худокормов, Г. А. Экономическое чудо во Франции: формирование и результаты дирижистской модели в 1944–1973 годах / Г. А. Худокормов // Мир новой экономики. – 2019. – №2. – С. 55–69. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69.
12. Корнаи, Я. Дефицит / Я. Корнаи. – М.: Наука, 1990. – 608 с.

References

1. Blokhin A. A., Kuvalin. D. B. (2023) Global'nye vyzovy dlya sistemy strategicheskogo planirovaniya v Rossii [Global Challenges for the Strategic Planning System in Russia]. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34, no. 3, pp. 297–307. DOI: 10.1134/S1075700723030024.
2. Dynkin A. A., Milovidov V. D. (2023) Nauka dal'novidnosti: kak preuspet' v strategicheskoy prognozirovanii i planirovanii [The Science of Foresight: How to Succeed in Strategic Forecasting and Planning]. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34, no. 3, pp. 285–296. DOI: 10.1134/S1075700723030048.
3. Lenchuk E. B. (2020) Strategicheskoye planirovaniye v Rossii: problemy i puti resheniya [Strategic planning in Russia: challenges and solution]. *Innovatsii*. No. 2, pp. 24–28. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.002.
4. Glazyev S. Y. (2020) O sozdaniy sistemy strategicheskogo planirovaniya i upravleniya nauchno-tekhnicheskoy razvitiem [On the creation of systems of strategic planning and management of scientific and technological development]. *Innovatsii*. No. 2, pp. 14–23. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.002.
5. Tsakaev A. Kh. (2022) Tsentralizatsiya gosudarstvennogo regulirovaniya kak osnova perevoda rossiyskoy ekonomiki na mobilizatsionnyye rel'sy [Centralization of Government Control as a Basis for the Transition to the Mobilization Model of the Russian Economy] *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 33, no. 6, pp. 598–604. DOI: 59810.1134/S1075700722060144.
6. Kleiner G. (2017) Ot «ekonomii fizicheskikh lits» k sistemnoy ekonomike [From the economy of individuals to systemic economy]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8, pp. 56–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
7. Kiyashchenko L., Stepin V. (2009) Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura [Post-nonclassical: philosophy, science, culture]. SPb.: Izdatel'skii dom «Mir». – 672 p.
8. Kasperovich S. A. *Prognozirovaniye i planirovaniye ekonomiki* [Forecasting and planning of the economy]. Minsk: BGTU, 2007. – 172 p.
9. Kosolapov N. A. (2011) Gosudarstvo kak korporatsiya i korporatsiya kak gosudarstvo: produkt globalizatsiya ili novaya fenomenologiya? [The state as a corporation and the corporation as a state: a product of globalization or a new phenomenology?]. *Sravnitel'naya politika*. №2, pp. 19–37.
10. Lan'kov A. N. (2021) Vpered v proshloe: Severnaya Koreya vozvrashchaetsya k planovoy ekonomike? [Forward to the Past: Is North Korea Returning to a Planned Economy?]. Valdai Discussion Club. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vpered-v-proshloe-severnaya-koreya/> (accessed: 30.06.2023).
11. Khudokormov A. G. (2019) Ekonomicheskoye chudo vo Frantsii: formirovaniye i rezul'taty dirizhistskoy modeli v 1944-1973 godakh [“Economic Miracle” in France: Formation and Results of the Dirigisme Model in 1944–1973]. *The world of new economy*. No. 2, pp. 55–69. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69.
12. J. Kornai (1990). *Defitsit* [Deficit]. M.: Nauka. – 608 p.

S. V. Kisilitsyn³. On Development of Strategic Planning Systems: Conceptual Approaches and International Experience. Modern changes in the Russian economy are largely associated with the

³ *Sergey V. Kisilitsyn*, Ph. D., head of the Center for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) (23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia), e-mail: skisilitsyn@imemo.ru

growth of external challenges and risks. In conditions of limited access to many technologies, goods, services and sources of investment, a comprehensive definition of development priorities becomes a serious and multi-level task. This article describes the problems of the functioning of strategic planning systems. It considers the issues of their adaptation to changing domestic and international conditions. The author assumes the need to build them as complex self-regulating systems. The study also describes a foreign experience in the planning field and briefly analyses the development of foreign models and their structural organization. Else it considers the problems of lags associated with introducing or transforming strategic planning systems. The study finds that this process requires systematic work and cannot be an emergency response to emerging threats. The conclusion draws that strategic planning systems are necessary to ensure socio-economic and technological development. However, depending on the changing situation, the role of planning in economic policy may increase and weaken, which should not lead to the breakdown of the system itself. For implementing these conditions, it is necessary to have an appropriate infrastructure that determines the optimal interaction of institutions, allowing for point regulation while limiting the total number of functional elements.

Keywords: strategic planning systems, public administration institutions, strategic planning in the USA, dirigisme, directive planning.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-87-92

Н. В. Цехомский¹, Д. В. Тихомиров²

СТИМУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ: ОПЫТ «ФАБРИКИ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ»

На основе анализа финансовой отчетности компаний определены ключевые агрегированные показатели инвестиционной активности крупнейшего российского бизнеса. Подчеркнута роль проектного финансирования и синдицированного банковского финансирования, в частности, с применением в качестве инструмента «фабрики проектного финансирования». Представлены предпосылки, основные требования, сводная информация по реализации этого инструмента. Сформулированы изменения, необходимые для его эффективной реализации.

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, инвестиционные проекты, финансирование проектов, проектное финансирование, государственная поддержка, «фабрика проектного финансирования».

УДК 336.02

Устойчивое долгосрочное развитие экономики требует достаточного инвестирования и реинвестирования прибыли бизнеса, а также успешной реализации инвестиционных проектов в широком спектре отраслей национальной экономики. Особенно актуальны эти проблемы в свете необходимости трансформации российской экономики, обусловленной современными вызовами, связанными с преодолением последствий антироссийских санкций [1, 2], а также с фундаментальными вызовами, обусловлен-

¹ Николай Викторович Цехомский, доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (199034, РФ, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., 3), первый заместитель председателя, член правления ВЭБ.РФ (125009, РФ, Москва, ул. Воздвиженка, д.10), канд. экон. наук, e-mail: DTikhomirov@bk.ru.

² Дмитрий Викторович Тихомиров, профессор школы финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (199034, РФ, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., 3), профессор департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2), директор направления финансового моделирования ВЭБ.РФ (125009, РФ, Москва, ул. Воздвиженка, д. 10), канд. экон. наук, e-mail: DTikhomirov@bk.ru.

ными переходом к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) и ноономике [3, 4].

Среди проблем, практически всегда актуальных в данном контексте, – нехватка качественно проработанных и эффективных проектов и отсутствие полной картины цепочки создания стоимости, недостаток долгосрочных и недорогих финансовых ресурсов для их реализации, недостаточный опыт организации всего процесса проектного финансирования.

Показатели финансовой устойчивости и ликвидности крупного российского бизнеса в течение последнего десятилетия в целом были неплохими. Для понимания текущего состояния инвестиционной активности приведём несколько фактов, исходя из анализа финансовой отчётности крупных компаний. В течение 2018–2022 гг. мы готовили обзоры ТОП-500/ ТОП-30/ТОП-20 компаний по показателю выручки/дохода, которые публикуют консолидированную финансовую отчётность (общий доход ТОП-30 формировал порядка 1/3 ВВП России, что свидетельствует о важности для экономики страны рассмотренных нами компаний).

Согласно результатам обзора показателей 30 крупнейших компаний по размеру консолидированной выручки, выполненного нами в середине 2022 г., общая выручка компаний по итогам 2021 г. составила порядка 53,2 трлн рублей. По данным Росстата, ВВП России за 2020 г. составил 131,0 трлн рублей (информация представлена для понимания объёма обзора, при детальном анализе доли выбранных компаний в формировании ВВП необходимо учитывать их прибыльность, возможные перекрёстные продажи между компаниями и иные факторы, что при наличии информации могло бы уменьшить их расчётный чистый вклад в ВВП).

По указанным крупнейшим бизнес-организациям нами сделаны следующие выводы:

- приемлемая кредитная нагрузка – в среднем порядка 1,5...2,0;
- средний уровень реинвестирования (Capex/EBITDA) – более 50 %;
- значительные балансы денежных средств на счёте (общая сумма по ТОП-30 – порядка 5,7 трлн рублей).

Более подробные результаты расчётов публиковались нами в ведущих изданиях СПБГЭУ, НИУ ВШЭ; докладывались в Министерстве финансов России и представлялись на различных международных конференциях.

Сегодня в России активно развиваются и применяются механизмы проектного финансирования и синдицированного кредита. Заметной в количественном и общем стоимостном выражении становится роль «фабрики проектного финансирования (ФПФ). ФПФ – это механизм проектного финансирования инвестиционных проектов в приоритетных секторах российской экономики, предусматривающий предоставление денежных средств заёмщикам на основании договоров синдицированного кредита (займа), реализуемых с применением мер государственной поддержки и способствующих увеличению объёмов кредитования организаций, реализующих инвестиционные проекты. Деятельность ФПФ регламентируется Постановлением Правительства РФ от 15.02.2018 № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования».

Среди главных причин разработки такого механизма, как ФПФ, – необходимость повышения инвестиционной активности в целом и низкая доля проектного финансирования в общей сумме инвестиций в России. На практике можно выделить дополнительные ограничения инвестиционной активности в части долгосрочных проектов, которые подчёркивают актуальность применения этого инструмента:

- дефицит долгосрочных финансовых и кредитных ресурсов по доступной цене (ставке заимствования, требуемой норме доходности на собственный и весь инвестированный капитал в целом);
- высокие временные и иные затраты участников процесса в крупном инвестиционном проекте при его подготовке и структурировании по широкому спектру участников (банков, заёмщиков и / или инвесторов проекта);
- отсутствие, а чаще – недостаток ликвидного залогового обеспечения (земельные участки, незавершённое строительство или основные средства, финансовые вложения, в том числе ликвидные акции связанных или иных компаний);
- слабые механизмы снижения рисков путём точечной («умной») господдержки или, напротив, чрезмерная поддержка при коммерчески эффективном или неэффективном инвестиционном проекте;
- отсутствие или недостаточность систем мониторинга реализации инвестпроектов на разных стадиях проекта – от инвестиционной фазы до выхода на требуемые показатели и далее – на устойчивой операционной стадии.

Механизм «фабрики проектного финансирования» призван помочь в этих условиях и если не снять все проблемные вопросы (для этого требуется комплексная государственная политика), то улучшить ситуацию по нескольким направлениям и стимулировать инвестиционный процесс главным образом за счёт срока кредитования и ставки по заёмным средствам [5].

В инструменте ФПФ детально проработаны подходы к разделению общей суммы потребности в финансировании проекта на несколько траншей с разными параметрами по валюте, сроку, рискам, стоимости ресурсов. Дополнительно (по части финансирования) предусмотрены государственная гарантия и возможность ограничения процентной ставки за счёт субсидирования. По сути, это – хеджирование/снижение риска увеличения стоимости проекта и, соответственно, ухудшения показателей его инвестиционной привлекательности и возможности обслуживания долга заёмщиком.

В информации, приведённой на официальном сайте ВЭБ.РФ (см.: <https://veb.ru/biznesu/fabrika-proektnogo-finansirovaniya>), даётся общее представление о механизме ФПФ, регламент её работы, соответствующее актуальное законодательство, необходимые документы для участия в использовании ФПФ заинтересованными хозяйствующими субъектами и пр.

Условный пример представления траншей приведён в шаблонах на официальном сайте ВЭБ.РФ, дополнительные примеры и упрощённый калькулятор инструмента – на отдельном сайте по вопросам корпоративных финансов (см.: <http://www.корпфин.рф>). В общем виде организационная модель и схема работы ФПФ представлены на рисунке.

Очевидно, что для реализации «умной» поддержки и получения видимого эффекта необходимы критерии с фокусом на крупные и долгосрочные проекты. Проекты, претендующие на использование механизма ФБФ, должны отвечать следующим требованиям:

- реализуется на основе проектного финансирования;
- осуществляется на территории Российской Федерации, сумма проекта (по существу – капитальных затрат) – от 3 млрд рублей;
- срок финансирования в базовом варианте – до 20 лет;
- требования к доле собственных средств инициатора проекта – от 20 % стоимости проекта (возможно снижение доли заёмщика после выхода на операционную стадию до 10 %);
- применяется принцип синдицированного кредитования. В частности, согласно имеющимся требованиям, от 10 до 40 % необходимого финансирования предоставля-

ФАБРИКА ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Схема финансирования проектов «фабрики проектного финансирования»

ется компанией из группы ВЭБ.РФ или самим ВЭБ.РФ, 60...90 % финансирования – кредитование со стороны коммерческих банков и ВЭБ.РФ (в любой согласованной пропорции).

Длительность определённых траншей может достигать 20 лет, в то время как срок окупаемости проекта – 30 лет. Дополнительно (за счёт отдельного транша «В») проект может получить финансирование процентных расходов инвестиционной стадии (аналог капитализации процентов) и/или покрыть определённое увеличение суммы требуемых инвестиций в общей сумме до 20 %. Указанные и иные требования/критерии могут уточняться, что обусловлено необходимостью подстройки механизма ФПФ к запросам национальной экономики и хозяйствующих субъектов.

В статье [6] показаны положительные примеры использования ФПФ; в настоящее время проекты находятся в разной стадии развития: несколько объектов, профинансированных в рамках проектов ФПФ, введены в эксплуатацию, имеют статус одобренных или проектов, по которым заключены договоры либо уже открыто финансирование (см. таблицу).

Ключевая информация по проектам «фабрики проектного финансирования»

Статус	Количество проектов	Общая стоимость, млрд р.	Участие ВЭБ.РФ, млрд р.	Участие партнёров, млрд р.
Одобрено	24	~1 500	~400	~750
Заключены договоры синдицированных кредитов	17	~1 200	~350	~615
Открыто финансирование	14	~1 000		
Введено в эксплуатацию	4	~100		
Пайплайн	>30	~4 500		

Согласно имеющимся данным, вклад инструмента ФПФ в общий объём рынка синдицированного кредитования в России составляет более 1/3 среднегодового объёма рынка за последние пять-шесть лет.

В настоящее время внесены изменения в механизм ФПФ на основе опыта её применения в 2018–2021 гг. с целью предоставления новых возможностей инвесторам. Среди основных изменений выделим возможность совмещения с программой КППК (корпоративная программа повышения конкурентоспособности) и иными мерами государственной поддержки; снижения доли собственных средств заёмщика до уровня менее 20 % (после выхода на операционную фазу); упомянутое увеличение срока окупаемости проекта до 30 лет при сохранении срока финансирования до 20 лет. Это позволяет устранить технические и организационные сложности в применении механизма, дополнительно стимулировать инвестиционную активность крупного российского бизнеса в части реализации капиталоемких долгосрочных проектов.

К важным аспектам применения ФПФ относятся не только прямое стимулирование реализации инвестиционных проектов за счёт финансирования, но и косвенные эффекты [7], например, повышение опыта участников сделок: банков, консультантов по различным аспектам, федеральных органов власти и др.

Подводя итог исследования, отметим, что в современных условиях «фабрика проектного финансирования» показала себя действенным инструментом стимулирования реализации долгосрочных инвестиционных проектов в России. Этот инструмент является развивающимся, что позволяет подстраивать его под изменяющиеся условия макроэкономической среды, чтобы сохранить его высокую эффективность.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – СПб.: Изд. ИНИР, 2016. – 328 с.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Плотников, В. А. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика / В. А. Плотников, Ю. В. Вертакова // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 10. – С. 1037–1050.
4. Цехомский, Н. В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций / Н. В. Цехомский // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2022. – № 4 (54). – С. 5–9.
5. Цехомский, Н. В. Инвестиционный анализ в проектном финансировании / Н. В. Цехомский, Д. В. Тихомиров. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 307 с.
6. Цехомский, Н. В. Значимые инвестиционные проекты: общие проблемы реализации и привлечение частных средств / Н. В. Цехомский, Д. В. Тихомиров // Бизнес. Общество. Власть. – 2021. – № 42. – С. 158–167.
7. Цехомский, Н. В. Гудвилл и окупаемость инвестиций в М&А: итоги отчетности 2010–2020 гг. (методы анализа и текущее состояние) / Н. В. Цехомский, Д. В. Тихомиров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 5 (131). – С. 44–53.

References

1. Bodrunov S. D. (2016) Gryadushcheye. Novoye industrial'noye obshchestvo: perezagruzka [The Coming of New Industrial Society: Reloaded]. St. Petersburg: S.Y. Witte INID Publ, 328 p.

2. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika* [Noonomy]. Moscow: Kulturnaya revoliutsiya Publ. 432 p.
3. Plotnikov V. A., Vertakova Y. V. (2022) *Ustoychivost' razvitiya rossiyskoy promyshlennosti v usloviyakh makroekonomicheskogo shoka i novaya promyshlennaya politika* [Sustainable Development of Russian Industry in the Context of a Macroeconomic Shock and New Industrial Policy]. *Economics and Management*, 28(10), pp. 1037–1050.
4. Tsekhomskiy N. V. (2022) *Investitsionnaya podderzhka promyshlennogo razvitiya v usloviyakh sanktsiy* [Investment Support for Industrial Development Under Sanctions]. *Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technologies*, 4(54), pp. 5–9.
5. Tsekhomsky N. V., Tikhomirov D. V. (2022) *Investitsionnyy analiz v proyektном finansirovani* [Investment Analysis in Project Finance]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publ., 307 p.
6. Tsekhomsky N. V., Tikhomirov D. V. (2021) *Znachimyye investitsionnyye projekty: obshchiye problemy realizatsii i privlecheniye chastnykh sredstv* [Large-Scale Investment Projects: Problems of Development and Attraction of Private Funds]. *Business. Society. Government*, 42, pp. 158–167.
7. Tsekhomsky N. V., Tikhomirov D. V. (2021) *Gudvill i okupayemost' investitsiy v M&A: itogi otchetnosti 2010-2020 gg. (metody analiza i tekushcheye sostoyaniye)* [Goodwill and Return on M&A: Financial Statements Results for 2010-2020 (Analysis Methods and Current Status)]. *Journal of the St. Petersburg State University of Economics*, 5(131), pp. 44–53.

N. V. Tsekhomsky³, D. V. Tikhomirov⁴. Stimulating the Implementation of Long-Term Investment Projects in Russia: The Experience of the Project Finance Factory. The article considers the key aggregate indicators of the investment activity of the largest Russian business based on the authors' analysis of the top Russian companies' financial statements. The role of project finance and syndicated bank finance are mentioned, and specifics of Project Finance Factory mechanism is described. The authors present the major needs in the tool, as well as basic requirements, and summary information on the implementation of the tool. Current changes necessary for its effective implementation are formulated.

Keywords: investments, economic growth, investment projects, project finance, state support, «Project Finance Factory».

³ *Nikolai V. Tsekhomsky*, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Interaction between Business and Government of the National Research University Higher School of Economics (3 10th liniya V. O., St. Petersburg, 199034, Russia), First Deputy Chairman - Member of the Board of VEB.RF (10 ul. Vozdvizhenka, Moscow, 125009, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: DTikhomirov@bk.ru.

⁴ *Dmitry V. Tikhomirov*, Professor at the School of Finance of the National Research University Higher School of Economics (3 10th liniya V. O., St. Petersburg, 199034, Russia), Professor of the Department of World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia), Director of Financial Modeling at VEB.RF (10 ul. Vozdvizhenka, Moscow, 125009, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: DTikhomirov@bk.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-93-103

А. Б. Долгушин¹

ИНСТРУМЕНТЫ ЭКОНОМИКИ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Проанализированы методы, механизмы и инструменты государственного регулирования обращения с отходами, закреплённые в федеральном законодательстве, на соответствие основным принципам экономики замкнутого цикла. Разработана дифференцированная система методов, механизмов и инструментов государственного регулирования природопользования в системе обращения с отходами. Показано, что в Российской Федерации достаточно административных (включая правовые), а также информационных и экономических (в том числе стимулирующих) механизмов и инструментов регулирования, которые можно применить для перехода на экономику замкнутого цикла с некоторой корректировкой или дополнениями. Предложены рекомендации по развитию и восстановлению механизмов и инструментов регулирования обращения с отходами из советского периода, усилению существующих и разработке новых механизмов и инструментов для перехода к экономике замкнутого цикла. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки федерального законодательства, а также национальных и федеральных проектов. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку основных принципов и положений перехода к экономике замкнутого цикла, а также обоснование и разработку рамочных положений об экономике замкнутого цикла при корректировке федерального законодательства.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циклическая экономика, обращение с отходами, вторичные ресурсы, расширенная ответственность производителя.

УДК 330.31

Введение

«Мусорная реформа», начавшаяся в Российской Федерации в 2015 г. и направленная на решение острых социальных, экономических и экологических проблем в области обращения с отходами, предопределила переход на экономику замкнутого цикла (циркулярную, или циклическую экономику) (далее – ЭЗЦ) как единственный способ сохранения и эффективного использования природных ресурсов за счёт выстраивания замкнутых эколого-экономических систем обращения сырья, товаров и отходов.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации снижение объёмов образования отходов и возврат их во вторичное использование

¹ Александр Борисович Долгушин, старший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Международный Научно-исследовательский институт устойчивого развития» (129090, РФ, Москва, ул. Троицкая, д. 7, стр. 4), канд. экон. наук, e-mail: abdolgushin@yandex.ru

являются основными задачами по обеспечению экологической безопасности². Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию подчеркнул необходимость перехода на ЭЗЦ. В настоящее время ЭЗЦ становится всё популярней, а принципы и положения её формирования успешно внедряются в практику в развитых странах мира³. Переход на ЭЗЦ основан на концепции устойчивого развития, которая стала парадигмой развития человечества в XXI в.⁴ В отличие от традиционной «линейной» экономики, стремящейся к увеличению объёмов производства и потребления, что увеличивает нагрузку на окружающую среду, концепция ЭЗЦ подразумевает безотходный тип экономики. В социо-эколого-экономической системе устойчивого развития ЭЗЦ способна обеспечить устойчивые связи между экологической, социальной и экономической подсистемами. Отходы, образующиеся в одном производстве, могут быть возвращены в производственный цикл, использованы в другом производстве или возвращены в биосферные циклы для восстановления экологических систем. То, что в «линейной» экономике становится отходом, в ЭЗЦ является ресурсом. В современной экономике получение относительно небольшого конечного продукта требует больших затрат ресурсов и сопровождается образованием большого количества отходов. Цель развития ЭЗЦ – создание замкнутых технологических и биологических циклов с полным использованием исходного сырья, без образования отходов, которые не могут быть включены в циклы.

Для перехода Российской Федерации на ЭЗЦ необходимо развитие и законодательное закрепление механизмов регулирования обращения с отходами, соответствующих принципам ЭЗЦ. Поскольку в законодательстве остались с советского периода или введены новые методы, механизмы и инструменты в области обращения с отходами, необходимо проанализировать их на соответствие принципам ЭЗЦ.

Методы

Предварительно были выявлены 7 основных принципов ЭЗЦ [1] и сформулировано определение ЭЗЦ в соответствии с терминологией российской научной школы. Экономика замкнутого цикла – это социо-эколого-экономическая модель производства и потребления в пределах концепции допустимого/устойчивого развития, при которой вещества и энергия эффективно используются, а отходы возвращаются в экономические и биосферные циклы. Исследовался опыт применения ЭЗЦ в советский период [2], выполнен анализ опыта реализации ЭЗЦ в европейских [3] и азиатских странах [4], проведён широкий литературный обзор научных публикаций, содержащих основные принципы ЭЗЦ. Анализ методов, механизмов и инструментов ЭЗЦ, использованных за рубежом и в советский период, показал, что Российская Федерация движется к переходу на ЭЗЦ. Для этого есть основные механизмы и инструменты, но они не систематизированы.

Следует определить механизмы и методы регулирования, а также выделить инструменты регулирования, чтобы сформулировать конкретные меры по развитию ЭЗЦ.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ «Послание Президента Федеральному Собранию» от 21.04.2021. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Дифференциация этих понятий позволит систематизировать имеющиеся в законодательстве нормы, направленные на формирование ЭЗЦ в Российской Федерации.

К числу основных механизмов регулирования обращения с отходами относятся: административно-организационный, правовой, информационный и экономический [5].

В государственном регулировании природопользования выделяют совокупность механизмов и инструментов регулирования обращения с отходами. Сходство понятий механизмов и методов регулирования позволяет называть их отчасти тождественными, но механизм означает систему инструментария, а метод является способом реализации. Обращение с отходами относится к государственному регулированию природопользования, где правовые механизмы относят к административным методам.

Выделяют следующие методы государственного регулирования обращения с отходами:

- административные (организационные);
- информационные (социально-психологические);
- экономические (стимулирование, принуждение и поощрение) [6].

К основным федеральным законам, регулирующим обращение с отходами, относят 89-ФЗ, 7-ФЗ и 117-ФЗ⁵.

Результаты и обсуждение

К административным (организационным) методам государственного регулирования природопользования можно отнести [7]:

- механизмы принуждения к ответственности (например, административной, уголовной, дисциплинарной);
- организационные механизмы (инициация мероприятий государственных программ, национальных и федеральных проектов и др.);
- механизмы правового (законодательного) регулирования (законы и другие нормативно-правовые акты);
- механизмы директивного характера (указы, приказы, постановления, распоряжения органов власти и пр.).

Для систематизации методов, механизмов и инструментов регулирования природопользования в части обращения с отходами составлена схема распределения инструментов по механизмам и методам (см. рисунок).

Административное регулирование вводит ограничения в сфере обращения с отходами, контроль и лицензирование процессов природопользования [8]. Инструментами административного принуждения могут быть стандартизация, нормирование, лицензирование. К инструментам правового (законодательного) регулирования обращения с отходами можно отнести стандарты, нормы предельно допустимого воздействия (ПДВ), экологическую экспертизу (ГЭЭ) и др.

⁵ Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ; с изменениями на 19.12.2022. Принят Государственной Думой 22.05.1998; одобрен Советом Федерации 10.06.1998. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ; с изменениями на 14.07.2022. Принят Государственной Думой 20.12.2001; одобрен Советом Федерации 26.12.2001. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс»; Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2): от 05.08.2000 №117-ФЗ; с изменениями на 18.03.2023. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Методы, механизмы и инструменты регулирования обращения с отходами для перехода на ЭЗЦ (составлено автором)

К информационным методам государственного регулирования обращения с отходами относятся: механизмы социально-психологического воздействия на население и участников (операторов) обращения с отходами. Социально-психологические и культурно-просветительские механизмы близки по своей сути и направлены на повышение общей экологической культуры в обществе. Такие механизмы воспитывают бережное отношение к окружающей среде, в том числе к потреблению и образованию отходов. Культурно-просветительские механизмы достигают цели по повышению общей экологической сознательности через экологическое просвещение, например документальные фильмы экологической направленности. Важной составляющей является экологи-

ческое воспитание подрастающего поколения. Инструментами информационного метода могут быть: пропаганда, информационное обеспечение населения или участников обращения с отходами информацией о положении в этой сфере, документальные передачи по телевидению, социальная реклама, мероприятия по экологическому просвещению или развитию культуры потребления. Большую роль играют средства массовой информации.

Поскольку ЭЗЦ считается экономической моделью, наибольший интерес представляют экономические механизмы государственного регулирования. Различают механизмы:

- экономического принуждения (плата за негативное воздействие, размещение отходов, утилизационный сбор, экологический сбор);
- экономического стимулирования (государственные дотации, кредиты и субсидии природоохранных проектов, льготы по налогообложению и займам, дотации, ускоренная амортизация);
- экономического поощрения (субсидии, дотации, премирование, гранты).

Согласно ст. 21 89-ФЗ, к основным принципам экономического регулирования в области обращения с отходами относят:

- уменьшение количества образования отходов;
- вовлечение отходов в хозяйственный оборот;
- платность захоронения отходов;
- экономическое стимулирование.

В ст. 23 ФЗ-89 закреплена плата за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов, что относится к механизмам экономического принуждения.

Ст. 24 ФЗ-89 выделяет следующие меры экономического стимулирования в области обращения с отходами:

- понижение размера платы за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) при внедрении технологий, обеспечивающих уменьшение количества образования отходов;
- применение ускоренной амортизации;
- налоговые льготы при производстве товаров или упаковки из биоразлагаемых материалов;
- льготы в отношении платы за НВОС;
- льготы при уплате экологического сбора;
- предоставление средств бюджета.

Ст. 24.1 89-ФЗ определяет утилизационный сбор как плату за дальнейшую (после использования) утилизацию ввозимых и производимых транспортных средств. Однако в законодательстве не прописаны возможности компенсации данной платы при применении наилучших из доступных технологий (далее – НДТ) или иных механизмов, сокращающих НВОС, поэтому данный механизм следует отнести к механизмам экономического принуждения, а не стимулирующим.

Ст. 24.2 и 24.5 89-ФЗ устанавливают регулирование в области обращения с отходами от использования товаров и упаковки в виде экологического сбора. Экологический сбор является механизмом расширенной ответственности производителя (РОП) и напрямую относится к ЭЗЦ. Механизм РОП имеет элементы компенсации в случае выполнения нормативов утилизации за счёт утилизации схожих отходов, а также в случае использования вторичного сырья при производстве товаров. Однако экологическая компонента отсутствует в системе РОП в Российской Федерации [9], что делает его скорее механизмом принудительного характера, чем стимулирующего. Это под-

тверждает п. 1 ст. 24.5 89-ФЗ, которая относит экологический сбор к доходам федерального бюджета.

Ст. 24.3. и 24.4. 89-ФЗ о единой федеральной государственной информационной системе учёта отходов от использования товаров и о предоставлении в неё информации не имеют отношения к механизмам экономического регулирования и не содержат инструментов или иных мер экономического регулирования, хотя находятся в соответствующей главе закона (Глава V. Экономическое регулирование в области обращения с отходами) и носят информационно-статистический характер. Поэтому данную систему учёта следует отнести к информационным механизмам регулирования.

К экономическим механизмам регулирования в области обращения с отходами можно отнести предоставление льготных займов и кредитов, которые недостаточно присутствуют в законодательстве РФ об отходах. Законодательством предусмотрены два вида нормативов платы за размещение отходов: базовый и дифференцированный, учитывающий экологическую ситуацию в субъекте РФ.

Отмечается эффективность методов лимитирования объёмов загрязнения окружающей среды и вторичного использования отходов, которые могут быть весьма полезными для сокращения негативного воздействия на экосистемы, особенно в крупных городах. Однако подобные методы не лишены недостатков. Чтобы они были эффективными, платежи должны превышать затраты на снижение негативного воздействия на экосистему, иначе предприятиям проще заплатить штраф, чем проводить дорогостоящие процедуры по экологизации производства. При такой ситуации слишком высокие ставки по платежам могут замедлить темпы экономического развития общества, что негативно скажется на экономике в целом.

К инструментам косвенного экономического принуждения можно отнести экологическое страхование, предназначенное для компенсации экологического ущерба. Экономические инструменты принуждения тесно связаны с административными, регламентирующими область их применения. Существует группа инструментов ценового экологического регулирования, активно применяющихся в России и ряде других стран. К ним относятся:

- платежи за пользование объектами захоронения или хранения отходов;
- платежи за услуги по вывозу отходов;
- экологические налоги;
- льготные ставки налога на прибыль;
- субсидии, субвенции;
- тарифы.

Экологические налоги можно отнести к инструментам экономического принуждения, оказывающим воздействие на стоимость товаров, производство или использование которых негативно сказывается на состоянии окружающей среды, делая экологически неблагоприятную продукцию менее конкурентоспособной.

Последним элементом выступают субсидии и субвенции, являющиеся инструментом государственной поддержки производителей, стремящихся к экологизации деятельности. По своей природе они весьма разнообразны: к субсидиям можно отнести гранты, различные ссуды и кредиты, налоговые льготы и др. Так, в ст. 177-ФЗ определены основные направления государственной поддержки, которые (практически все) могут быть применены в сфере обращения с отходами:

- поддержка инвестиционной деятельности, направленной на внедрение наилучших доступных технологий (далее – НДТ) и иных мер по сокращению негативного воздействия на экологические системы или здоровье граждан;

- поддержка просветительской и образовательной деятельности в сфере охраны окружающей среды;
- всесторонняя поддержка внедрения и активного использования возобновляемых источников энергии и вторичных ресурсов.

Применительно к обращению с отходами предусмотрена возможность получения государственной поддержки при внедрении НДТ и установке оборудования по использованию, транспортированию, обезвреживанию отходов производства и потребления.

Анализ положений Налогового кодекса РФ (ч. 2) показал, что льготы по налогам установлены для некоторых видов отходов, которые можно рассматривать в качестве вторичных материальных ресурсов. Например, на зерновые отходы распространяются льготы по налогообложению, как и на зерновую продукцию. Налоговый кодекс предусматривает:

- возможность применения патентной системы налогообложения в отношении услуг по приёму вторичного сырья (кроме металлолома), а также сбору, обработке и утилизации отходов и вторичного сырья;
- сниженные тарифы по страховым взносам для организаций и индивидуальных предпринимателей (работающих по упрощённой системе налогообложения), основным видом экономической деятельности которых являются сбор, обработка и утилизация отходов.

При этом, согласно п. 2 ст. 149 Налогового кодекса, к операциям, не подлежащим налогообложению на территории Российской Федерации, относятся услуги по обращению с ТКО, предоставляемые региональными операторами. Это подтверждает ст. 284, согласно которой субъект РФ вправе довести налог на прибыль до 0 %. Однако к подобным услугам относятся только те, по которым утверждён предельный единый тариф на услуги регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами без учёта налога. Не подлежат налогообложению коммунальные услуги, предоставляемые организациями, отвечающими за обслуживание внутридомовых инженерных систем, благодаря которым осуществляется предоставление коммунальных услуг, при условии их приобретения у соответствующих организаций.

Также ст. 217 Налогового кодекса определены виды доходов физических лиц, не подлежащих налогообложению, к которым относят возмещение расходов на оплату коммунальных услуг и доходы от реализации макулатуры. В ст. 254 Налогового кодекса определены условия, при которых можно уменьшить сумму материальных расходов на стоимость возвратных отходов.

Кроме того, согласно п. 8 ст. 161, при реализации налогоплательщиками сырых шкур животных, лома и отходов чёрных и цветных металлов, алюминия вторичного и его сплавов, а также макулатуры налоговая база определяется исходя из стоимости товаров, определяемой в соответствии со ст. 105.3 Налогового кодекса с учётом налога. При этом в целях применения норм Налогового кодекса алюминием вторичным и его сплавами признаются алюминий в соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, а макулатурой – бумажные и картонные отходы, отбракованные или вышедшие из употребления.

Ст. 217 Налогового кодекса определяет виды доходов физических лиц, не подлежащих налогообложению: возмещение расходов на оплату коммунальных услуг (включая услуги по обращению с твёрдыми коммунальными отходами), а также доходы от реализации макулатуры, образующейся у физических лиц в быту и принадлежащей им на праве собственности.

Ст. 254 Налогового кодекса определяет условия, при которых можно уменьшить сумму материальных расходов на стоимость возвратных отходов. В статье подробно описано, какие именно отходы понимаются под возвратными.

Ст. 284 (п. 1.12) Налогового кодекса предусматривает возможность для региональных операторов по обращению с твёрдыми коммунальными отходами устанавливать нулевую налоговую ставку по налогу на прибыль, подлежащему зачислению в бюджеты субъектов РФ.

Заключение

Анализ механизмов регулирования обращения с отходами в ФЗ-89, ФЗ-7 и Налоговом кодексе РФ показал, что в Российской Федерации существуют многие элементы перехода на ЭЗЦ, но они не систематизированы, и переход не является комплексным. В законе зафиксированы основные административные и правовые механизмы. Информационные механизмы упоминаются в различных разделах закона, но не выделены в самостоятельный раздел. Экономические механизмы носят более принудительный характер. Экономические механизмы стимулирования и поощрения в законе прописаны недостаточно или с существенными послаблениями, что снижает эффективность перехода на ЭЗЦ. Достигнутые политические решения о переходе на ЭЗЦ (включая указы Президента РФ) позволили активизировать старые механизмы, совершенствовать существующие и создать новые.

Законодательство об отходах в Российской Федерации содержит достаточно административных (включая правовые), а также информационных и экономических механизмов регулирования, которые можно применить для перехода на ЭЗЦ, но с некоторой корректировкой или дополнениями. Степень корректировки и дополнений каждого механизма зависит от политической воли и готовности социально-экономической системы Российской Федерации к переходу на ЭЗЦ.

При законодательном закреплении ЭЗЦ и целевом планировании Федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» необходимо закрепить дифференцированные положения касательно биосферных (биологических) и технологических (экономических) циклов. Следует также закрепить механизмы и инструменты регулирования, позволяющие достичь результатов по приоритетным направлениям иерархии обращения с отходами, в первую очередь в части предотвращения и сокращения их образования.

Относительно восстановления старых, усиления существующих и разработки новых механизмов и инструментов регулирования обращения с отходами предлагается использовать меры, соответствующие концепции и принципам ЭЗЦ:

1. Из советского периода:

- восстановить систему заготовки вторичного сырья у населения путём закрепления такой функции у федеральных органов власти и органов власти субъектов РФ;
- создать систему стимулирования использования отходов и вторичного сырья в промышленности путём предоставления налоговых льгот, субсидий и других инструментов экономического стимулирования;
- закрепить ответственность за всеобъемлющий охват населения информационным обеспечением обращения с отходами потребления и вторичных материальных ресурсов за Правительством РФ.

2. Из существующих механизмов и инструментов регулирования:

- упростить лицензирование с неопасными отходами;
- нормировать образование вторичных материальных ресурсов;
- установить единый орган по контролю за оборотом отходов и вторичного сырья;

- разработать стратегию развития ЭЗЦ в РФ;
- поддерживать развитие государственной программы по переходу на ЭЗЦ, в том числе в виде федерального проекта;
- установить иерархию ответственности за развитие ЭЗЦ между федеральными и региональными системами власти;
- повысить дисциплинарную, административную и уголовную ответственность за преступления в области обращения с отходами и вторичного сырья;
- разработать распорядительные документы директивного характера, принуждающие к развитию ЭЗЦ как на государственном уровне, так и для предпринимательской деятельности, населения и операторов обращения с отходами;
- вести пропаганду среди населения преимуществ ЭЗЦ с помощью СМИ и других информационных инструментов;
- развивать систему образования в области ЭЗЦ;
- повышать культуру и воспитание населения;
- развивать единую, удобную для пользования систему учёта и контроля в области обращения с отходами и вторичных материальных ресурсов;
- постоянно повышать плату за негативное воздействие на окружающую среду (в том числе захоронение или сжигание отходов);
- пересмотреть систему утилизационного сбора в сторону экологизации;
- усовершенствовать систему РОП (исключить нормативы утилизации, добавить коэффициент экологического следа, повысить ставки экологического сбора);
- предусмотреть предоставление налоговых льгот и каникул, в том числе полную отмену от обложения налогами лиц, занимающихся сбором, обработкой и утилизацией отходов и вторичного сырья (отмена НДС на сдачу вторсырья, отмена НДС, налоговые льготы за пользование земельными участками и др.);
- предусмотреть выдачу льготных займов и кредитов в отрасль переработки отходов, а также в иные виды деятельности, соответствующие принципам ЭЗЦ;
- предусмотреть выдачу государственных дотаций и субсидий на развитие ЭЗЦ;
- предусмотреть возможность государственного премирования видов деятельности и лиц, успешно сокращающих образование отходов и возвращающих их в хозяйственный оборот;

3. Из международного и современного опыта развития ЭЗЦ:

- закрепить законодательно основные принципы и положения ЭЗЦ;
- закрепить понятия биосферных и биологических циклов, а также иерархию малых циклов обращения с отходами и видов переработки отходов (upcycling, functional recycling, downcycling);
- выделить органические отходы (включая пищевые, сельскохозяйственные, биологические, осадки сточных вод и др.) в самостоятельный раздел регулирования;
- закрепить понятие и развитие экологического дизайна упаковки и товаров;
- закрепить понятие и инструменты стимулирования шеринговой модели ЭЗЦ, включая каршеринг, фудшеринг, офисшеринг и т. д.;
- закрепить понятие и инструменты стимулирования таких моделей ЭЗЦ, как краудфандинг;
- закрепить формы аренды товаров и услуг как соответствующие принципам ЭЗЦ, предусмотреть механизмы и инструменты экономического стимулирования таких видов деятельности;
- закрепить нормы и инструменты стимулирования возвратной логистики;

• закрепить повышение качества и продление срока службы как характеристики товаров или услуг, соответствующих принципам ЭЗЦ, со всеми вытекающими за этим льготами и иными механизмами стимулирования.

Список литературы

1. Долгушин, А. Б. Принципы экономики замкнутого цикла в законодательстве развитых стран Европы / А. Б. Долгушин // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2023. – Т. 11, № 1 (60). – С. 68–90. – DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-1-68-90>.
2. Долгушин, А. Б. Построение экономики замкнутого цикла в советский период / А. Б. Долгушин // Московский экономический журнал. – 2022. – Т. 7, № 11. – DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_11_659. – EDN HFBAGZ.
3. Долгушин, А. Б. Принципы экономики замкнутого цикла в законодательстве развитых стран Европы / А. Б. Долгушин // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2023. – Т. 11, № 1 (60). – С. 68–90. – DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-1-68-90>.
4. Долгушин, А. Б. Особенности государственного регулирования перехода на экономику замкнутого цикла в отношении отходов в странах Азии / А. Б. Долгушин // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4(50). – С. 21–28. – EDN WRPBYS.
5. Сторожева, Т. В. Механизмы регулирования в сфере обращения с отходами / Т. В. Сторожева, С. А. Воробьева, О. А. Малахова, Е. С. Подвальный // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – 2021. – № 1 (25).
6. Шимова, О. С. Основы экологии и экономика природопользования: Учебник / О. С. Шимова, Н. К. Соколовский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГЭУ, 2002. — 367 с.
7. Китиева, М. И. Принципы государственного регулирования природопользования / М. И. Китиева, М. А. Орцханова, Ф. Я. Полонкоева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-3(70). – С. 13–15. – DOI: 10.24411/2411-0450-2020-11116. – EDN MKHZHS.
8. Великанова, Т. В. Механизм экономического стимулирования рационального обращения с отходами / Т. В. Великанова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Экономические науки. – 2014. – № 1(11). – С. 115–121. – EDN RZJAXP.
9. Долгушин, А. Б. Система расширенной ответственности производителя в России: экологический аспект в расчете экологического сбора / А. Б. Долгушин, А. В. Никонорова // Муниципальная академия. – 2022. – № 2. – С. 137–145. – DOI: 10.52176/2304831X_2022_02_137. – EDN BFGTZI.

References

1. Dolgushin A. B. Principy` e`konomiki zamknutogo cikla v zakonodatel`stve razvity`x stran Evropy` / A.B. Dolgushin // Aktual`ny`e napravleniya nauchny`x issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika. – 2023. T. 11. – № 1 (60). – S. 68–90. – Bibliogr.: s. 85–90 (33 nazv.). – DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-1-68-90>.
2. Dolgushin, A. B. Postroenie e`konomiki zamknutogo cikla v sovetskij period / A. B. Dolgushin // Moskovskij e`konomicheskij zhurnal. – 2022. – T. 7, № 11. – DOI 10.55186/2413046X_2022_7_11_659. – EDN HFBAGZ.

3. Dolgushin A. B. Principy` e`konomiki zamknutogo cikla v zakonodatel`stve razvity`x stran Evropy` / A.B. Dolgushin // Aktual`ny`e napravleniya nauchny`x issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika. – 2023. T. 11. - № 1 (60). – S. 68–90. – Bibliogr.: s. 85–90 (33 nazv.). – DOI: <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-1-68-90>.

4. Dolgushin, A. B. Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya perexoda na e`konomiku zamknutogo cikla v otnoshenii otxodov v stranax Azii / A. B. Dolgushin // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. – 2022. – № 4(50). – S. 21–28. – EDN WRPBYS.

5. Storozheva T. V., Vorob`eva S. A., Malaxova O. A., Podval`ny`j E. S. Mexanizmy` regulirovaniya v sfere obrashheniya s otxodami // Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente RF, № 1 (25), 2021.

6. Shimova O. S., Sokolovskij N. K. Osnovy` e`kologii i e`konomika prirodopol`zovaniya: Uchebnik / O.S. Shimova, N.K. Sokolovskij. 2-e izd., pererab. i dop. – Minsk: BGE`U, 2002. – 367 s.

7. Kitieva, M. I. Principy` gosudarstvennogo regulirovaniya prirodopol`zovaniya / M. I. Kitieva, M. A. Orczhanova, F. Ya. Polonkoeva // E`konomika i biznes: teoriya i praktika. – 2020. – № 12-3(70). – S. 13–15. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-11116. – EDN MKHZHS.

8. Velikanova, T. V. Mexanizm e`konomicheskogo stimulirovaniya racional`nogo obrashheniya s otxodami / T. V. Velikanova // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: E`konomicheskie nauki. – 2014. – № 1(11). – S. 115–121. – EDN RZJAXP.

9. Dolgushin, A. B. Sistema rasshirennoj otvetstvennosti proizvoditelya v Rossii: e`kologicheskij aspekt v raschete e`kologicheskogo sbora / A. B. Dolgushin, A. V. Nikonorova // Municipal`naya akademiya. – 2022. – № 2. – S. 137–145. – DOI 10.52176/2304831X_2022_02_137. – EDN BFGTZI.

A. B. Dolgushin⁶. Instruments of Circular Economy in the Russian Legislation. The article analyzes the methods, mechanisms and tools of state regulation of waste management, enshrined in federal legislation, for compliance with the basic principles of the closed-cycle economy. A differentiated system of methods, mechanisms and tools of state regulation of environmental management in the waste management system has been developed. An analysis of federal legislation has shown that the Russian Federation already contains enough administrative, including legal, as well as informational and economic, including incentive, regulatory mechanisms and instruments that can be applied to transition to a closed-loop economy, but with some adjustments or additions. Recommended measures are proposed for the development and restoration of mechanisms and tools for regulating waste management from the Soviet period, strengthening existing and developing new mechanisms and tools for the transition to a closed-cycle economy in the Russian Federation. The results of the study can be used to adjust federal legislation, as well as to adjust national and federal projects. The direction of further research will be the development of the basic principles and provisions of the transition to a closed-loop economy, as well as the justification and development of framework provisions on the closed-loop economy when adjusting federal legislation.

Keywords: closed-cycle economy, cyclical economy, waste management, secondary resources, extended producer responsibility.

⁶ Alexander B. Dolgushin, Senior Researcher of the Autonomous Non-Profit Organization «International Research Institute for Sustainable Development» (Troitskaya str., 7, p. 4, Moscow, 129090, Russia), PhD, e-mail: abdolgushin@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-104-118

Р. И. Герелишин¹

СТРАТЕГИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕСУРСНЫХ СТРАНАХ И РЕГИОНАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Рассматриваются вопросы экономического развития в странах и регионах, одним из ключевых конкурентных преимуществ которых является природно-ресурсный потенциал. Показано, что добывающие отрасли сохраняют своё место в структуре производства даже при переходе к новому технологическому укладу. С точки зрения экономической теории неэффективное использование природных ресурсов не способствует экономическому росту и развитию, а каналы потенциального влияния затрагивают не только экономическую, но и политическую, социальную, институциональную и иные сферы. Основные выводы экономической теории интерпретированы с использованием методологии стратегирования доктора экономических наук В. Л. Квинта. Подготовлены предложения по стратегической типологизации ресурсных регионов в целях последующего использования для развития теоретических положений стратегии как науки, а также для практического применения и принятия управленческих решений.

Ключевые слова: стратегирование, природно-ресурсный потенциал, экономический рост, экономическое развитие, конкурентные преимущества, стратегические приоритеты, «ресурсное проклятие».

УДК 330.352

Введение

Одной из характеристик современного этапа экономического развития является динамизм – следствие закона ускорения исторического процесса: продолжительность технологических укладов (ТУ) сокращается, новые технологические решения имеют более короткий срок жизни. На смену им приходят инновационные решения, обеспечивающие большую экономическую эффективность. Роль инноваций как одного из триггеров экономического роста является актуальным предметом изучения. Важно понимать, что постиндустриальное общество как следующий этап развития не подразумевает отказа от индустриального сектора экономики, а потенциальная деиндустриализация во многом является мифом: «...за индустрией пятого-шестого технологических укладов возникает некая «постиндустриальная» экономика, а сохраняется экономика вполне индустриальная, со всеми присущими индустриальному способу удовлетворения потребностей чертами; другое дело, что изменяется характер индустрии» [1, с. 17]. Данный тезис, сформулированный членом-корреспондентом РАН С. Д. Бодруновым,

¹ Роман Игоревич Герелишин, аспирант кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119234, РФ, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), e-mail: mrgerelishin@mail.ru.

подчеркивает важность многих современных отраслей промышленности и наличие для них места в системе производственных отношений, которая придёт на смену текущей. Многие отрасли будут переформатированы с учётом требований нового ТУ с точки зрения знаний и формируемых на их базе новых технологий (например, в работе В. Л. Квинта, А. В. Бабкина и Е. В. Шкарупета [2] продемонстрирована целесообразность использования стратегии и концепции формирования платформенной операционной модели для повышения цифровой зрелости в новых реалиях), но не обязательно будут исключены из структуры производства, а значит, вопросы их развития приобретают ещё большую важность как на текущий момент, так и с точки зрения прогнозирования (об этом см. работу Л. И. Власюк и П. А. Минакира [3]).

Другой важной чертой современного этапа является возросший уровень социально-экономической энтропии и турбулентный характер международных экономических и политических отношений – в совокупности эти факторы обуславливают ещё большую значимость стратегических исследований, так как успех в долгосрочной перспективе не может достигаться без чёткой доктрины и системы её реализации. В авангарде данного процесса стоит научная школа стратегирования под руководством доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта, согласно которому стратегия – это «путеводитель к выверенным приоритетам и целям через хаос будущего и неизвестного. Это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности» [4, с. 353]. Динамичный характер изменений внешней среды приводит к необходимости разработки стратегий для обеспечения конкурентоспособности на длительную перспективу, что обуславливает важность скорейшего достижения импортонезависимости и стратегирования технологического суверенитета, который является самостоятельным предметом изучения [5] и должен стать одним из стратегических приоритетов.

Согласно теории стратегии, стратегические приоритеты должны быть обеспечены конкурентными преимуществами. Одним из наиболее очевидных и требующих максимально эффективной реализации конкурентных преимуществ РФ является наличие природных ресурсов. Несмотря на неравномерность их распределения и кажущуюся релевантность этого преимущества лишь некоторым регионам, для нашей страны преимущество одного региона должно рассматриваться как конкурентное преимущество всей страны: «Будет региональный рост – будет и развитие страны в целом» [6, с. 4]. Таким образом, вопрос развития и эффективного использования природно-ресурсного потенциала на региональном уровне:

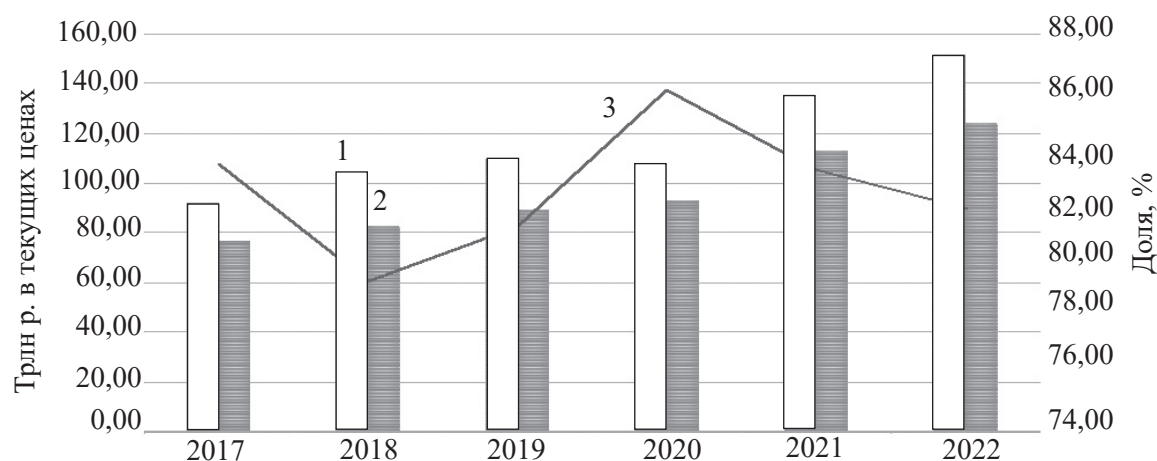
- актуален с точки зрения реализации конкурентного преимущества и обеспечения реализации иных стратегических приоритетов на региональном и надрегиональном уровнях;

- перспективен с точки зрения обеспечения технологического суверенитета в стратегически значимой отрасли, обеспечивающей энергетическую безопасность РФ и способной продуцировать технологии, обладающие высоким потенциалом пенетрации (особенно пенетрации первого рода), обозначенным С. Д. Бодруновым [7].

Однако наличие природных ресурсов, согласно экономической теории, не всегда позитивно влияет на экономический рост и развитие, а каналы его влияния многочисленны и не всегда очевидны. Поэтому предварять процесс стратегирования социально-экономического развития ресурсных стран и регионов должно изучение возможных каналов и характера влияния природных ресурсов – в этом случае в процессе стратегирования можно учесть большой диапазон факторов как на этапе OTSW-анализа, так и на других этапах.

Роль природных ресурсов в структуре экономики Российской Федерации

Согласно последним оценкам², РФ является мировым лидером по стоимости природных ресурсов (75,7 трлн долларов), более чем в 1,5 раза опережая идущие вторыми США. Но в данном случае целесообразно смотреть не столько на наличие природных ресурсов и оценку их стоимости, сколько на их роль в структуре экономики. Согласно данным Росстата, нефтегазовый сектор в ВВП РФ составляет около 82 % за период 2017–2022 гг. (рассчитано на базе ВВП в текущих ценах, рис. 1). Показателей в текущих ценах достаточно для понимания общей структуры ВВП – перевод в базовые цены через соответствующие индексы-дефляторы в данном случае не требуется.

1 – 2017: 91,84, 2018: 103,86, 2019: 109,61, 2020: 107,66, 2021: 135,29, 2022: 151,46;

2 – 2017: 76,60, 2018: 82,36, 2019: 89,01, 2020: 92,61, 2021: 112,61, 2022: 123,99;

3 – 2017: 83,41, 2018: 79,29, 2019: 81,20, 2020: 86,02, 2021: 83,23, 2022: 81,87

Рис. 1. Объём и доля нефтегазового ВВП РФ (составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики): 1 – ВВП в текущих ценах; 2 – нефтегазовый ВВП в текущих ценах; 3 – доля нефтегазовых ВВП

Подобное соотношение показывает, что доля нефтегазового сектора в структуре ВВП варьируется в районе 20 %, что может показаться не запредельной величиной. Но в структуре экспорта РФ картина иная: «Основой российского экспорта в январе 2022 г. традиционно являлись топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта составил 63,5 %»³.

Доля товарной группы «минеральные продукты» в структуре экспорта РФ является преобладающей (рис. 2) несмотря на флуктуации, вызванные изменением мировых цен (ниже 50 % от суммы совокупного экспорта с 2000 г. доля минеральных продуктов не опускалась).

² <https://www.worldexcellence.com/top-countries-with-the-most-valuable-natural-resources/> (дата обращения: 19.05.2023).

³ Согласно данным, представленным в пояснениях Федеральной таможенной службы к товарной структуре экспорта Российской Федерации (<https://customs.gov.ru/folder/517>). (дата обращения: 19.05.2023).

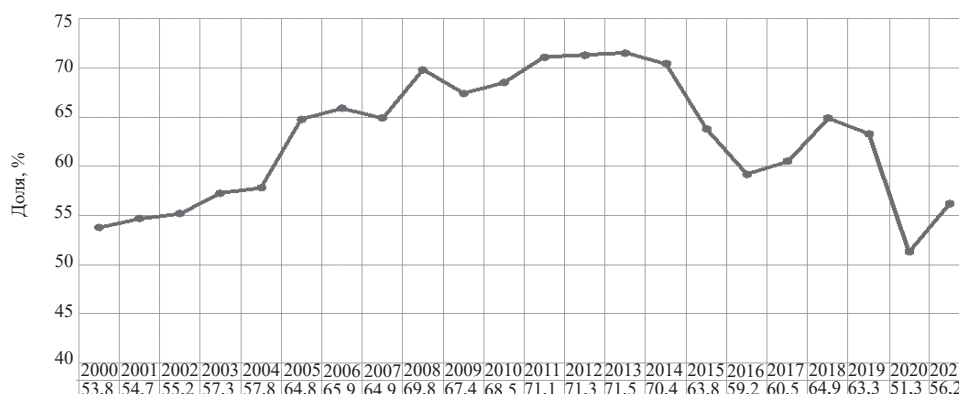

Рис. 2. Доля минеральных продуктов в структуре экспорта РФ (составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики)

Другим важным аспектом, характеризующим значимость нефтегазового сектора для экономики РФ, является его доля в структуре доходов федерального и консолидированного бюджетов, от наполнения которых зависит исполнение расходной части бюджета (рис. 3).

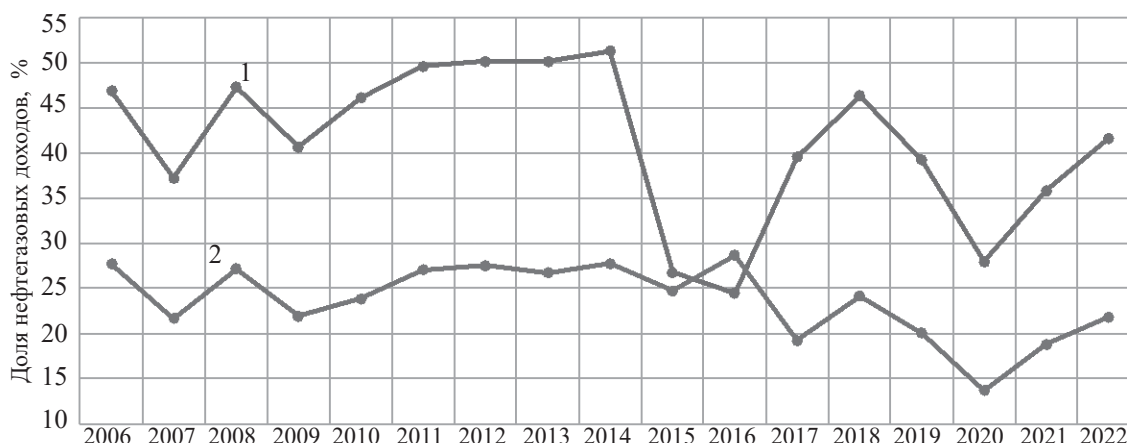

Рис. 3. Доля нефтегазовых доходов в структуре доходов федерального и консолидированного бюджетов (составлено автором по данным Министерства финансов РФ⁴, ⁵): 1 — федеральный бюджет; 2 — консолидированный бюджет

Представленные графики подчёркивают критическую важность нефтегазового сектора для РФ. В экономической теории многократно показывалось, что наличие природных ресурсов, являясь неоспоримым конкурентным преимуществом, может пре-

⁴ https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80042-informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta (дата обращения: 19.05.2023).

⁵ https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93447 (дата обращения: 19.05.2023).

пятствовать экономическому развитию и тормозить экономический рост, не позволяя достигать стратегических целей. В этой связи изучение возможных каналов влияния природных ресурсов и использование методологии стратегирования для достижения стратегических приоритетов РФ, безусловно, актуальны.

Особенности экономического развития ресурсных стран и регионов с точки зрения экономической теории

В ранних работах, посвящённых исследованию ресурсных экономик, более низкие темпы роста в экономиках, богатых природными ресурсами, чем в странах, не имеющих такого потенциала, находили парадоксальными, потому что освоение природных ресурсов подразумевает создание рабочих мест, развитие транспортной инфраструктуры; может придать импульс отдельным ресурсоёмким отраслям, создать новые цепочки добавленной стоимости, стать статьёй экспорта, доходы от которого интенсифицируют экономические процессы. Однако Дж. Сакс и Э. Уорнер выявили, что экономики, обильно наделённые природными ресурсами, как правило, растут медленнее, чем экономики без их существенных запасов [8]. Задолго до этого А. Хиршман отмечал, что положительное или отрицательное воздействие ресурсного экспорта на экономику определяется типом связи ресурсного сектора с другими отраслями [9]: «...в тех случаях, когда развитие ресурсного сектора на экспорт стимулировало рост отраслей, производивших средства производства для сырьевого сектора (нижних этажей производственного цикла), и отраслей, связанных с переработкой сырья (верхних этажей), экономика, основанная на ресурсном экспорте, постепенно диверсифицировалась. Наоборот, если связи ресурсного сектора с остальной экономикой были слабыми (например, когда средства производства ввозились из-за рубежа), возникало только анклавное экспортное производство и страна попадала в ловушку сырьевой специализации» [10, с. 28].

Одним из вариантов объяснения данного явления стала теория «голландской болезни», постулирующая, что в условиях увеличения цен на ресурсы происходит рост валютных доходов от экспорта, что вызывает рост курса национальной валюты и снижает конкурентоспособность товаров нересурсного сектора на мировом рынке. Этот подход широко изучался. Например, в работе П. Дасгупты, Р. Иствуда, Дж. Хила [11] рассматривались вопросы оптимального распределения между экспортом ресурсов и потреблением внутри страны, а также использования полученных средств для импорта капитала и приобретения иностранных активов, приносящих процентный доход. М. Корден и П. Нири [12] указывают, что чаще всего «голландская болезнь» возникает в добывающих отраслях, но потенциальный бум, способный привести к «голландской болезни», может случиться и в отраслях, не связанных с добычей полезных ископаемых.

Широкий взгляд на факторы, которые необходимо включать в модели «голландской болезни», представлен в работе М. Бруно и Дж. Сакса [13], указавших, что в теоретической модели следует учитывать множество факторов: мобильность капитала, в том числе международную, или дальновидность поведения фирм и домохозяйств, причём в динамике, с учётом межпериодных взаимодействий.

Важную роль в изучении «голландской болезни» и экономического роста в подобных странах сыграли исследования, связанные с моделями «обучения в процессе деятельности», восходящие к работам нобелевских лауреатов К. Эрроу [14] и П. Ромера [15]. Так, Р. Торвик показал, что эффекты от «обучения в процессе деятельности» могут генерироваться как в торгуемом секторе, так и в неторгуемом, что возможен переток знаний из одного сектора в другой [16]. Эти выводы коррелируют с тем, что

обозначает С. Д. Бодрунов, так как главенствующую роль в развитии отраслей промышленности играют и будут играть знания, а также умение на их базе разрабатывать технологии, стимулирующие развитие этой отрасли и способные находить применение в других отраслях. Для РФ этот аспект принципиально важен, так как многочисленные исследования «голландской болезни» на российских данных [17–19] подтверждают наличие соответствующей симптоматики.

Работы, посвящённые влиянию большого количества ресурсов на экономический рост, разнятся с точки зрения меры ресурсной обеспеченности. Для этого использовались доля природных ресурсов в структуре экспорта, доля рабочей силы или площадь территории на душу населения. В некоторых работах авторы отходят от единичных критериев в пользу двойных, например, Р. Аути, который ввёл в научный оборот понятие «ресурсное проклятие», использовал в качестве двойного критерия площадь пашенных земель на душу населения (в качестве показателя земельного фонда) и ВВП [20].

Однако «ресурсное проклятие» не стало неоспоримым явлением, так как экономическая литература пополнялась работами, в которых ставился под сомнение выбор метрик или методов оценивания, или в целом отрицался факт существования «ресурсного проклятия». М. Алексеев и Р. Конрад, используя вместо темпов роста ВВП размер подушевого ВВП, показали, что запасы нефти или природных ископаемых не замедляют экономический рост [21]. Ж-Ф. Стийнс, ставя под сомнение использование МНК и выбранные Дж. Саксом и Э. Уорнером метрики ресурсной обеспеченности, показал, что ранее достигнутые результаты не являются устойчивыми, что природные ресурсы сами по себе не оказывают значительного влияния на темпы роста – наиболее важно то, каким образом страны используют природные ресурсы [22]. Последний вывод принципиально важен с точки зрения методологии стратегирования, так как подводит к мысли о неэффективном использовании конкурентного преимущества, приводящем к невозможности реализации стратегических приоритетов и достижения стратегических целей.

Вместо экспортных показателей могли использоваться иные. В работе К. Бруншвейлер [23] применялся подушевой природный капитал, рассчитываемый по данным Всемирного банка и отражающий природное богатство в долларах США на душу населения на базе чистой приведённой стоимости ренты. Автор считала эти показатели более подходящими, так как национальная статистика анализируемых стран не была унифицированной, а различные виды ресурсов, в совокупности представлявшие природно-ресурсный потенциал, не имели разных весов. Также К. Бруншвейлер поддержала набиравшую силу тенденцию включения в рассмотрение институциональных факторов, используя такие показатели, как агрегированное качество законодательства и эффективность правительства. Проведённое исследование позволило выявить положительную связь между природными ресурсами и темпом роста реального ВВП по данным 1970–2000 гг. Данный результат способствовал переходу научной дискуссии в плоскость, где природные ресурсы можно рассматривать в качестве не «проклятия», а «благословения», что в большей степени соответствует трактовке природных ресурсов как конкурентного преимущества.

Исследование взаимосвязи между наличием природных ресурсов и экономическим благополучием с учётом качества институциональной среды, выполненное Х. Мехлумом, К. Моэне и Р. Торвиком [24], показало, что сочетание избытка ресурсов и институтов, способствующих рентоориентированному поведению, отрицательно влияет на экономический рост, в то время как институты, способствующие развитию производственного сектора, позволяют ресурсным странам использовать весь их потенциал. Данный тезис подтверждает необходимость создания и совершенствования

институциональной среды, способствующей эффективной реализации конкурентных преимуществ. С точки зрения ресурсных регионов, ресурсных экономик в целом одним из решений является определение механизма изъятия и перераспределения ресурсной сверхренты для стимулирования социально-экономического развития посредством реализации стратегических проектов. Очевидно, что вопрос совершенствования институциональной среды не является простым, особенно в федеративном государстве, а возможности для создания институциональных подсистем на отдельных территориях – прерогатива федеральной власти. Создание подобных институционально обособленных районов обусловлено тем, что пространственное развитие не может осуществляться равномерно, поэтому в процессе регионального стратегирования обязательно учёт институциональных условий и создаваемых ими возможностей, а также прогноз перспектив их изменения в контексте институционального развития на надрегиональном уровне.

В дальнейших работах, посвящённых «ресурсному проклятию», изучалась взаимосвязь с финансовым сектором [25], детально с банковской сферой [26], в условиях волатильности мировых цен на ресурсы [27], а также в контексте появления симптомов ресурсного проклятия при использовании возобновляемых ресурсов [28, 29].

Представленные работы позволяют рассмотреть проблему «ресурсного проклятия» с различных точек зрения, но в то же время необходимо понимать их комплексное влияние с учётом взаимосвязанности и взаимообусловленности элементов экономических систем. Необходимо разрабатывать инструменты стратегического управления, позволяющие эффективно использовать природно-ресурсный потенциал с учётом иных ограничений, прежде всего по фактору времени. Эти задачи можно решить, используя методологию стратегирования, в рамках которой могут быть проанализированы возможности и угрозы, связанные с мощным природно-ресурсным потенциалом, а также предложены варианты использования имеющихся возможностей и сильных сторон для реализации стратегических приоритетов. Структурное обобщение идей и наработок экономической теории и анализ их релевантности методологии стратегирования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Идеи и положения экономической теории в области ресурсных стран и регионов	Релевантность положений методологии стратегирования и их интерпретация
<i>Р. Пребиш</i> [30], <i>Х. Зингер</i> [31]	
1. Более низкие темпы роста в странах, специализирующихся на сырьевом секторе, чем в промышленно развитых странах 2. Снижение доли сырьевых производств в структуре ВВП в силу технического прогресса	Технологичные производства создают более высокую добавочную стоимость (большой ВВП/ВРП), в связи с чем с точки зрения методологии стратегирования (далее – МС) принципиально важно как стимулировать технологическое развитие в ресурсном секторе, так и обеспечивать трансфер технологий между отраслями
<i>П. Дасгупта</i> , <i>Р. Иствуд</i> , <i>Дж. Хилл</i>	
Необходимость оптимального распределения между экспортом ресурсов за рубеж и потреблением внутри страны	В этих вопросах скрыт крайне важный для ресурсоориентированных стран/регионов вопрос: «Каким образом использовать полученные доходы?». Этот вопрос является ключевым с точки зрения реализации/утраты конкурентного преимущества. Помимо этого, важен сам факт использования оптимизационных методов, так как МС строится на оптимизации использования ограниченных ресурсов

Идеи и положения экономической теории в области ресурсных стран и регионов	Релевантность положений методологии стратегирования и их интерпретация
<i>М. Бруно, Дж. Сакс</i>	
Полная теоретическая модель должна учитывать целый ряд факторов (примеры авторов: специфичность краткосрочного капитала, мобильность долгосрочного капитала между секторами, международная мобильность капитала, дальновидность поведения фирм и домохозяйств)	МС предполагает использование максимально возможного количества факторов, которое может быть корректно интерпретировано, так как все элементы стратеглируемых систем взаимосвязаны и взаимообусловлены
<i>П. Кругман [32]</i>	
Представлена модель торговли, в которой конкурентные преимущества развиваются со временем за счёт «обучения в процессе деятельности» и предполагается возрастающая отдача от масштаба	Возможность накопления знаний и их передачи – принципиальная задача на каждом уровне управления, которая должна быть включена в каждую разрабатываемую стратегию развития. Для ресурсных регионов данная задача важна в не меньшей степени, так как это позволяет не только развивать ресурсные отрасли и сильнее интегрировать их в производственно-экономические цепочки, но и способствует развитию смежных отраслей. Важно отметить, что «Новая экономическая география» в целом является крайне содержательной областью знаний и предлагает множество идей, полезных для МС
<i>Ж.-Ф. Стийнс</i>	
Природные ресурсы сами по себе не оказывают значительного влияния на темпы экономического роста, важно то, как страны используют природные ресурсы (корреляция с выводами П. Дасгупты, Р. Иствуда и Дж. Хилла)	Неправильное использование конкурентного преимущества ведёт не только к невозможности реализации стратегических приоритетов, но и к негативным последствиям для экономики в целом. В этой связи с точки зрения МС необходимо задумываться о порядке реализации стратегических приоритетов на базе всестороннего OTSW-анализа и о том, как именно конкурентные преимущества будут обеспечивать их достижение
<i>Х. Мехлум, К. Моэне, Р. Торвик</i>	
Сочетание избытка ресурсов и институтов, способствующих политике присвоения (рентоориентированному поведению), негативно влияет на экономический рост, в то время как институты, способствующие производственному сектору, позволяют богатым ресурсами странам использовать весь их потенциал и реализовать собственные конкурентные преимущества	Рентоориентированное поведение является проявлением инерционного мышления, а это – главный враг стратегического мышления [33, с. 36]. Создание институциональной среды, сдерживающей возможности рентоориентированного поведения, – один из шагов в достижении стратегических целей на уровне как государства, так и отдельных регионов и субрегиональных образований

Источник: составлено автором по материалам [11, 13, 22, 24, 30–32].

Каждая работа, посвящённая изучению связи природных ресурсов с экономическим ростом и развитием, может дать идеи для использования с точки зрения мето-

логии стратегирования, поэтому важно изучать наработки теории и эмпирические исследования, предполагающие новые взгляды на взаимосвязи элементов экономических систем.

Изучая взаимосвязь ресурсов с этими элементами на основе разных данных и с помощью различных методов, исследователи приходили к разным и даже противоречивым выводам. Детальный анализ достигнутых результатов представил М. Росс [34], он сформулировал по итогам анализа литературы предложения по направлениям дальнейших исследований. Данные направления находят отражение в методологии стратегирования (табл. 2).

Таблица 2

Предложения М. Росса по направлениям исследований «ресурсного проклятия»	Соответствующие особенности методологии стратегирования
1. В рамках анализа необходимо выходить за рамки изучения знаков регрессионных коэффициентов и изучать более широкие каналы влияния	Методология стратегирования (МС) не предусматривает формирование итоговых выводов на базе результатов регрессионного анализа, а количественные методы используются в первую очередь для моделирования систем и возможных последствий стратегически обоснованных воздействий и принятия соответствующих стратегических решений
2. С точки зрения каналов влияния важно изучать воздействия природных ресурсов на более широкий спектр измерений социальной и политической жизни (автор приводит примеры уровня транспарентности деятельности органов власти, гендерное равенство, демографические тренды)	МС предполагает рассмотрение систем в контексте гетерогенных факторов, в том числе социальной и политической жизни, наряду с технологическими, культурными, институциональными и иными аспектами
3. Целесообразно акцентировать внимание не столько на изучении самого «ресурсного проклятия», сколько на анализе и подготовке предложений по выработке мер для борьбы с негативными последствиями	МС предполагает выработку конкретных мер, а не просто констатацию текущего положения и выяснение природы его возникновения, но при этом не ориентируется на решение текущих проблем, а концентрируется на реализации преимуществ и достижении успеха в долгосрочной перспективе

Источник: составлено автором на основе материалов [34].

Как показывает практика, большинство исследований по теме «ресурсного проклятия» сосредоточены на страновом уровне, однако трансмиссионные механизмы, общая симптоматика и закономерности могут быть релевантны и региональному уровню в контексте парадигмы «регион-квазигосударство»⁶. Как показано в работе Дж. Каста и С. Полхекке [35], взаимодействия на внутристрановом уровне создают трансмиссионные механизмы для «ресурсного проклятия» на уровне страны. Кроме того, большинство предполагаемых каналов влияния природных ресурсов на различные экономические и неэкономические категории зависят от факторов на субнациональном

⁶ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник. М.: ГУ Региональная экономика России, 2003. С. 83.

уровне (рентоориентированное поведение, региональный фаворитизм, неравномерное распределение инвестиций, ценовые межпространственные различия и т. п.). В этой связи вопросы «ресурсного проклятия» странового масштаба необходимо переводить на уровень регионов (особенно в государствах с федеративным устройством, в которых регион – это не просто часть территории, но и административная единица). Такие регионы в литературе называют ресурсными. Однако, как и в случае с отсутствием единой дефиниции региона, в литературе отсутствует консенсус по поводу того, что такое *ресурсный регион*, потому что его можно определять:

- в логике, когда «...в качестве ключевого критерия выделения сырьевых регионов России используется показатель доли валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых в структуре ВРП (более 30 % в период 2000–2010 гг.)» [36, с. 94];
- как регион, «основу экономики которого составляют экспортно-ориентированные отрасли и добывающие отрасли первого передела» [37, с. 92];
- как ресурсный, если «...добыча полезных ископаемых и их обработка в рамках первичного передела составляют региональную специализацию» [38, с. 236].

С точки зрения методологии стратегирования необходима иная типологизация ресурсных регионов, которая базируется на наличии конкурентных преимуществ, обусловленных природно-ресурсным потенциалом; способности их реализации с учётом ограничений (экономических, институциональных, политических, экологических и по фактору времени) и тенденций разного рода и уровня; возможностей изменения структуры регионального производства за счёт диверсификации и других стратегически обоснованных критериев. На базе данной поликритериальной типологизации можно:

1. Определить общие закономерности и ключевые детерминанты социально-экономического развития данных регионов.
2. Декомпозировать методологию стратегирования ресурсных регионов на общую (базисную) компоненту, релевантную всем регионам данного типа, и уникальную, построенную на отличительных характеристиках и особенностях каждого отдельно взятого региона.

Реализация п. 2 позволит разработать концептуальную модель стратегирования ресурсоориентированных регионов (на базе методологии стратегирования В. Л. Квинта), которая должна иметь теоретическую значимость и представлять практический интерес для органов управления регионального и федерального уровня, поскольку на их основе могут быть разработаны практические документы. Примером того, что разработанные на базе этой методологии практические документы находят признание на самых высоких уровнях государственного управления, является утверждение «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» и «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года и более длительную перспективу».

Заключение

Динамично изменяющийся мир создаёт новые вызовы и, чтобы оставаться конкурентным, экономическим агентам необходимо прогнозировать будущее состояние внешней среды и разрабатывать стратегии развития, базирующиеся на конкурентных преимуществах. Достижению стратегических целей РФ должно способствовать эффективное использование природно-ресурсного потенциала, а решать данную задачу следует в первую очередь на уровне регионов, формирующих этот потенциал. Как показывает экономическая теория и множественные эмпирические наработки, широта каналов влияния природных ресурсов на экономические, политические, социальные и

иные процессы довольно значительна, а инерционно-консервативное использование природных ресурсов крайне редко приводит к положительным результатам. В этой связи особую важность приобретает применение методологии стратегирования, способной агрегировать множество факторов различной природы, проанализировать их с точки зрения возможностей и угроз, определить реально достижимые и подкреплённые конкурентными преимуществами стратегические приоритеты и предложить порядок их реализации.

Список литературы

1. Бодрунов С. Д. К вопросу об императивах формирования нообщества: десимулятизация потребностей // Ноономика и нообщество. – 2022. – С. 13–20. – DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-4-13-20.
2. Квинт, В. Л. Стратегирование формирования платформенной операционной модели для повышения уровня цифровой зрелости промышленных систем / В. Л. Квинт, А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета // Экономика промышленности. – 2022. – 15(3). С. 249–261. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-249-261>.
3. Власюк, Л. И. Долгосрочный региональный прогноз: синтез технологического и экономического подходов / Л. И. Власюк, П. А. Минакир // Проблемы прогнозирования. – 2013. – №. 2. – С. 3–14.
4. Квинт, В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке / В. Л. Квинт. – М.: Бизнес Атлас, 2012. – 627 с.
5. Квинт, В. Л. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов, Н. И. Сасаев // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9. – С. 57–67. – DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
6. Бодрунов, С. Д. Территории опережающего развития – важнейшее условие экономического роста России (на примере Уральского региона) / С. Д. Бодрунов // Управленец. – 2018. – Т. 9, №. 1. – С. 2–7. – DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-1-1.
7. Бодрунов, С. Д. Общая теория ноономики / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.
8. Sachs J.D., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. – 1995. 54 с. – DOI: 10.3386/w5398.
9. Hirschman A. O. The strategy of economic development. – 1958. 217 с.
10. Polterovich V., Popov V., Tonis A. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 101 с.
11. Dasgupta P., Eastwood R., Heal G. Resource management in a trading economy // The Quarterly Journal of Economics. – 1978. – С. 297–306. – <https://doi.org/10.2307/1884164>.
12. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // The economic journal. – 1982. – Т. 92, №. 368. – С. 825–848. – <https://doi.org/10.2307/2232670>.
13. Bruno M., Sachs J. Energy and resource allocation: a dynamic model of the «Dutch Disease» // The Review of Economic Studies. – 1982. – Т. 49, №. 5. – С. 845–859. – <https://doi.org/10.2307/2297191>.
14. Arrow K.G. The Economic Implications of Learning by Doing // Review of Economic Studies. – 1962. – Т. 29. – С. 155–173. – <https://doi.org/10.2307/2295952>.
15. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // Journal of political economy. – 1986. – Т. 94, №. 5. – С. 1002–1037. – <https://doi.org/10.1086/261420>.

16. *Torvik R.* Learning by doing and the Dutch disease // *European economic review*. – 2001. – Т. 45, №. 2. – С. 285–306. – [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(99\)00071-9](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(99)00071-9).
17. *Algieri B.* The Dutch disease: evidences from Russia // *Economic Change and Restructuring*. – 2011. – Т. 44, №. 3. – С. 243–277. – <https://doi.org/10.1007/s10644-011-9101-4>.
18. *Mironov V.V., Petronevich A.V.* Discovering the signs of Dutch disease in Russia // *Resources Policy*. – 2015. – Т. 46. – С. 97–112. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.09.007>.
19. *Ito K.* Dutch disease and Russia // *International economics*. – 2017. – Т. 151. – С. 66–70. – <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2017.04.001>.
20. *Auty R.M.* et al. (ed.). *Resource abundance and economic development*. – Oxford university press, 2001 – <https://doi.org/10.1093/0199275785.001.0001>.
21. *Alexeev M., Conrad R.* The elusive curse of oil // *The review of Economics and Statistics*. – 2009. – Т. 91. – №. 3. – С. 586–598. – <https://doi.org/10.1162/rest.91.3.586>.
22. *Stijns J.P.C.* Natural resource abundance and economic growth revisited // *Resources policy*. – 2005. – Т. 30, №. 2. – С. 107–130. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2005.05.001>.
23. *Brunnschweiler C.N.* Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // *World development*. – 2008. – Т. 36, №. 3. – С. 399–419. – <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.03.004>.
24. *Mehlum H., Moene K., Torvik R.* Institutions and the resource curse // *The economic journal*. – 2006. – Т. 116, №. 508. – С. 1–20. – <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2006.01045.x>.
25. *Dwumfour R. A., Ntow-Gyamfi M.* Natural resources, financial development and institutional quality in Africa: is there a resource curse? // *Resources Policy*. – 2018. – Т. 59. – С. 411–426. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.08.012>.
26. *Umar M.* [et al.]. The impact of resource curse on banking efficiency: Evidence from twelve oil producing countries // *Resources Policy*. – 2021. – Т. 72. – С. 102080. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102080>.
27. *Van der Ploeg F., Poelhekke S.* Volatility and the natural resource curse // *Oxford economic papers*. – 2009. – Т. 61, №. 4. – С. 727–760. – DOI: 10.1093/oep/gpp027.
28. *Menegaki A.N.* An antidote to the resource curse: The blessing of renewable energy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2013. – Т. 3, №. 4. – С. 321–332.
29. *Overland I.* The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // *Energy Research & Social Science*. – 2019. – Т. 49. – С. 36–40. – <https://doi.org/10.1016/j.erss.2018.10.018>.
30. *Prebisch R.* The economic development of Latin America and its principal problems // *Economic Bulletin for Latin America*. – 1962. – С. 1–22.
31. *Singer H.* Comments to the terms of trade and economic development // *Review of Economics and Statistics*. – 1950. – Т. 40, №. 1. – С. 84–89.
32. *Krugman P.* The narrow moving band, the Dutch disease, and the competitive consequences of Mrs. Thatcher: Notes on trade in the presence of dynamic scale economies // *Journal of development Economics*. – 1987. – Т. 27, №. 1-2. – С. 41–55. – [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(87\)90005-8](https://doi.org/10.1016/0304-3878(87)90005-8).
33. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – Т. I. – СПб.: СЗИУ РАН-ХиГС, 2022. – 132 с.
34. *Ross M.L.* What have we learned about the resource curse? // *Annual review of political science*. – 2015. – Т. 18. – С. 239–259. – DOI: 10.1146/annurev-polisci-052213-040359.
35. *Cust J., Poelhekke S.* The local economic impacts of natural resource extraction // *Annu. Rev. Resour. Econ.* – 2015. – Т. 7, №. 1. – С. 251–268. – DOI: 10.1146/annurev-resource-100814-125106.

36. Ильина, И. Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования / И. Н. Ильина // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – №. 2. – С. 91–112.

37. Левин, С. Н. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике / С. Н. Левин, К. С. Саблин, Е. С. Каган // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Т. 7, №. 3. – С. 92–101. – DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101.

38. Самусенко, С. А. Дефекты инновационных систем в ресурсных регионах / С. А. Самусенко, Г. И. Поподько, Т. С. Зимнякова // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, №. 2 (461) – С. 234–249. – DOI: 10.24891/re.17.2.234.

References

1. Bodrunov S. D. K voprosu ob imperativah formirovaniya noobshhestva: desimuljatzacija potrebnostej // Noonomika i nooobshhestvo. – 2022. – 13–20. – DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-4-13-20.

2. Kvint V.L., Babkin A.V., Shkarupeta E.V. Strategizing of forming a platform operating model to increase the level of digital maturity of industrial systems. Russian Journal of Industrial Economics. 2022;15(3):249–261. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-3-249-261>.

3. Vlasjuk L. I., Minakir P. A. Dolgosrochnyj regional'nyj prognoz: sintez tehnologicheskogo i ekonomicheskogo podhodov // Problemy prognozirovaniya. – 2013. – №. 2. – P. 3–14.

4. Kvint V. L. (2012) Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke [Strategic management and economy in the global emerging market]. M.: Business Atlas. 626 p.

5. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K., Sasaev N.I. Strategizing the National Economy during a Period of Burgeoning Technological Sovereignty. Administrative Consulting. 2022;(9):57–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-57-67>.

6. Bodrunov S.D. Territorii operezhajushhego razvitiya-vazhnejshee uslovie jekonomicheskogo rosta Rossii (na primere Ural'skogo regiona) //Upravlenec. – 2018. – Т. 9, №. 1. – P. 2–7. – DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-1-1.

7. Bodrunov S.D. Obshhaja teorija noonomiki. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2019. 504 p.

8. Sachs J.D., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. – 1995. 54 c. – DOI: 10.3386/w5398.

9. Hirschman A.O. The strategy of economic development. – 1958, 217 c.

10. Polterovich V., Popov V., Tonis A. Ekonomicheskaja politika, kachestvo institutov i mehanizmy «resursnogo prokljatija». – Moskva: Izdatel'skij dom GU VShJe, 2007. – 101 p.

11. Dasgupta P., Eastwood R., Heal G. Resource management in a trading economy //The Quarterly Journal of Economics. – 1978. – С. 297–306. – <https://doi.org/10.2307/1884164>.

12. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // The economic journal. – 1982. – Т. 92, №. 368. – С. 825–848. – <https://doi.org/10.2307/2232670>.

13. Bruno M., Sachs J. Energy and resource allocation: a dynamic model of the «Dutch Disease» // The Review of Economic Studies. – 1982. – Т. 49, №. 5. – С. 845–859. – <https://doi.org/10.2307/2297191>.

14. Arrow K.G. The Economic Implications of Learning by Doing // Review of Economic Studies. – 1962. – Т. 29, С. 155–173. – <https://doi.org/10.2307/2295952>.

15. *Romer P.M.* Increasing returns and long-run growth // *Journal of political economy*. – 1986. – Т. 94, №. 5. – С. 1002–1037. – <https://doi.org/10.1086/261420>.
16. *Torvik R.* Learning by doing and the Dutch disease // *European economic review*. – 2001. – Т. 45, №. 2. – С. 285–306. – [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(99\)00071-9](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(99)00071-9).
17. *Algieri B.* The Dutch disease: evidences from Russia // *Economic Change and Restructuring*. – 2011. – Т. 44, №. 3. – С. 243–277. – <https://doi.org/10.1007/s10644-011-9101-4>.
18. *Mironov V.V., Petronevich A.V.* Discovering the signs of Dutch disease in Russia // *Resources Policy*. – 2015, Т. 46. – С. 97–112. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.09.007>.
19. *Ito K.* Dutch disease and Russia // *International economics*. – 2017. – Т. 151. – С. 66–70. – <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2017.04.001>.
20. *Auty R.M.* et al. (ed.). Resource abundance and economic development. – Oxford university press, 2001 – <https://doi.org/10.1093/0199275785.001.0001>.
21. *Alexeev M., Conrad R.* The elusive curse of oil // *The review of Economics and Statistics*. – 2009. – Т. 91, №. 3. – С. 586–598. – <https://doi.org/10.1162/rest.91.3.586>.
22. *Stijns J.P.C.* Natural resource abundance and economic growth revisited // *Resources policy*. – 2005, Т. 30, №. 2. – С. 107–130. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2005.05.001>.
23. *Brunnschweiler C.N.* Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // *World development*. – 2008. – Т. 36, №. 3. – С. 399–419. – <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.03.004>.
24. *Mehlum H., Moene K., Torvik R.* Institutions and the resource curse // *The economic journal*. – 2006, Т. 116, №. 508. – С. 1–20. – <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2006.01045.x>.
25. *Dwumfour R. A., Ntow-Gyamfi M.* Natural resources, financial development and institutional quality in Africa: is there a resource curse? // *Resources Policy*. – 2018, Т. 59. – С. 411–426. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.08.012>.
26. *Umar M.* et al. The impact of resource curse on banking efficiency: Evidence from twelve oil producing countries // *Resources Policy*. – 2021, Т. 72. – С. 102080. – <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102080>.
27. *Van der Ploeg F., Poelhekke S.* Volatility and the natural resource curse // *Oxford economic papers*. – 2009. – Т. 61, №. 4. – С. 727–760. – DOI: 10.1093/oep/gpp027.
28. *Menegaki A.N.* An antidote to the resource curse: The blessing of renewable energy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2013. – Т. 3, №. 4. – С. 321–332.
29. *Overland I.* The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // *Energy Research & Social Science*. – 2019. – Т. 49. – С. 36–40. – <https://doi.org/10.1016/j.erss.2018.10.018>.
30. *Prebisch R.* The economic development of Latin America and its principal problems // *Economic Bulletin for Latin America*. – 1962. – С. 1 – 22.
31. *Singer H.* Comments to the terms of trade and economic development // *Review of Economics and Statistics*. – 1950. – Т. 40. – №. 1. – С. 84–89.
32. *Krugman P.* The narrow moving band, the Dutch disease, and the competitive consequences of Mrs. Thatcher: Notes on trade in the presence of dynamic scale economies // *Journal of development Economics*. – 1987. – Т. 27, №. 1-2. – С. 41–55. – [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(87\)90005-8](https://doi.org/10.1016/0304-3878(87)90005-8).
33. *Kvint V.L.* Концепция стратегирования. Т. I. – СПб.: СЗИУ РАНHiGS, 2022. – 132 с.
34. *Ross M.L.* What have we learned about the resource curse? // *Annual review of political science*. – 2015. – Т. 18. – С. 239–259. – DOI: 10.1146/annurev-polisci-052213-040359.

35. *Cust J., Poelhekke S.* The local economic impacts of natural resource extraction // *Annu. Rev. Resour. Econ.* – 2015. – Т. 7, №. 1. – С. 251–268. – DOI: 10.1146/annurev-resource- 100814-125106.

36. *Il'ina I.N.* Perspektivy razvitiya syr'evykh regionov RF v dokumentah strategicheskogo planirovaniya // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya.* – 2013. – №. 2. – P. 91–112.

37. *Levin S.N., Sablin K.S., Kagan E.S.* Regiony «resursnogo tipa» v sovremennoj rossijskoj jekonomike // *Journal of institutional studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij).* – 2015, Т. 7, №. 3. – P. 92–101. - DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101.

38. *Samusenko S.A., Popod'ko G.I., Zimnjakova T.S.* Defekty innovacionnykh sistem v resursnykh regionah // *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika.* – 2019. – Т. 17, №. 2 (461) – С. 234–249. – DOI: 10.24891/re.17.2.234.

R. I. Gerelishin⁷. Economic Development Strategy in Resource-Rich Countries and Regions: Theoretical Understanding.

The article is dedicated to the issues of economic development in countries and regions, one of the key competitive advantages of which is the natural resource potential. It is demonstrated, that the natural resource extraction industries have the potential to retain their place in the production structure even in the event of a transition to a new technological order. It is shown, that from the point of view of economic theory, the inefficient use of natural resources does not contribute to economic growth and development, and the channels of potential influence affect not only economic, but also political, social, institutional and other spheres.

The main conclusions of the economic theory are interpreted from the point of view of the strategizing methodology of the foreign member of the RAS, professor, doctor of economic sciences V.L. Kvint. Proposals have been prepared for the strategic typology of resource regions for subsequent use both for the development of the theoretical provisions of the strategy, as a science, and for practical application and management decision-making.

Keywords: strategizing, natural resource potential, economic growth, economic development, competitive advantages, strategic priorities, resource curse.

⁷ *Roman I. Gerelishin*, Postgraduate Student, Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye Gory, 1/61, 119234, Russia), e-mail: mrgerelishin@mail.ru.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138

Е. В. Романов¹

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В результате размывания границ между правой (неолиберальной) и левой идеологиями в странах коллективного Запада левое движение, традиционно защищавшее интересы эксплуатируемых, перестаёт быть выразителем их интересов. Под влиянием неолиберальных идей мейнстримом леволиберального дискурса становятся проблемы идентичности, борьбы с расизмом, сексизмом и гомофобией. Поскольку в основании российских экономических реформ достаточно долго лежали неолиберальные идеи, признаваемый за рубежом кризис неолиберализма актуализирует поиск новых оснований стратегии экономического развития России. Таким основанием должны стать традиционные российские духовно-нравственные ценности, а ведущим императивом – социализация экономики. Закреплённый в Конституции России принцип социальной солидарности (солидаризм) согласуется с традиционными духовно-нравственными ценностями: приоритет духовного над материальным, коллективизм, гуманизм, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений. Идеология социально-экономического развития страны должна строиться на их основе. Описана специфика «нового российского нэпа».

Ключевые слова: неолиберализм, традиционные духовно-нравственные ценности, императив стратегии развития, идеология модернизации.

УДК 304.4: 338.2

Введение

На современном этапе социально-экономического развития в идеологической сфере ведущих западных стран происходит размывание границ между правой идеологией, ориентированной на защиту интересов союза капиталистического класса с классом менеджеров (его верхушкой), и левой, предполагающей защиту интересов эксплуатируемых. S. Schleusener [1] доказывает, что современные левые, которых он называет *культурными левыми* (cultural left), не являются выразителями интересов американского рабочего класса. Левая политика из классового движения, критикующего эксплуатацию, экономическое неравенство и общую коммерциализацию социальной жизни, превратилась в направление, продвигающее мультикультуралистскую «политику признания» (politics of recognition), ориентированную на проблему идентичности, борьбу с расизмом, сексизмом и гомофобией – эти вопросы «составляют мейнстрим леволиберального дискурса» [1, с. 27] (здесь и далее перевод мой – Е. Р.). Кризис неолиберализ-

¹ Евгений Валентинович Романов, профессор кафедры менеджмента Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова (455000, РФ, Магнитогорск, пр. Ленина, д. 24), д-р пед. наук, профессор, e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

ма [2] актуализирует поиск новых оснований стратегии экономического развития России, поскольку на достаточно протяжённом историческом промежутке времени неолиберальные идеи составляли фундамент экономических реформ. В Концепции внешней политики Российской Федерации² нейтрализация «попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок...» (выделено здесь и далее мной – Е. Р.) рассматривается как один из способов устранения «рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах» – по сути, неолиберализм на официальном уровне признан *вредной* идеологией.

Наша цель – обоснование методологических оснований и императивов стратегии экономического развития с учётом особенностей современного этапа развития России.

О сущности современного неолиберализма

Глубокий анализ сущности неолиберализма представил Уильям Дэвис в статье «Новый неолиберализм» [3].

Он указал, что неолиберализм формировался как политическая идентичность на основе противопоставления социализму (в образе «необходимого врага»). Не случайно один из отцов неолиберализма Ф. фон Хайек в книге «Дорога к рабству» (впервые опубликована в марте 1944 г.) объясняет, что нацизм и социализм – родственные течения: «“Третий Рейх”... обещал принести немцам социализм, приспособленный к характеру германской нации и очищенный от западных либеральных идей. Так оно, собственно, и случилось» [4, с. 177].

У. Дэвис выделил в неолиберализме три стадии [3, с. 125–130]:

1. *Воинственный неолиберализм* (combative neoliberalism), 1979–1989 гг., который «в прикладной форме включал в себя ряд тактик, направленных на подрыв возможности социализма» (антирабочее законодательство и борьба с профсоюзами).

2. *Нормативный неолиберализм* (normative neoliberalism), 1989–2008 гг. На этом этапе «все сферы человеческой деятельности должны быть перестроены в соответствии со стандартами конкуренции... Задача правительства – обеспечить четкое отличие “победителей” от “проигравших”».

3. *Карательный неолиберализм* (punitive neoliberalism), с 2008 г., для которого характерно увеличение государственного долга. Соответственно «экономическая зависимость и моральная несостоятельность» правительств, обусловленные неэффективностью проводимой политики, выражаются в «обрушении насилия» на собственное население.

В более поздней работе У. Дэвис сформулировал отличия неолиберализма от традиционного либерализма [5]:

а) допускается вмешательство государства в экономику, например, при попытках регулирования потоков рабочей силы для достижения определённых стратегических экономических целей;

б) отказ от либеральной концепции разделения политической и экономической сфер жизни. Все сферы человеческого поведения рассматриваются как экономические: политические и культурные пространства переделываются по примеру рынка. Квазиприватизация может происходить через введение псевдорынков в образовании, здравоохранении, искусстве и т. д.;

² Указ Президента России от 31.03.2023 г. № 229 «О концепции внешней политики Российской Федерации». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 10.05.2023).

в) конкуренция рассматривается как решающая и наиболее ценная черта капитализма: она позволяет различать, кто и что является ценным.

Для понимания генезиса неолиберализма мы расположили публикации, раскрывающие его сущность, в хронологической последовательности (табл. 1). Видно, что сущностные характеристики относятся в основном к нормативной стадии неолиберализма: рыночные отношения, включая создание квази- (псевдо) рынков в образовании, здравоохранении, культуре и т. д.; конкуренция как определяющая характеристика человеческих отношений и «инструмент» для определения ценности.

Таблица 1

Сущностные характеристики неолиберализма

Автор, год	Сущность феномена
Larner, 2000 [6]	Новые формы политико-экономического управления, основанные на расширении рыночных отношений
Brenner, Theodore, 2002 [7]	Стержнем неолиберальной идеологии является убеждение в том, что открытые, конкурентные и нерегулируемые рынки, свободные от всех форм государственного вмешательства, являются оптимальным механизмом экономического развития
McCarthy, Prudham, 2004 [8]	Сложная совокупность идеологических обязательств (ideological commitments), дискурсивных представлений (discursive representations) и институциональных практик (institutional practices), которые распространяются специфическими классовыми союзами (class alliances)
Duménil, Lévy, 2011 [2]	Социальный порядок, направленный на получение дохода для высших слоёв населения, а не на инвестиции в производство и тем более не на социальный прогресс
Jessop, 2012 [9]	Политический проект..., направленный на расширение конкурентных рыночных сил, укрепление благоприятной для рынка конституции и продвижение индивидуальной свободы
Ramey, 2015 [10]	Неолиберальный мандат рассматривается как навязывание рынков и рыночных процессов производства и потребления все большей социальной реальности до тех пор, пока вся жизнь не будет включена в погоню за прибылью... Неолиберализм – ...это тотальный взгляд на реальность как на обусловленную рыночными силами и на людей – как на неотъемлемую часть этой реальности
Monbiot, 2016 [11]	Рассматривает конкуренцию как определяющую характеристику человеческих отношений..., утверждает, что “рынок” приносит выгоды, которых невозможно достичь с помощью планирования... Организация труда и ведение коллективных переговоров с профсоюзами представляются рыночными перекосами, препятствующими формированию естественной иерархии победителей и проигравших
Santone, 2019 [12]	Мировоззрение, основанное на принципах свободного рынка, ограниченного государственного вмешательства, меритократии и личной ответственности

В работе [13] подчёркивается, что неолиберальные преобразования были направлены на изменение баланса классовых сил в пользу капитала. Такая перестройка привела к «принудительной конкуренции» (coercive competition) во всех странах мира. Проекты неолиберального управления предусматривали существенное «сокращение

государственных финансовых и административных ресурсов и функций» [8]. Кейнсианские нарративы о социальном обеспечении и государстве всеобщего благосостояния уступили место неолиберальному реваншизму [14, 15]³.

Как отмечено в работе [16, р. 7], «“социальное государство” уступает место “содействующему государству”, которое предоставляет индивидам знания, полномочия и свободы, чтобы заботиться о себе». Таким образом, в этой новой системе убеждений государство «больше не может (и не должно) нести ответственность за обеспечение всех потребностей общества в безопасности, здравоохранении и т. д.». По мнению авторов, в рамках неолиберальной формы правления на смену пассивному гражданину приходит активный – как «активный предприниматель самого себя» [16, р. 8]. По нашему мнению, как только государство обращается к гражданам с лозунгом «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», начинается карательная стадия неолиберализма.

В работе [2] доказывается, что кризис неолиберализма предопределён тем, что его цели становятся «**несовместимы с поддержанием гегемонии США или, что более строго, несовместимы с решимостью замедлить ее упадок**» [2, р. 327]. Соответственно меры, предлагаемые авторами: а) управление, нацеленное на внутренние инвестиции, а не на фондовый рынок и доход от капитала; б) введение ограничений на свободную торговлю и свободное перемещение капитала; в) надлежащее регулирование финансового сектора, обслуживающего нефинансовую экономику – нацелены на восстановление ситуации в экономике США и глобального доминирования.

Кризис неолиберализма отражает наступление его третьей стадии – карательного неолиберализма [3, р. 130]. Наблюдаемая в США дискуссия относительно дефолта, очевидно, закончится увеличением порога госдолга, **сокращением социальных расходов** при сохранении (а скорее – увеличении) расходов военно-промышленного комплекса. Весь мир заинтересован в том, чтобы назревающий гражданский конфликт в США был купирован в границах этой страны.

«Гуманитарный расцвет» неолиберализма знаменует провозглашение президентом США Д. Байденом 31 марта 2023 г. «Днём видимости трансгендеров» (Transgender Day of Visibility)⁴. В заявлении, размещённом на сайте Белого дома, в частности, указано: «трансгендерные американцы формируют душу нашей нации». Парадокс в том, что, провозглашая «гендера» солью нации, для него искусственно формируют конкурентные преимущества. Это противоречит самой идее меритократии в неолиберализме, когда руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от социального происхождения и финансового достатка; это противоречит и идеям конкуренции, которая должна способствовать установлению естественной иерархии победителей и проигравших.

³ Несмотря на то, что в данных публикациях рассматривались проблемы урбанизации: «Реваншистский город ... – это место, где воспроизводство социальных отношений пошло ошеломляюще неправильно» [14, р. 207], эти исследования вполне применимы к рассматриваемой проблеме. По отношению к кейнсианству «неолиберальный реваншизм» состоит в реализации политики, в которой «воспроизводство социальных отношений пошло ошеломляюще неправильно».

⁴ A Proclamation on Transgender Day of Visibility. The White House, March 30, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/03/30/a-proclamation-on-transgender-day-of-visibility/> (accessed: 10.05.2023).

Традиционные духовно-нравственные ценности России как методологическое основание стратегии экономического развития

Впервые традиционные российские духовно-нравственные ценности были сформулированы в Стратегии национальной безопасности⁵: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся прежде всего жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». В ноябре 2022 г. был опубликован Указ № 809⁶, в котором из данной формулировки было исключено словосочетание «прежде всего», поскольку его наличие предполагало, что ценностный ряд может быть дополнен. При этом подчёркивается особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей. Важным является следующий тезис: «Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность». **Таким образом, любые новации в экономической, образовательной и других сферах следует рассматривать через призму традиционных ценностей: в какой степени предполагаемые изменения способствуют их сохранению и защите.**

В разделе, посвящённом анализу оценки ситуации, основных угроз и рисков для традиционных ценностей и сценариев развития, введено понятие деструктивной идеологии – насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей путём идеологического и психологического воздействия на граждан. Эта идеология включает в себя «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Сопоставив содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей [17] с атрибутами деструктивной идеологии, нацеленными на их разрушение, видим, что отсутствуют антиподы ценностей, выделенных полужирным шрифтом – приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России (табл. 2). Полужирным курсивом мы выделили ценности, воздействие на которые соответствующего атрибута деструктивной идеологии имеет ограниченный (неочевидный) характер. Например, культивировать эгоизм можно и в контексте формирования коллективистских ценностей, когда обосновывается, что извлечение личной выгоды связано с нахождением в коллективе.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.05.2023).

Таблица 2

Содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и атрибуты деструктивной идеологии

Традиционные ценности		Атрибуты деструктивной идеологии
Наименование	Содержание	
Патриотизм	Чувство любви и преданности Родине, Отечеству, своему народу, готовность служить интересам своей страны ⁷	Отрицание идеалов патриотизма
Гражданственность	Степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее поведение, готовность личности содействовать процветанию общества; высшее проявление гражданственности – патриотизм, ответственность за события, происходящие в стране, перед последующими поколениями	
Служение Отечеству, ответственность за его судьбу	а) Активное участие в защите Отечества от внешних и внутренних врагов, создающих угрозы и причиняющих вред соотечественникам; б) переживание личной ответственности за события, происходящие в Отечестве, и противодействие внешним и внутренним врагам Отечества	Отрицание идеалов служения Отечеству
Жизнь	Осознание жизни как главной ценности является основанием формирования человека как цельной и продуктивной личности. Жизнь – основной ресурс, составляющий «человеческий капитал»	Отрицание естественного продолжения жизни
Крепкая семья	Союз мужчины и женщины на основе чувства любви и опыта созидательной деятельности друг для друга, а также воспроизводства, воспитания и обучения детей, их дальнейшей занятости и развития	Отрицание ценностей крепкой семьи, брака, многодетности; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений
Созидательный труд	Деятельность человека, в ходе которой создаются материальные и нематериальные блага для других людей, формирование положительных обратных связей с потребителями	Отрицание созидательного труда
Историческая память и преемственность поколений⁸	а) Отражение и закрепление в общественном мнении событий, информация о которых передаётся из поколения в поколение через устную и письменную речь, литературу, а также с помощью работников образования, культуры, науки, искусства, кино и мюзеев;	Отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру

⁷ Мы рассматриваем патриотизм как высшее проявление гражданственности (степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее поведение), данные феномены можно рассматривать как однопорядковые – им соответствует один атрибут деструктивной идеологии.

⁸ Отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру только условно может оказывать влияние на ценность «историческая память и преемственность поколений».

Традиционные ценности		Атрибуты деструктивной идеологии
Наименование	Содержание	
	б) передача от поколения к поколению идей, идеологии, отношений, способов труда и преобразования действительности, культурного кода (привычек и типовых поступков человека), традиций, ритуалов и обычаев, знаний, умений и навыков	
Достоинство	Качества личности, которые формируются в процессе её оценки другими людьми	Культивирование вседозволенности
Права и свободы человека	а) Легитимное притязание человека на материальные и духовные блага, на получение которых он обладает правомочием; б) способность действовать в соответствии со своими интересами и целями без принуждения	
Высокие нравственные идеалы	Нравственный идеал – образец высокой духовности и моральных качеств, которым хочется подражать. Нравственность определяется соотношением запретов и разрешений, принятых в обществе. Нравственные ценности помогают регулировать отношения с другими людьми и социумом (непричинение вреда себе, окружающим и среде обитания)	Культивирование безнравственности
Коллективизм	Чувство личной ответственности за благополучие людей, с которыми человек вместе созидает	Культивирование эгоизма как поведения, определяемого стремлением к собственной пользе, выгоде
Взаимопомощь и взаимовыдержка	а) Привычка человека помогать и поддерживать людей, оказавшихся в опасности, трудной жизненной ситуации; б) положительное отношение к качествам личности людей, с которыми человек взаимодействует	
Приоритет духовного над материальным	Преобладание идей, идеологий в регулировании поведения человека над материальным стимулированием этого поведения	–
Гуманизм	Нравственное чувство человека: проявляется в привычке поступать по совести по отношению к себе и другим людям; рассмотрение человека в качестве ценности (непричинение вреда другим людям)	–
Милосердие	Чувство жалости (в том числе к побеждённому врагу)	–
Справедливость	Воздаяние, соразмерное поступку	–
Единство народов России	Дружба народов страны, скреплённая общей идеологией, нравственным воспитанием и обучением, непрерывным государственным и общественным контролем уровня профессионального соответствия управленческих кадров, совместным ведением хозяйства и справедливым разделением результатов совместного труда	–

Отрицание этих ценностей через культивирование капиталократии и денежного фетишизма (а); отрицание конструктивных идей философской антропологии (в гуманистическом аспекте) и феномена альтруизма (б); лоббирование введения правовых норм, воспринимаемых обществом как несправедливые (в); и поддержку деятельности по разобщению народов России (г) не относится к проявлениям деструктивной идеологии. И это не случайно: ценности, о которых мы говорим, в большей степени относятся к нашему социалистическому прошлому – вся система образования в той или иной степени была ориентирована на их формирование. Поскольку до сих пор отсутствуют чётко сформулированные «плюсы» и «минусы» советской модели социализма, существует неопределённость в применении этого опыта в идеологической и экономической сферах.

По нашему мнению, все ценности в совокупности являются методологическим основанием, на котором должна базироваться стратегия экономического развития России (новая экономическая политика). В этой совокупности можно выделить приоритетные: коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений.

Ведущий императив стратегии экономического развития России

Определение роли государства в экономике (в контексте реализации регулирующих и контролирующей функций) – основной вопрос, по которому ведутся оживлённые дискуссии в экспертном сообществе. Здесь можно выделить, как минимум, три позиции.

В соответствии с первой, представленной, например, в исследовании А. К. Кудрина и Е. Т. Гурвича, следует радикально сократить нерыночный сектор, включающий «государственные и квазигосударственные компании, которые в основном руководствуются нерыночной мотивацией» [18, с. 29]. Задача снижения присутствия государства в экономике продекларирована и в Концепции среднесрочной программы развития России «Экономика роста» Столыпинского клуба⁹.

Вторая позиция представлена в исследовании С. С. Губанова, который обосновывает увеличение присутствия государства в экономике необходимостью создания (или восстановления) вертикально-интегрированных структур (как собственности, так и формы организации инфраструктурных монополий) [19, с. 39]. Это предполагает национализацию командных высот в экономике.

Третья позиция, заявленная академиком РАН А. Г. Аганбегяном, содержательно близка к точке зрения А. К. Кудрина и Е. Т. Гурвича. С одной стороны, признавая, что «в России инициатором экономического роста может быть только государство», А. Г. Аганбегян предлагает план увеличения инвестиций в основной капитал и доли вложений в экономику знаний [20, с. 15]. С другой стороны, он последовательно отстаивает необ-

⁹ В частности, доля государственного участия в уставном капитале корпоративного сектора должна уменьшиться с 50 до 30 %; доля государственного и муниципального владения землями сельскохозяйственного назначения – с 66,7 до 40 %; доля государственного и муниципального владения землями промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, землями для обеспечения космической деятельности, землями обороны, безопасности и иного специального назначения – с 98,7 до 70 % (см.: Концепция среднесрочной программы развития экономики России «Экономика роста» / Столыпинский клуб. Май 2016. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2016/05/Prezentatsiya-kontseptsii-Ekonomika-Rosta.pdf> (дата обращения: 10.05.2023)).

ходимость сокращения доли предприятий, контролируемых государством [20, 21]. И в исследовании [22] центральной идеей является проведение коренной реформы собственности путём массовой приватизации и преобразования России в страну с преобладанием частной собственности: «На этой основе ликвидировать монополизацию отдельных отраслей и развить конкурентную среду, преобразовать фондовую биржу, создать внебанковские фонды “длинных денег”» [22, с. 328].

Таким образом, за счёт увеличения государственных инвестиций в основной капитал предприятий и доли вложений в экономику знаний обеспечиваются технологическое обновление производства и экономический рост в тех сферах, в которые бизнес не хочет или не может инвестировать. А затем эти «лакомые куски» (обновленные производства) предлагается приватизировать. При этом риски реализации такой стратегии в условиях внешних геополитических шоков никак не оцениваются.

Примечательно, что глава ВТБ А. Костин в апреле 2023 г. предложил новый этап приватизации¹⁰, мотивируя это тем, что передача госсобственности в частные руки на прозрачных и рыночных условиях – инструмент, неоднократно доказавший свою эффективность: «Отечественный бизнес накопил значительный инвестиционный потенциал. Деньги в стране есть», – пишет А. Костин в своей статье¹¹. То, что не форма собственности определяет эффективность деятельности, а качество менеджмента, – факт, неоднократно доказанный в трудах отечественных экономистов [19, 24–26].

Примечательно, что в работе академика РАН А. Д. Некипелова водораздел между либеральными экономистами и представителями академической науки лежит именно в отношении проблемы собственности: «Либеральные экономисты связывают меры по совершенствованию прав собственности, прежде всего, с ускорением процесса приватизации активов, сохраняющихся в собственности государства. С точки зрения представителей академической науки, ключевым в этой области является вопрос об устранении деформаций в системе корпоративного управления на большинстве крупных и средних российских предприятий» [27, с. 26–27].

Признание А. Костиным того факта, что «деньги в стране есть», является основанием для развития государственно-частного партнёрства, не предполагающего перехода государственной собственности в частные руки. Как мы уже отмечали, **новая экономическая политика должна строиться на основе оценки её влияния на ценностный ряд: коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений. Если хотя бы одна из перечисленных ценностей будет подвергаться деформации или ревизии в результате реализации каких-то предложений, то от таких предложений следует отказаться.**

Мы разделяем точку зрения А. И. Колганова с соавторами, согласно которой первым шагом к решению задачи успешного экономического развития и отхода от модели зависимого периферийного капитализма «должно стать **открытое признание тупикового характера той экономической модели, которая сложилась в России с 90-х гг. XX в.**» [28, с. 18]. Изменения, начавшиеся после 24 февраля 2022 г., «знаменуют кар-

¹⁰ Костин, А. Три ответа на один вопрос – как вернуть деньги в экономику. РБК. 11.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/11/04/2023/6434286c9a79475768678434?from=newsfeed> / (дата обращения: 10.05.23).

¹¹ В известной степени эта позиция противоречит мнению В. Мау, который указывает, что «сейчас наблюдается низкий интерес (склонность) к частным инвестициям, и поэтому государство может и должно компенсировать этот провал» [23, с. 64].

динальную смену режима управления страной – с зависимого (колониального) на независимый (суверенный)» [29, с. 74].

Ряд авторов отмечают, что в XXI в. создаются новые предпосылки для развития социализации и продвижения по социалистической траектории, обусловленные:

а) существенными изменениями технологий и содержания труда, с одной стороны, и общественных отношений – с другой [30, с.144–145];

б) необходимостью перевода экономики на мобилизационные рельсы и создания инфраструктуры «как в виде специализированных органов власти по планированию и обеспечению экономических ресурсов, так и идеологической основы обеспечения доминирования общественных потребностей над частными (как в современном Китае)» [31, с. 35];

в) потребностью обеспечения не просто роста, а экосоциогуманитарных приоритетов в развитии страны посредством перехода «к активной промышленной политике и селективному планированию, социализации собственности, снижению социального неравенства» [32, с. 40];

г) нерешённостью социальных вопросов и необходимостью изменения структуры потребления российских домохозяйств [33, с. 85].

В исследовании Е. В. Балацкого и Н. А. Екимовой [29] предлагается пересмотреть общественный договор между властью и обществом, включив в него следующие требования: новая идеология; определение экономического строя страны; обеспечение профессиональных социальных лифтов и персональной ответственности; интеграция Банка России в общую систему государственного управления; дебюрократизация экономики; борьба с крайними формами неравенства; прекращение неконтролируемой иммиграции; введение ответственности за политический саботаж.

Идеология стратегии экономического развития России

Разработка стратегии экономического развития (новой экономической политики) России должна учитывать два момента:

а) «общественный дискурс» – ожидания и представления людей о путях развития России;

б) «вербальные отражения» [34] идейных оснований стратегии экономического развития России – артикулированные пассионарной частью общества представления о новом нэпе.

Что касается первого пункта, в соответствии с результатами социологических исследований [35] 68 % опрошенных считают, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Большинство россиян представляет желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью. Его ценностно-смысловое ядро в виде сильной власти как гарантии порядка **сместилось в сторону социальной справедливости** [36, с. 45] (выделено мной – Е. Р.). В этом контексте освобождение от капиталократии и преодоление денежного фетишизма [26, с. 103] мы рассматриваем в качестве условий формирования традиционных духовно-нравственных ценностей.

Что касается второго, мы разделяем точку зрения Е. В. Балацкого: «идейные основания и их вербальные отражения определяют потенциал соответствующего государства, народа, цивилизации и мегацивилизации... **большое количество неправильных слов повышает вероятность общей деградации цивилизации**» [34, с. 76]. В этом контексте справедливо высказывание: «бытие определяет сознание, но осознание изменяет бытие» [37, с. 141]. Осознание определяет появление «правильных» и

«неправильных» слов, разработку той или иной стратегии общественного развития для изменения бытия.

По нашему мнению, примером «неправильных» слов является точка зрения В. М. Полтеровича, который считает, что быстрый экономический рост России даёт «шанс на восстановление партнерских отношений с европейскими странами и, не исключено, – на возрождение идеи Большой Европы» [38, с. 243]. Это свидетельствует о непонимании сущности конфликта с коллективным Западом. Для России этот конфликт, принявший характер навязанной гибридной войны, имеет экзистенциальный характер – речь идёт о существовании нашей страны.

Примером «правильных» слов является обоснование С. Д. Бодруновым приоритетов современного развития России и указания на то, что идеология этого развития заложена в Конституции Российской Федерации [33, с. 86]. В соответствии со статьей 75.1: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная **солидарность**»¹².

Российский идеолог солидаризма Г. К. Гинс понимал его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов с государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами» [39, с. 118]. Согласно Окаре, солидаризм – «принцип построения социальной системы на основе солидарности её различных частей между собой, а не борьбы и не жесткой конкуренции» [40, с. 148]. «Солидаризм в новом формате – это основанный на балансе индивидуальных и общих интересов принцип построения социальной системы, в которой ее граждане обладают реальной субъектностью, равными возможностями, правом на выборы и гражданские протесты в рамках сильного социального государства» [37, с. 143].

Ключевой проблемой солидаризма является уравнивание индивидуализма личности («я») с интересом общества как целого («мы»). Сравнение сущностных характеристик капитализма и социализма, выделенных В. А. Волконским [41], показывает, что идеология солидаризма ближе к социалистической (табл. 3). Солидаризм в полной мере согласуется с российскими духовно-нравственными ценностями, которые становятся основанием идеологии.

Таблица 3

Сущность капитализма и социализма

Элемент	Реализация власти и доминирующая установка	
	Капитализм	Социализм
Реализация власти	Через накопление капитала, обеспечиваемое правами частной собственности и правилами свободного рынка	Через установление государством приоритета интересов общества над частными
Доминирующая смысловая установка	Стремление к личному обогащению	Система социальных отношений, отвечающая принципам справедливости

¹² Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 10.05.23).

Как указывает В. А. Волконский: в «коде российской цивилизации укрепилось представление о государстве как представителе народа, ответственном за судьбы народа как целого и каждого члена общества» [41, с. 32]. По мнению исследователя, китайскую и российскую цивилизации объединяет одинаковое понимание роли государства, что можно считать важным преимуществом и основой для выработки консолидированной позиции для оценки процессов, происходящих в мире.

Признание на государственном уровне того, что в основе нового нэпа должны лежать социалистические (по сути) идеи, создаст условия для более глубокого взаимодействия с Китаем. В определённой степени препятствием для усиления взаимодействия, по нашему мнению, является восприятие правящим классом Китая России как страны-ревизиониста. Не случайно в Китае серьёзно изучают всё, что связано с развалом СССР. Распространена точка зрения, что **распад Советского Союза является результатом переворота** – следствием деградации правящей партии и смены базовой системы социализма: «неудача социализма в Советском Союзе... являлась провалом лишь советской модели, а не провалом социализма как такового», что подтверждает успех социализма с китайской спецификой, являющегося главной движущей силой мирового социалистического движения [42, с. 144].

Поскольку мы рассматриваем идеологию, на которой базируется новый нэп, в качестве антипода неолиберализма, воспользуемся подсказками относительно реализации этой политики, сформулированными в книге «Кризис неолиберализма» [2]. Эти подсказки являются своего рода антинеолиберальными рецептами для американской экономики: «Чтобы восстановить положение экономики США, необходимо ввести ограничения на перевод крупных потоков доходов в верхние слои доходной группы (the upper fractions of income brackets). Такое исправление связано не только с доходом от капитала (проценты и дивиденды), но и с высокой «избыточной оплатой труда» (surplus labor compensation), которая составляла основную часть излишков, генерируемых корпорациями» [2, р. 328–329]. Это, по сути, согласуется с идеей В. Мау о необходимости сокращения разрыва между доходами от собственности и доходами от труда [23, с. 64]. В российских условиях следует жёстко контролировать оплату труда топ-менеджмента государственных корпораций, не допуская её «избыточности».

Помимо изложенного, логичными представляются действия, которые можно взять на вооружение, скорректировав их определённым образом:

- а) стимулирование внутренних инвестиций;
- б) введение ограничений на свободную торговлю и свободное перемещение капитала – ограничение торговли стратегическим сырьём и товарами с недружественными государствами; ликвидация «бегства» капиталов и деофшоризация;
- в) интенсификация развития нефинансового сектора экономики – приоритет обрабатывающим отраслям промышленности для достижения технологического суверенитета.

Заключение

Ведущим императивом стратегии экономического развития России («нового» нэпа) является увеличение присутствия государства в экономике, которое необходимо:

- для сглаживания противоречия между общественным (государственным) и корпоративным интересом. Государство заинтересовано в рациональном использовании общественного богатства в целях более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей всех членов общества. Корпоративный интерес требует максимизации прибыли (в том числе за счёт экономии на масштабе, что обуславливает

стремление к увеличению доли рынка) без учёта того, как это влияет на общественное развитие;

- для разрешения противоречия между требованием инновационного развития российской экономики и низким спросом на инновации со стороны промышленных предприятий, что обусловлено дешёвой рабочей силой: недооценённый «живой труд» является преградой для инновационного развития российской экономики [24, с. 92].

Как верно указывается в исследовании академика РАН В. В. Ивантера с соавторами, «...в России должен быть принципиально повышен уровень оплаты труда, что простимулирует масштабные инвестиции в модернизацию производства с целью снижения потребности в труде» [43, с. 5].

Новая экономическая политика России по аналогии с нэпом 1920-х гг. должна предусматривать переход основных командных экономических высот в руки государства. Это означает, что создаваемый в системообразующих отраслях прибавочный продукт будет распределяться в интересах всех членов общества. Особенностью современного российского нэпа должно стать максимальное поощрение и государственное содействие частной предпринимательской инициативе при создании материальных и духовных ценностей в областях, требующих гибкости и достаточно быстрой реакции на изменения. Особое внимание следует уделить развитию молодёжного предпринимательства [44]. Опыт последнего года показывает широкие возможности малого и среднего бизнеса в создании востребованной продукции военного и гражданского назначения. В совокупности это должно создать условия для прорыва России в шестой технологический уклад: создание и освоение новых энерго-, генно-, био-, нанотехнологий, конструкционных материалов, средств вычислительной техники, работающих на новых принципах (квантовых компьютеров), и т. д.

Переосмысление советской истории показывает, что «национализация экономики, т. е. обобществление средств производства, требует обобществления средств управления, прежде всего на уровне первичных трудовых коллективов» [45, с. 174]. Это согласуется с результатами исследования А. В. Ложниковой и О. В. Куделиной [46], согласно которым для обеспечения сбалансированности государственной финансовой поддержки в долгосрочной перспективе необходимо уделять внимание организационно-правовой форме субъектов малого и среднего бизнеса, форме собственности и массовому представительству работников в качестве учредителей/совладельцев компаний.

Рассматривая солидаризм в качестве «скелета» идеологии, который будет «обрастать мясом» по мере внедрения эффективных технологий, формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей, считаем необходимым внести в нормативные документы поправки, расширяющие набор атрибутов, относящихся к деструктивной идеологии: дискредитация ценностей коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения, приоритета духовного над материальным, гуманизма, милосердия, справедливости, единства народов России, исторической памяти и преемственности поколений.

Список литературы

1. Schleusener S. (2018) Political Disconnects: Donald Trump, the Cultural Left, and the Crisis of Neoliberalism. *Coils of the Serpent*, No. 2, pp. 20–34.
2. Duménil G., Lévy D. (2011) *The Crisis of Neoliberalism*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England, 391 p.
3. Davies W. (2016). The new Neoliberalism. *New Left Review*, Vol. 101, pp. 121–134.

4. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
5. Davies W. (2019). Chapter 2: What Is ‘Neo’ about Neoliberalism? In *Liberalism in Neoliberal* 1st ed.). URL: <https://goldsmithspress.pubpub.org/pub/o8rwmaje> (дата обращения: 10.05.2023).
6. Lerner W. (2000) Neo-Liberalism: Policy, Ideology, Governmentality. *Studies in Political Economy*, Vol. 63, No.1, pp. 5–25. DOI:10.1080/19187033.2000.11675231.
7. Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of “actually existing neoliberalism”. *Antipode*, Vol. 34, No. 3, pp. 349–379.
8. McCarthy J., Prudham S. (2004) Neoliberal nature and the nature of neoliberalism. *Geoforum*, Vol. 35, pp. 275–283.
9. Jessop B. (2012). Neoliberalism. In: G. Ritzer (ed.). *The Wiley–Blackwell encyclopedia of globalization*, pp. 1513–1521.
10. Ramey J. (2015) Neoliberalism as a political theology of chance: the politics of divination. *Palgrave Commun*, No. 1, 15039. URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.39> (дата обращения: 10.05.2023).
11. Monbiot G. (2016). Neoliberalism – the ideology at the root of all our problems. *The Guardian*, Apr. 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/apr/15/neoliberalism-ideology-problem-george-monbiot> (дата обращения: 10.05.2023).
12. Santone S. (2019) Neoliberalism in Education: What you need to know, May 21. URL: <https://www.susansantone.com/master-blog/2019/5/21/neoliberalism-in-education-what-you-need-to-know> (дата обращения: 10.05.2023).
13. O’Conner J. (2002). From welfare rights to welfare fights: Neo-liberalism and the retrenchment of social provision. Unpublished master thesis, University of Massachusetts Amherst, Amherst, Mass., United States. URL: <https://scholarworks.umass.edu/dissertations/AAI3056266> (дата обращения: 10.05.2023).
14. Smith N. (1996). *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York, Routledge, London. – 288 p. URL: https://rimediacoop.org/wp-content/uploads/2017/05/Neil-Smith_The_New_Urban_Frontier__Gentrification_and_the_Revanchist_City.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
15. MacLeod G. (2002) From urban entrepreneurialism to a “revanchist city”? On the spatial injustices of Glasgow’s renaissance. *Antipode*, Vol. 34, No.3, pp. 602–624.
16. Davies B. Bansel P. (2007) Neoliberalism and Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*, Vol. 20, No. 3, pp. 247–259. DOI:10.1080/09518390701281751.
17. Сафиоллин, А. Аз, буки, веде по жизни. Система управления государством / А. Сафиоллин // Духовно-нравственные ценности. Стратегия 24. 01.07.2022. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/azbuki-po-zhizni> (дата обращения: 10.05.2023).
18. Кудрин, А. Л. Новая модель роста для российской экономики / А. Л., Кудрин, Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4–36. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-4-36.
19. Губанов, С. С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм / С. С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 23–44. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.3.
20. Аганбегян, А. Г. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? / А. Г. Аганбегян // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 8–29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01.
21. Аганбегян, А. Г. О драйверах социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 218, № 4. – С. 180–209.

22. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362.
23. Мау, В. А. Тренды экономической науки: дискуссии о путях российской модернизации XIX–XX веков / В. А. Мау // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5(194). – С. 506–512. DOI: 10.1134/S1075700722050100.
24. Романов, Е. В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» / Е. В. Романов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 90–108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5.
25. Гринберг, Р. С. 30 лет экономическим реформам в России (размышления над истоками и результатами) / Р. С. Гринберг // Социологические исследования. – 2022. – № 12. – С. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250023757-5.
26. Бобков, В. Н. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова // Российский экономический журнал. – 2022. – № 1. – С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107.
27. Некипелов, А. Д. Академическая наука в дискуссиях по ключевым вопросам экономического развития современной России / А. Д. Некипелов // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5(194). – С. 21–32. DOI: 10.47711/0868-6351-194-21-32.
28. Колганов, А. И. Российская экономика: системный взгляд / А. И. Колганов, В. М. Кульков, К. А. Хубиев, Н. И. Титова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2022. – № 3. – С. 3–21.
29. Балацкий, Е. В. Общественный договор в России: до и после 2022 года / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Journal of Institutional Studies. – 2022. – №3(14). – С. 74–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090.
30. Барашкова, О. В. Почему не стало СССР: уроки для социализма будущего / О. В. Барашкова, Е. С. Зотова // Социологические исследования. – 2021. – № 12. – С. 142–145. DOI: 10.31857/S013216250017137-3.
31. Цакаев, А. Х. Централизация государственного регулирования как основа перевода российской экономики на мобилизационные рельсы / А. Х. Цакаев // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6. – С. 27–37. DOI: 10.47711/0868-6351-195-27-37.
32. Теняков, И. М. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст / И. М. Теняков, К. А. Хубиев, Д. Б. Эпштейн, А. В. Заздравных // Terra Economicus. – 2022. – № 2(20). – С. 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58.
33. Бодрунов, С. Д. Социализация экономики: приоритеты современного развития России / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 238, № 6. – С. 80–87. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-80-87.
34. Балацкий, Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций / Е. В. Балацкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3.
35. Сушко, П. Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика / П. Е. Сушко // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 25–37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6.
36. Трофимова, И. Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? / И. Н. Трофимова // Социологические исследования. – 2022. – № 10. – С. 37–48. DOI: 10.31857/S013216250020843-0.

37. Бессонова, О. Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз / О. Э. Бессонова // Вопросы экономики. – 2023. – № 1. – С. 132–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-132-145.
38. Полтерович, В. М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада / В. М. Полтерович // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 238–244. DOI:10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.
39. Гинс, Г. К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) / Г. К. Гинс // Портрет солидаризма: Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. – М.: Посев, 2007. – С. 101–118.
40. Окара, А. Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. / А. Н. Окара // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 146–155.
41. Волконский, В. А. «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика / В. А. Волконский // Экономика современной России. – 2022. – № 2 (97). – С. 22–37. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-22-37.
42. Чэнь, Х. Причины распада Советского Союза: взгляды китайских обществоведов / Х. Чэнь, С. Гань // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 142–146. DOI: 10.31857/S013216250018499-1.
43. Система мер по восстановлению экономического роста в России / В. В. Ивантер, О. Д. Говтвань, М. С. Гусев [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1(166). – С. 3–9.
44. Вотчель, Л. М. Инновационный потенциал трансформационной экономики / Л. М. Вотчель, В. В. Викулина // Корпоративная экономика. – 2022. – № 1(29). – С. 42–48.
45. Пашинцев, Е. В. Классический марксизм и современная Россия / Е. В. Пашинцев // Свободная мысль. – 2022. – № 1(1691). – С. 170–183.
46. Ложникова, А. В. Массовая собственность работников компаний в контексте поиска путей «Великой перезагрузки» капитализма / А. В. Ложникова, О. В. Куделина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 532–546. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.532-546.

References

1. Schleusener S. (2018) Political Disconnects: Donald Trump, the Cultural Left, and the Crisis of Neoliberalism. *Coils of the Serpent*, No. 2, pp. 20–34.
2. Duménil G., Lévy D. (2011) *The Crisis of Neoliberalism*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England, 391 p.
3. Davies W. (2016). The new Neoliberalism. *New Left Review*. Vol. 101, pp. 121–134.
4. Hayek F.A. von. (1992). *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. M.: Novoe izdatelstvo 2005, 264 p. (In Russ.).
5. Davies W. (2019). Chapter 2: What Is ‘Neo’ about Neoliberalism? In *Liberalism in Neoliberal Times* (1st ed.). URL: <https://goldsmithspress.pubpub.org/pub/o8rwmaje> (accessed: 10.05.2023).
6. Larner W. (2000) Neo-Liberalism: Policy, Ideology, Governmentality. *Studies in Political Economy*, Vol. 63, No.1, pp. 5–25. DOI:10.1080/19187033.2000.11675231.
7. Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of ‘actually existing neoliberalism’, *Antipode*, Vol. 34, No. 3, pp. 349–379.
8. McCarthy J., Prudham S. (2004) Neoliberal nature and the nature of neoliberalism. *Geoforum*, Vol. 35, pp. 275–283.

9. Jessop B. (2012). Neoliberalism. In: G. Ritzer (ed.). The Wiley–Blackwell encyclopedia of globalization, pp. 1513–1521.
10. Ramey J. (2015) Neoliberalism as a political theology of chance: the politics of divination. *Palgrave Commun*, No. 1, 15039. URL: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2015.39> (accessed: 10.05.2023).
11. Monbiot G. (2016). Neoliberalism – the ideology at the root of all our problems. *The Guardian*, Apr. 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/apr/15/neoliberalism-ideology-problem-george-monbiot> (accessed: 10.05.2023).
12. Santone S. (2019) Neoliberalism in Education: What you need to know, May 21. URL: <https://www.susansantone.com/master-blog/2019/5/21/neoliberalism-in-education-what-you-need-to-know> (accessed: 10.05.2023).
13. O’Conner J. (2002). From welfare rights to welfare fights: Neo-liberalism and the retrenchment of social provision. Unpublished master thesis, University of Massachusetts Amherst, Amherst, Mass., United States. URL: <https://scholarworks.umass.edu/dissertations/AAI3056266> (accessed: 10.05.2023).
14. Smith N. (1996). *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*. New York, Routledge, London. URL: https://rimediacoop.org/wp-content/uploads/2017/05/Neil-Smith_The_New_Urban_Frontier_Gentrification_and_the_Revanchist_City.pdf (accessed: 10.05.2023).
15. MacLeod G. (2002) From urban entrepreneurialism to a “revanchist city”? On the spatial injustices of Glasgow’s renaissance. *Antipode*, Vol. 34, No.3, pp. 602–624.
16. Davies B., Bansel P. (2007) Neoliberalism and Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*, Vol. 20, No. 3, pp. 247–259. DOI: 10.1080/09518390701281751.
17. Safiollin A. (2022) Az, buki, vedi po zhizni. Sistema upravleniya gosudarstvom. Duhovno-nravstvennye cennosti [Az, buki, lead through life. The system of government. Spiritual and moral values] *Strategy* 24. 01.07.2022. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/azbuki-po-zhizni> (accessed: 10.05.2023).
18. Kudrin A., Gurvich E. (2014) Novaya model’ rosta dlya rossijskoj ekonomiki [A New Growth Model for the Russian Economy]. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], No.12, pp. 4–36. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-4-36 (In Russ.).
19. Gubanov S. S. (2014) Neoindustrial’naya model’ razvitiya i eyo sistemnyj algoritm [Neo-industrial development model and its system algorithm]. *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 33, No. 3, pp. 23–44. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.3 (In Russ.).
20. Aganbegyan A. G. (2017) Kakoj kompleksnyj plan do 2025 goda nuzhen Rossii? [What Package Plan up to 2025 does Russia need?] *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], Vol.12, No. 4. pp. 8–29. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-01 (In Russ.).
21. Aganbegyan A. G. (2019) O drajverah social’no-ekonomicheskogo rosta [Drivers of socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 218, No.4, pp. 180–209. (In Russ.).
22. Aganbegyan A. G. (2022) Rossiya: ot stagnacii k ustojchivomu social’no-ekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 237, No.5, pp. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362. (In Russ.).
23. Mau V. A. (2022) Trendy ehkonomicheskoy nauki diskussii o putyah rossijskoj modernizacii XIX XX vekov [Trends in Economic Science: Discussions of the Paths of Russian Modernization in the 19th–20th Centuries]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 5, pp. 506–512. DOI: 10.1134/S1075700722050100. (In Russ.).

24. Romanov E. V. (2017) *Kakoj kapitalizm nuzhen Rossii?: metodologicheskie orientiry «novoj industrializacii»* [What Capitalism Does Russia Need?: Methodological Guidelines of the “New Industrialization”]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 10, No. 2, pp. 90–108. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.5 (In Russ.).
25. Grinberg R. S. (2022) *30 let ekonomicheskim reformam v Rossii (razmyshleniya nad istokami i rezul'tatami)* [30 Years of Economic Reforms in Russia (reflections on the origins and results)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 12, pp. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250023757-5 (In Russ.).
26. Bobkov V. N., Gulyukina A. A., Odintsova E. V. (2022). *Social'nye posledstviya tridcati let kapitalisticheskikh reform v Rossii* [Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia]. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], No. 1, pp. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107. (In Russ.).
27. Nekipelov A. D. (2022) *Akademicheskaya nauka v diskussiyah po klyuchevym voprosam ekonomicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii* [Academic Science in Discussions on Key Issues of Economic Development in Modern Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 5. pp. 480–487. DOI: 10.47711/0868-6351-194-21-32. (In Russ.).
28. Kolganov A. I., Kulkov V. M., Khubiev K. A., Titova N. I. (2022) *Rossiiskaya ekonomika: sistemnyj vzglyad* [Russian Economy: a systematic view]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics], No. 3, pp. 3–21. (In Russ.).
29. Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2022). *Obshchestvennyj dogovor v Rossii: do i posle 2022 goda* [Social contract in Russia: Before and after 2022]. *Journal of Institutional Studies*, Vol. 14, No. 3, pp. 74–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090 (in Russ.).
30. Barashkova O. V., Zotova E. S. (2021) *Pochemu ne stalo SSSR: uroki dlya socializma budushchego* [Why the USSR did not Become: Lessons for Socialism of the Future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No 12, pp. 142–145. DOI: 10.31857/S013216250017137-3 (in Russ.).
31. Tsakaev A. Kh. (2022). *Centralizaciya gosudarstvennogo regulirovaniya kak osnova perevoda rossijskoj ekonomiki na mobilizacionnye rel'sy* [Centralization of Government Control as a Basis for the Transition to the Mobilization Model of the Russian Economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 33, No. 6, pp. 598–604. DOI: 10.47711/0868-6351-195-27-37. (In Russ.).
32. Tenyakov I. M., Khubiev K. A., Epstein D. B., Zazdravnykh A. V. (2022). *Al'ternativy stagnacii rossijskoj ekonomiki: novyj geopolitekonomicheskij kontekst* [Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: New alternatives]. *Terra Economicus*, Vol. 20, No. 2. pp. 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58 (in Russ.).
33. Bodrunov S. D. (2022) *Socializaciya ekonomiki: priorityty sovremennogo razvitiya Rossii* [Socialization of the economy: priorities of modern development of Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 238, No. 6, pp. 80–87. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-80-87 (In Russ.).
34. Balatsky E. V. (2022). *Rossiya v epicentre geopoliticheskoy turbulentnosti: gibridnaya vojna civilizacij* [Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 15, No. 6, pp. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3 (In Russ.).

35. Sushko P. E. (2022) Predstavleniya rossiyan o putyah razvitiya Rossii: rasprostranennost' i specifika [Russians' Ideas about Possible Ways of Russia's Development: Prevalence and Specificity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 11, pp. 25–37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6 (In Russ.).
36. Trofimova I. N. (2022) Predstavleniya rossiyan o budushchem strany: sushchestvuet li konsensus? [Russians' Ideas about the Future of the Country: is there a Consensus?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 10, pp. 37–48. DOI: 10.31857/S013216250020843-0 (In Russ.).
37. Bessonova O. E. Vliyanie-ideologii-na-vybor-institucionalnoj-modeli-rossii-retrospektiva-i-prognoz The influence of ideology on the choice of Russia's institutional model: Retrospective and forecast. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], 2023, No. 1, pp. 132–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-132-145 (In Russ.).
38. Polterovich V. M. (2022). Once again about where to go: Toward a development strategy in isolation from the West. *Zhurnal-novoj-ehkonomicheskoy-associacii* Journal of the New Economic Association, Vol. 55, No. 3, pp. 238–244. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17 (In Russ.).
39. Gins G. K. (2007) *Sovremennyy-kapitalizm-i-predstoyashchaya-ehpoha-filosofiya-solidarizma* [Modern capitalism and the coming Era (philosophy of solidarism)]. *Portret solidarizma Idei i lyudi* [Portrait of Solidarism: Ideas and People]/ Comp. V.A. Senderov. M.: Posev, pp. 101–118. (In Russ.).
40. Okara A. N. (2013) *Solidarizm zabytaya ideologiya XXI v* [Solidarism: the forgotten ideology of the XXI century]. *Politicheskaya nauka* [Political science], No. 4, pp. 146–155. (In Russ.).
41. Volkonsky V. A. (2022). «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика [«The End of Capitalism» and power structures: Economics and Politics]. *Ekonomika sovremennoj Rossii* [Economics of Contemporary Russia], Vol. 97, No. 2, pp. 22–37. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-22-37 (In Russ.).
42. Chen H., Gan X. (2022) *Prichiny raspada Sovetskogo Soyuza vzglyady kitajskih obshchestvovedov* [The Reasons of the USSR Collapse: Views of Chinese Social Scholars]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 2, P. 142–146. DOI: 10.31857/S013216250018499-1 (In Russ.).
43. Ivanter V. V., Govtvan' O. D., Gusev M. S., Ksenofontov M. Y., Kuvalin D. B., Moiseev A. K., Porfiryev B. N., Semikashev V. V., Uzyakov M. N., Shirov A. A. (2018) *Sistema mer po vosstanovleniyu ehkonomicheskogo rosta v Rossii* [The system of measures to recovery of economic growth in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], Vol. 166, No.1, pp. 3–9. (In Russ.).
44. Votchel L. M., Vikulina V. V. (2022) *Innovacionnyj potencial transformacionnoj ehkonomiki* [Innovative potential of the transformational economy]. *Korporativnaya ekonomika* [Corporate economy], Vol. 29, No. 1, pp. 42–48. (In Russ.).
45. Pashintsev E. V. (2022) *Klassicheskij marksizm i sovremennaya Rossiya* [Classical Marxism and modern Russia]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], Vol. 1691, No. 1, pp. 170–183. (In Russ.).
46. Lozhnikova A. V., Kudelina O. V. (2022) *Massovaya sobstvennost rabotnikov kompanij v kontekste poiska putej «Velikoj Perezagruzki» kapitalizma* [Broad-based Employee Ownership in Great Reset of capitalism]. *MIR (Modernizaciya, Innovacii, Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], Vol. 13, No. 3, pp. 532–546. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.532-546. (In Russ.).

E. V. Romanov¹³. Value Foundations of Russian Economic Development Strategy. The blurring of the boundaries between the “right” (neoliberal) and “left” ideology in the countries of the “collective West” has led to the fact that the left movement, which traditionally defended the interests of the exploited, ceases to be an expression of these interests. Under the influence of neoliberal ideas, the mainstream of left-liberal discourse consists of issues of identity, the fight against racism, sexism and homophobia. Since Russian economic reforms have been based on neoliberal ideas for quite a long time, the crisis of neoliberalism recognized abroad actualizes the search for new foundations for Russia’s economic development strategy. The article proves that traditional Russian spiritual and moral values should become such a foundation, and the leading imperative is the socialization of the economy. The principle of social solidarity (solidarism) enshrined in the Constitution of Russia is consistent with the basic Russian traditional spiritual and moral values: the priority of the spiritual over the material, collectivism, humanism, justice, unity of the peoples of Russia, historical memory and the continuity of generations. Accordingly, the ideology of socio-economic development of the country should be based on them. The specifics of the “new” Russian NEP (new economic policy) are described.

Keywords: neoliberalism, traditional spiritual and moral values, imperative of the development strategy, ideology of modernization.

¹³ *Evgeny V. Romanov*, Professor, Professor of the Department of Management, Institute of Economics and Management, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Lenin Av., Magnitogorsk, 455000, Russia), Doctor of Pedagogical Sciences, e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-139-154

Н. И. Сасаев¹

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ОТРАСЛЕВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ²

Рассматриваются вопросы обеспечения долгосрочного социально-экономического развития государства и его субъектов, подчёркивается их стратегический характер и важное место в системе государственного управления России. Одним из перспективных направлений выступает отраслевое развитие. При верно выбранном методологическом подходе отрасли экономики и промышленность могут выступать долгосрочными драйверами развития экономики и общества. Для этого целесообразно использовать методологию отраслевого стратегирования – одно из направлений общей теории стратегии и методологии стратегирования, основоположником которой является иностранный член РАН В. Л. Квинт. Для инициации процесса отраслевого стратегирования выполняется глубокий анализ стратегируемого объекта: оценивается влияние отраслей на долгосрочное социально-экономическое развитие России, изучаются характер и исходная траектория отраслевого развития. Цель стратегирования – формирование прочного промышленного ядра путём реализации стратегических возможностей (эффективное использование конкурентных преимуществ и генерирование мультипликативных эффектов, обеспечивающих социально-экономическое развитие РФ и её субъектов).

Ключевые слова: отраслевое развитие, отраслевое стратегирование, социально-экономическое развитие, теория стратегии, промышленность.

УДК 338

Введение

Вопросы обеспечения долгосрочного социально-экономического развития государства и его субъектов носят стратегический характер и занимают одно из ключевых мест в системе государственного управления России [1]. Это обозначается в качестве важнейшей национальной цели в ФЗ «О стратегическом планировании...»³, в «Стратегии национальной безопасности...»⁴ и в «Стратегии экономической безопасности...»⁵.

¹ Никита Игоревич Сасаев, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова (119234, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), канд. экон. наук, e-mail: msemu@mail.ru

² Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Математические методы анализа сложных систем».

³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420204138>.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

⁵ Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420398070>.

Разрабатываются стратегии национального и регионального уровней, а также национальные программы и проекты, обеспечивающие реализацию стратегических направлений, одним из которых является отраслевое развитие [2]. При верно выбранном методологическом подходе, использующем конкурентные преимущества и реализующем отраслевой потенциал, отрасли экономики и промышленность могут выступать долгосрочными драйверами развития экономики и общества [3].

Значимость правильного выбора и применения такой эффективной методологии усиливает высокая динамичность нестационарной среды, которая формируется под воздействием многообразных трендов (глобальных, национальных, региональных, отраслевых, корпоративных и т. д.) [3–5], а также обуславливает появление новых значимых стратегических экономических факторов и усиливает межрегиональную конкуренцию за уже существующие [6]. В этой связи для поиска, обоснования и реализации стратегических отраслевых возможностей, способных выступить драйверами развития экономики и общества, в том числе в постнормальные и чрезвычайные периоды [7], необходим всесторонний и стратегический подход – методология стратегирования.

Существует множество научных школ и подходов к разработке и реализации стратегий (И. Ансофф [8], М. Портер [9], П. Дойли [10] и др.). Мы предлагаем опираться на общую теорию стратегии и методологию стратегирования отечественной научной школы, основоположником которой является иностранный член РАН В. Л. Квинт [11]. Эффективность методологии не раз подтверждалась на практике при разработке и реализации стратегий различного уровня, в том числе отраслевого⁶. С учётом особенностей отраслевых объектов и для более углублённого их изучения целесообразно использовать методологию отраслевого стратегирования [12], являющуюся одним из направлений вышеотмеченной отечественной школы. Именно такой подход, имеющий чёткую систематизацию и регламентацию последовательности разработки и реализации отраслевых стратегий различного типа и масштаба, позволит своевременно обнаружить, обосновать и использовать стратегические возможности, которые не только раскрывают потенциал и задействуют все конкурентные преимущества отраслевых объектов, но и обеспечат переход к инновационному развитию за счёт выстраивания эффективных драйверов роста.

Отраслевое стратегирование – это комплекс взаимосвязанных этапов разработки отраслевой стратегии [13]. Для инициации процесса отраслевого стратегирования следует начать с глубокого изучения стратегируемого объекта – с проведения стратегической диагностики, что в контексте настоящего исследования предполагает оценку влияния отраслей на долгосрочное социально-экономическое развитие России, изучение характера и исходной траектории отраслевого развития.

Отраслевое развитие России – исторический экскурс

Чтобы проследить, как менялись роль и значение отраслей экономики в социально-экономическом развитии России, проанализируем её исторический опыт. При этом

⁶ Коллективом научной школы стратегирования под руководством В. Л. Квинта разработаны и реализуются практические стратегии, среди них: «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года» (утв. в качестве регионального закона), «Стратегия развития водоснабжения и водоотведения Санкт-Петербурга до 2035 года и на более длительную перспективу», «Стратегия водоснабжения, водоотведения и водного баланса Республики Узбекистан на период до 2035 года и более длительную перспективу», «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г. и более длительную перспективу» (утв. в качестве регионального закона).

обратим внимание лишь на основные этапы отраслевого развития с конца XIX в. до настоящего времени, так как именно этот период в большей степени повлиял на формирование современной отраслевой структуры и на уровень развития отраслей экономики. Данный период можно разделить на шесть укрупнённых этапов⁷ [14–16]:

- *1860–1920-е гг. (становление российской промышленности)*. Началось крупномасштабное развитие железнодорожной сети, создание новых отраслей тяжёлой промышленности (металлургии и металлообработки, тяжёлого машиностроения, нефтедобычи, химической и электротехнической промышленности). Самые высокие темпы роста пришлись на 1893–1899 гг. – общий объём промышленного производства вырос в два раза, производства тяжёлой промышленности – в три раза. Активный промышленный подъём 1910–1914 гг. и 1914–1916 гг. в большей степени был связан с проведением военной и военно-морской программы, а также с загрузкой тяжёлой промышленности на фоне государственных военных заказов, направленных на обеспечение военных нужд;

- *1920-е – 1953 гг. (форсированная индустриализация)*. В начале этапа были разработаны и реализованы два первых перспективных пятилетних плана, сконцентрированных на развитии ключевых отраслей промышленности (металлургия, машиностроение, химическая промышленность, энергетическая отрасль и т. п.), что позволило за период 1927–1940 гг. построить более 9 тысяч крупных предприятий и производств, увеличить объём производства в 8 раз и вывести Россию в лидеры среди промышленно развитых стран. Реализация третьего пятилетнего плана шла ускоренными темпами и была нацелена на развитие машиностроения, электроэнергетики, химической промышленности, а также на проведение технологической модернизации ключевых отраслей. Задачи четвёртого и пятого пятилетних планов – активное восстановление и развитие народного хозяйства страны (приоритетное и целевое развитие отраслей тяжёлой промышленности, развитие ВПК, атомной и приборостроительной промышленности). Форсированное развитие промышленности и недостаточное внимание к аграрно-промышленному комплексу привело к дисбалансу в структуре народного хозяйства и аграрному кризису;

- *1953 – начало 1980-х гг. (промышленная зрелость)*. Началась реструктуризация экономики с изменением приоритета в пользу лёгкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства. Были поставлены задачи комплексной механизации, ускоренной электрификации и автоматизации производства. Были сокращены директивные указания по планируемым показателям для промышленности и строительства, введена система хозрасчёта на предприятиях. 1966–1970 гг. стали лучшим периодом: объём промышленного производства увеличился в 1,5 раза, построено более 1900 крупных предприятий (в том числе до сих пор функционирующих). Несмотря на начало формирования новых отраслей (роботостроения, микроэлектроники и атомного машиностроения) экономика базировалась преимущественно на топливно-энергетическом и военно-промышленном комплексах. В результате доля топливно-сырьевого экспорта в СССР поднялась с 16,2 % (1960 г.) до 54,4 % (1985 г.). Доля экспорта сложной техники за тот же период сократилась с 20,7 до 12,5 %. Это стало одним из факторов последующей стагнации экономики;

- *1985–1998 гг. (преждевременная деиндустриализация)*. Были предприняты безуспешные попытки ускорения темпов экономического роста через стимулирование научно-технического прогресса, увеличение производства средств производства и развитие

⁷ Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века: учеб. пособие / Р. А. Арсланов [и др.]; под ред. В. В. Керова. М.: АСТ; Астрель, 2013. 1019 с.

социальной сферы. Начат переход к новой, рыночной, модели экономики, основанной на принципах либерализма и открытости; происходили реструктуризация промышленности, изменение форм собственности, массовая приватизация. На фоне проводимых реформ к концу периода усилилась деградация наукоёмких и высокотехнологичных производств, начался процесс деиндустриализации. Преобладающей стала экспортно-сырьевая модель экономики;

- *1999–2008 гг. (восстановление экономики)*. Начало этапа связано с рядом важнейших реформ по восстановлению экономики и социальной сферы. С 2004 г. активизировались процессы диверсификации экономики с преимущественным стимулированием разработки и внедрения инноваций, а также с повышением конкурентоспособности атомной, электронной, авиастроительной, судостроительной и автомобильной промышленности, оборонно-промышленного комплекса и т. п. Были созданы важнейшие фонды (Резервный фонд, Фонд национального благосостояния), государственные корпорации (прежде всего Внешэкономбанк, Роснано, Росатом, Ростехнологии), которые должны стать драйверами по отдельным направлениям;

- *2009 г. – по настоящее время (реиндустриализация)*. Начало этапа ознаменовалось проведением комплекса антикризисных мер, в том числе через осуществление экономической и социальной модернизации и трансформации. Активизировались процессы реиндустриализации экономики – содействие развитию новых высокотехнологичных секторов (проведение целенаправленной промышленной политики с приоритетным развитием высокотехнологичной химии, композитных и неметаллических материалов, атомной, авиационной промышленности, нанотехнологий, космической отрасли и информационно-коммуникационных технологий). Вследствие геополитического и экономического кризиса 2014 г. активизировалась политика импортозамещения и формирования технологического суверенитета. На фоне пандемии Covid-19 ускорилось внедрение цифровых технологий практически во всех отраслях экономики и жизнедеятельности общества.

Исторический срез показывает, что отрасли экономики, прежде всего промышленность, выступали стержнем социально-экономического развития. Грамотная отраслевая политика была стимулирующим фактором, а некорректная и непоследовательная приводила к негативным последствиям, вплоть до критических для всей экономической системы.

Процессы индустриализации, начатые в начале XX в., продолжились до 1980-х гг., впоследствии они существенно замедлялись вплоть до 2000-х гг. Это не только привело к деградации наукоёмких и высокотехнологичных производств, дезинтеграции научно-технологической системы, но и запустило ряд инерционных деструктивных процессов в научной, технологической сферах и отраслях промышленности⁸. Всё это способствовало формированию экспортно-сырьевой модели экономики с преобладающей долей экспорта минеральных продуктов (сырьевых ресурсов) и незначительной долей экспорта продукции с высоким переделом (табл. 1) [17] при высокой доле импорта готовой продукции, произведённой в том числе из экспортируемых Россией минеральных продуктов и других сырьевых ресурсов.

⁸ Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года №1315-п. URL: <http://government.ru/news/48570/> (далее – Концепция технологического развития).

Таблица 1

Товарная структура экспорта и импорта России, % к общему объёму экспорта и импорта соответственно (составлено автором на основе данных ФТС России и Росстата)

Продукция	Экспорт			Импорт		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного)	1,60	2,37	7,30	21,80	14	12
Минеральные продукты	42,5*	72,37	56,06	6,3*	2	2
В том числе топливно-энергетические товары		71,24	54,32		2	1
Продукция химической промышленности, каучук	7,20	6,11	7,70	18	15	18
Кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них	0,30	0,07	0,04	0,40	1	0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,30	2,17	3,46	3,80	2	1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,80	0,09	0,35	5,90	5	6
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	21,7*	2,3	6,43	8,3*	0	0
Металлы и изделия из них		9,08	10,40		7	7
Машины, оборудование и транспортные средства	8,80	4,41	6,64	31,40	50	49
Другие товары	1,50	1,00	1,63	4,10	4	4

* На 2000 г. категории в общей статистике не разделялись.

Экспортно-сырьевая ориентированность стала одним из факторов дисбаланса отраслевого развития, который проявляется в высокой доле валовой добавленной стоимости сферы услуг в % к ВВП России (53 % на 2021 г.) и относительно небольшой доле валовой добавленной стоимости промышленности в % к ВВП России (33 % на 2021 г.)⁹. При этом коэффициент технологической зависимости в России находится на уровне 68,7 % (в Китае он составляет 23 %¹⁰).

Статистический анализ дисбаланса отраслевой структуры экономики России

Необходимо отдельно проанализировать дисбаланс отраслевой структуры экономики России для оценки эффективности сложившейся системы и исходной траектории развития на долгосрочную перспективу.

Прежде всего отметим, что более детальный анализ структуры валовой добавленной стоимости по отраслям экономики за 2002, 2011 и 2022 гг. подтверждает тенденцию к сокращению доли обрабатывающей промышленности и указывает на тенденцию роста добывающей промышленности и сферы услуг (рис. 1).

Исходя из успешного опыта отдельных стран («экономическое чудо» Китая [18, 19], Индонезии [20], Японии [21], Сингапура [22] и др.) и оценки объёма валовой добавленной стоимости промышленности рассматриваемых экономик (табл. 2), Россия как промышленно развитая страна, имеющая важнейшее конкурентное преимущество – наличие практически всех видов ресурсов минерально-сырьевой базы¹¹, лидирующие места по запасам и объёмам добычи большинства из них – должна иметь более высокую долю обрабатывающей промышленности в процентном отношении валовой добавленной стоимости к ВВП страны.

⁹ Данные Всемирного Банка. <https://data.worldbank.org/>

¹⁰ Концепция технологического развития.

¹¹ Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 г. (Роснедра). URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/15043.html>

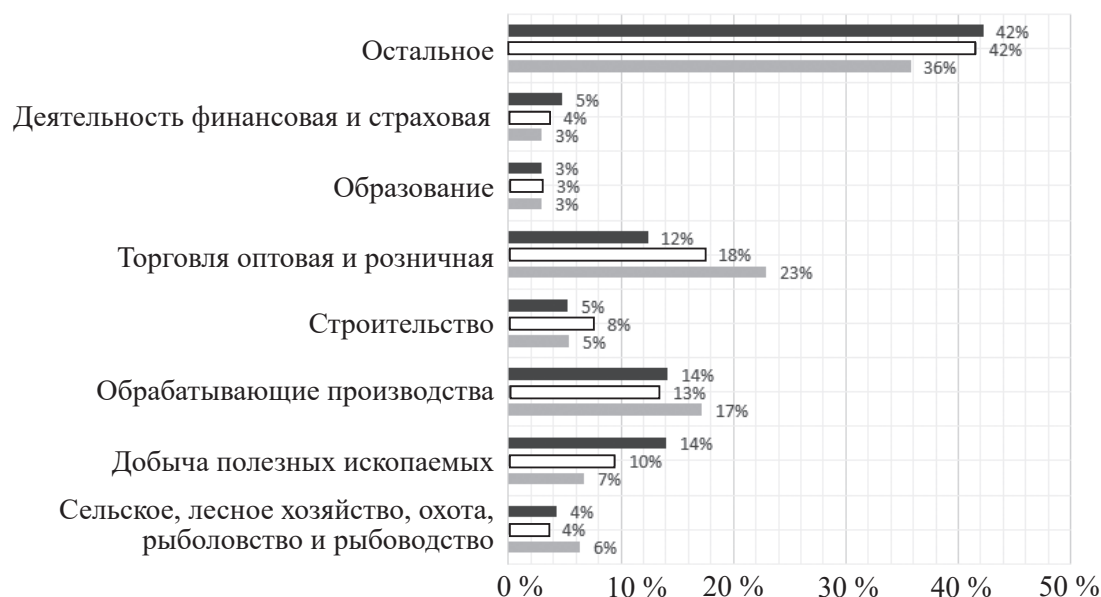

Рис. 1. Структура валовой добавленной стоимости по отраслям экономики, %:
■ – 2022; □ – 2011; ▒ – 2002 гг. (составлено автором на основе данных Росстата)

Таблица 2

Объём валовой добавленной стоимости промышленности, % к ВВП стран
(составлено автором на основе данных WorldBank)

Страны	Россия			Китай			Индия		
Годы	2004	2014	2021	2004	2014	2021	2004	2014	2021
Промышленность	32	28	33	46	43	39	29	28	26
В том числе обрабатывающая	15	11	14	32	30	27	16	15	14
Страны	Япония			Индонезия			Норвегия		
Годы	2004	2014	2021*	2004	2014	2021	2004	2014	2021
Промышленность	30	27	29	45	42	40	35	34	36
В том числе обрабатывающая	21	20	20	28	21	19	9	7	5
Страны	Иран			ОАЭ			Сингапур		
Годы	2004	2014	2021	2004	2014	2021	2004	2014	2021
Промышленность	47	39	38	52	52	47	32	24	25
В том числе обрабатывающая	16	16	21	12	8	10	27	18	21

* В силу отсутствия данных по Японии за 2021 г. указаны данные за 2020 г.

Однако, по оценкам на 2021 г., Россия уступает по данному показателю Индонезии. Тот же Сингапур, практически не имеющий минерально-сырьевых ресурсов, успешно реализовал свои возможности и выстроил обрабатывающую промышленность, вносящую значимый вклад в экономическое развитие страны. Можно предположить, что Россия, несмотря на невысокую долю промышленного производства в отраслевой структуре, на качественном уровне соответствует промышленно развитым странам, а это подразумевает высокую долю производства высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП страны. Тем не менее данные по совокупному показателю

«Доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП Российской Федерации»¹² указывают на обратную ситуацию (рис. 2).

Рис. 2. Доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП Российской Федерации (данные по ОКВЭД2) (составлено автором на основе данных Росстата)

На 2022 г. совокупная доля продукции по высоко- и среднетехнологичным видам деятельности обрабатывающей промышленности и наукоёмким видам деятельности в ВВП России составила 22,6 %. В то же время, по данным Global Innovation Index 2022¹³, в Китае в 2022 г. этот показатель превысил 48,5 %, в Индонезии составил 29,9 %, в Иране – 38,4 %, в Японии – 55,2 %, в Индии – 34,8 %, в Сингапуре – 74,7 %, в Норвегии – 37,1 %, в ОАЭ – 26,4 %.

Помимо этого, в России отмечается низкий удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. На 2022 г. он составил 5,2 %, в то время как во Франции, Португалии, Италии он равнялся соответственно 6,2 %, 14,5 % и 13,5 %¹⁴.

Официальная статистика показывает, что 28,5 % организаций обрабатывающей промышленности в России осуществляют технологические инновации (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в отчётном году, в общем числе обследованных организаций, % (составлено автором на основе данных Росстата)

Годы	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	20,8	19,8	21,6	23,0	23,0
Добыча полезных ископаемых	9,5	9,0	9,7	9,5	10,3
Обрабатывающие производства	28,8	27,9	28,0	29,2	28,5

¹² По методологии Росстата включаются виды деятельности по обрабатывающей промышленности (высоко- и среднетехнологичные) и по сфере услуг (наукоёмкие виды деятельности).

¹³ Global Innovation Index 2022. 15th Edition. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2022-report>

¹⁴ Концепция технологического развития.

Помимо этого, несмотря на невысокую долю промышленности (добывающей и обрабатывающей) в отраслевой структуре экономики, важно указать на высокую степень износа основных фондов производственных мощностей (табл. 4).

Таблица 4

Степень износа основных фондов коммерческих организаций, %
(составлено автором на основе данных Росстата)

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Все основные фонды	44,1	44,4	43,8	43,6	44,3	45,7	46,3	45,9
Добыча полезных ископаемых	51,7	51,0	49,7	45,6	45,9	46,8	48,4	49,6
Обрабатывающие производства	44,1	43,1	41,7	41,0	41,1	42,2	42,5	43,4
Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Все основные фонды	46,3	47,9	48,8	50,2	50,9	50,9	51,3	52,1
Добыча полезных ископаемых	52,3	53,0	52,8	54,9	56,4	57,8	58,4	57,1
Обрабатывающие производства	43,5	44,7	45,9	47,4	48,8	50,6	51,3	51,9

Подчеркнём, что по методологии расчёта показателя учитывается в том числе износ основных фондов из-за технического устаревания¹⁵. С одной стороны, это указывает на замедление процесса технического обновления и модернизации, что негативно влияет на инновационную деятельность. Это выражается прежде всего в низкой доле инвестиций в основной капитал по добывающей и обрабатывающей промышленности (рис. 3). А ведь инновационное обновление экономики является одной из ключевых задач в контексте долгосрочного развития государства [23].

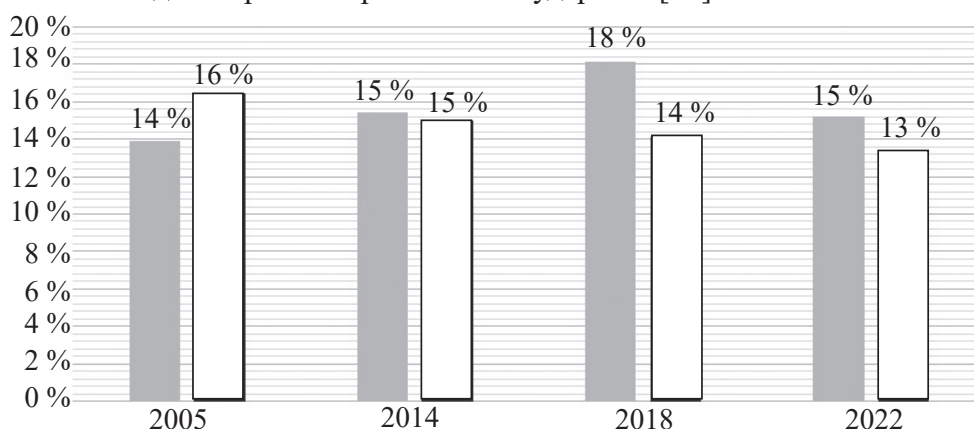

Рис. 3. Доля инвестиций в основной капитал по добыче полезных ископаемых (■) и обрабатывающей промышленности (□), % от общего объёма инвестиций в основной капитал (составлено автором на основе данных Росстата)

¹⁵ По методологии Росстата: *Степень износа основных фондов* – отношение накопленного к определённой дате износа имеющихся основных фондов (разницы их полной учётной и остаточной балансовой стоимости) к полной учётной стоимости этих основных фондов на ту же дату, в процентах; *Учётный износ основных фондов* – это частичная или полная утрата основными фондами потребительских свойств и стоимости в процессе эксплуатации, под воздействием сил природы и вследствие технического прогресса.

С другой стороны, это указывает на угрозу дальнейшего сокращения доли промышленного производства из-за выбытия производственных мощностей, что приведёт к усилению дисбаланса отраслевой структуры экономики.

Эконометрическая оценка долгосрочного влияния секторов экономики на ВВП России

Для первичного определения взаимосвязи роста секторов экономики (агропромышленный комплекс, промышленность, сфера услуг) и ВВП России с учётом методических указаний был проведён тест Грэнджера [24], по результатам которого не обнаружено прямой или обратной причинно-следственной связи (табл. 5).

Таблица 5

Первичная оценка причинно-следственной связи между секторами экономики и ВВП России по тесту Грэнджера (составлено автором)

Рост АПК не влияет на рост ВВП	0,2368	Не отвергается
Рост ВВП не влияет на рост АПК	0,9162	
Рост промышленности не влияет на рост ВВП	0,9965	
Рост ВВП не влияет на рост промышленности	0,8199	
Рост сферы услуг не влияет на рост ВВП	0,7786	
Рост ВВП не влияет на рост сферы услуг	0,9254	

Для большей информативности и глубокого изучения взаимосвязи были смоделированы авторегрессии с распределённым лагом [25]. Так, ARDL-моделирование оценки коинтеграционной взаимосвязи между ростом секторов экономики (агропромышленный комплекс (AGR), промышленность (IND), сфера услуг (SER)) и ростом ВВП России подтвердило, что промышленность и сфера услуг оказывают влияние на рост ВВП (табл. 6).

Таблица 6

ARDL-оценка коинтеграционной связи секторов экономики и ВВП России (составлено автором)

ARDL (долгосрочная коинтеграция) – 1, 0, 0, 1				
Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t -статистика	Вероятность
AGR_R	0,033684	0,030999	1,086645	0,2885
IND_R	0,369278	0,026689	13,83643	0,0000
SER_R	0,612182	0,040399	15,15337	0,0000
F-тест взаимосвязи – нулевая гипотеза: нет взаимосвязи				
Тестовая статистика	Значение	Уровень значимости, %	I(0)	I(1)
F-статистика	332,5669	10	3,008	4,15
Степень свободы	3	5	3,71	5,018
Актуальный размер выборки	29	1	5,333	7,063
t-тест взаимосвязи – нулевая гипотеза: нет взаимосвязи				
t-статистика	-27,29402	10	-2,57	-3,46
		5	-2,86	-3,78

t-тест взаимосвязи – нулевая гипотеза: нет взаимосвязи				
		2,5	-3,13	-4,05
		1	-3,43	-4,37
Описательная статистика		Динамические тесты		
Коэффициент детерминации R^2	0,996255	Тест Бройша – Годфри		0,3827
Скорректированный R^2	0,995441	Тест на гетероскедастичность		0,7852
Статистика Дурбина – Уотсона	1,817754			

В долгосрочной перспективе при сохранении исходной траектории отраслевого развития рост промышленности повлияет на рост ВВП с коэффициентом 0,36, а рост сферы услуг будет стимулировать рост ВВП с коэффициентом 0,61.

Перспективы исходной траектории отраслевого развития

В целом исходную траекторию отраслевого развития и её перспективы можно описать как преждевременную деиндустриализацию, характеризующуюся сокращением производственных мощностей в силу разных условий (в том числе из-за снижения конкурентоспособности конечной продукции на международном или межрегиональных рынках), высвобождением труда и перетоком капитала в сферу услуг¹⁶ [26].

Между тем, если чаще всего процессы деиндустриализации связывают с переходом к постиндустриальной экономике с преобладающей долей сектора услуг в ВВП [27], то в России деиндустриализация связывается с продолжительной стагнацией и последующей рецессией промышленности, прежде всего обрабатывающей. В качестве одной из причин ускорения процессов деиндустриализации и усиления диспропорции между промышленным производством и услугами в России указывается более низкая рентабельность части предприятий обрабатывающей промышленности, чем у предприятий сферы услуг [28], что обуславливает переток капитала из одной сферы деятельности в другую.

Сфера услуг может выступать одним из драйверов роста современной экономики [29–31], но основой долгосрочного социально-экономического развития является развитая промышленность, что подтверждается теоретическими положениями (в работах Д. Белла [32], Дж. Рифкина [33], С. Д. Бодрунова [34] и др.) и опытом быстрорастущих экономик с высоким уровнем промышленного развития [19–22, 35]. Низкий уровень промышленного развития, как правило, выражается в высокой технологической и промышленной зависимости от других стран и ведёт к зависимости от импорта, дальнейшей инерционности развития [36], а при неблагоприятных условиях создаёт угрозу экономической и национальной безопасности государства [37].

О важности промышленного ядра экономики для обеспечения экономической, национальной и технологической безопасности сигнализируют тенденции приоритетного восстановления обрабатывающей промышленности в экономически развитых странах (США, Германии, Франции), имеющих значимую долю сферы услуг в отраслевом балансе, ранее осуществивших перенос производственных мощностей в развивающиеся страны (Китай, Индию). Об этом свидетельствуют активные процессы возвращения производственных мощностей (решоринг) [28, 37].

¹⁶ Тупи́ковая ветвь разви́тия // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3533278>.

Выводы

Оптимальная структура отраслевого развития России видится в создании прочного промышленного ядра, эффективно использующего конкурентные преимущества и имеющего эффективные интеграционные связи с быстрорастущей сферой услуг [31]. Это обеспечит синергетический эффект в контексте стимулирования инновационного развития и способствует своевременному переходу к экономике знаний. Именно высокотехнологичные компании, осуществляющие эффективную деятельность и создающие новые инновационные продукты и услуги при оптимальном использовании всех видов ресурсов, должны выступить связующим элементом и одним из факторов развития современной экономики [38].

Целью стратегирования отраслевого развития России должно стать формирование прочного промышленного ядра через реализацию стратегических возможностей (эффективное использование конкурентных преимуществ [39], гарантированное генерирование мультипликативных эффектов, обеспечивающих социально-экономическое развитие страны и её субъектов).

Список литературы

1. Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса / под науч. ред. В. Л. Квинта. – Кемерово: КеМГУ, 2021. – 364 с.
2. Сасаев, Н. И. Стратегирование газовой отрасли России: дальневосточный вектор / Н. И. Сасаев; под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. – М.: Первое экономическое изд-во, 2022. – 164 с. DOI: 10.18334/9785912924446.
3. Леонидова, Е. Г. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста / Е. Г. Леонидова, М. А. Сидоров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6.
4. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2023). Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy. Oakville, USA: Apple Academic Press. 228 p.
5. Мирзиёва, С. Ш. Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана / С. Ш. Мирзиёва. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. – 184 с.
6. Алимуратов, М. К. Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы / М. К. Алимуратов // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1, № 2(2). – С. 163–172. – DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172.
7. Сасаев, Н. И. Роль отраслевого стратегирования в период постнормальности / Н. И. Сасаев // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 3(135). – С. 107–110.
8. Ansoff H. I. et al. Strategies for diversification // Harvard business review. – 1957. – Т. 35, № 5. – С. 113–124.
9. Porter M. E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press, 1980. 422 p.
10. Doyle P., Stern P. Marketing management and strategy. – Pearson Education, 2006. P. 446.
11. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
12. Сасаев, Н. И. Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции / Н. И. Сасаев // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9. – С. 106–115. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-106-115>.

13. Сасаев, Н. И. Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования / Н. И. Сасаев // Управленческое консультирование. – 2021. – № 9(153). – С. 58–68. – DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-58-68.
14. Рыбаков, Ф. Ф. Этапы промышленной политики России: ретроспективный анализ / Ф. Ф. Рыбаков // Проблемы современной экономики. – 2011. – №. 1. – С. 373–373.
15. Гретченко, А. И. Плановый опыт СССР и проблемы стратегического планирования в современной России / А. И. Гретченко, И. В. Горохова // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2014. – №. 11 (77). – С. 70–80.
16. Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди маяющих перспектив и фатальных ловушек / Ю. Симачев [и др.] // Форсайт. – 2014. – Т. 8, №. 4. – С. 6–23.
17. Родионова, И. А. Промышленное производство регионов России: структурные сдвиги / И. А. Родионова // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – №. 21. – С. 2–11.
18. Не Юнью. Стать лидером – внутренняя логика экономической стратегии Китая / Не Юнью ; пер. с кит.; науч. ред. В. Л. Квинт. – СПб.; ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 238 с. DOI: 0.22394/978-5-89781-739-9-1-236.
19. Скорилов, В. В. Путь Китайской Народной Республики к экономическому чуду / В. В. Скорилов, Д. Н. Мансур // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2022. – №. 1 (33). – С. 84–93.
20. Кириллов, В. Н. За 50 лет Индонезия превратилась из аграрной в новую индустриальную страну и успешно преодолела «ресурсное проклятие» / В. Н. Кириллов, А. Д. Балакин // Россия и Азия. – 2022. – №. 1. – С. 19.
21. Мозебах, В. А. Историко-экономический анализ японского «экономического чуда» (1955–1973) и его итогов / В. А. Мозебах, Р. О. Райнхардт // Человеческий капитал. – 2018. – №. 12. – С. 37–46.
22. Комаров, А. В. Сингапурское «экономическое чудо»: факторы роста, сущность, последствия / А. В. Комаров, В. В. Денисова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – №. 9-2. – С. 1198–1202.
23. Абалкин, Л. И. Стратегия социально-экономического развития России / Л. И. Абалкин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 195, №. 6. – С. 79–93.
24. Lopez L., Weber S. Testing for Granger causality in panel data // The Stata Journal. – 2017. – Т. 17, №. 4. – С. 972–984.
25. Nkoro E., Uko A. K. (2016). Autoregressive Distributed Lag (ARDL) cointegration technique: Application and interpretation. Journal of Statistical and Econometric Methods, 5, 4, 63–91.
26. Rodrik D. Premature deindustrialization // Journal of economic growth. – 2016. – Т. 21. – С. 1–33.
27. Арутюнова, Г. И. Деиндустриализация: что означает, служит ли развитию? / Г. И. Арутюнова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – №. 4-6. – С. 31–34.
28. Бодрунов, С. Д. Сфера услуг и материальное производство: проблемы соотношения в современной экономике / С. Д. Бодрунов, А. И. Колганов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №. 1 (47). – С. 9–30.
29. Гаджиева, А. Г. Роль сектора услуг в обеспечении экономического роста и его взаимосвязь с промышленным сектором / А. Г. Гаджиева // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – №. 10. – С. 41–64.

30. Турбан, Г. В. Развитие сектора услуг как фактор и возможность экономического роста / Г. В. Турбан // Белорусский экономический журнал. – 2017. – №. 3. – С. 113–123.
31. Погосов, И. А. Соотношение производства товаров и услуг как одно из равновесий современного национального производства / И. А. Погосов, Е. А. Соколовская. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 45 с.
32. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. 616 p.
33. Rifkin J. The third industrial revolution: how lateral power is transforming energy, the economy, and the world. – Macmillan, 2011. 304 p.
34. Бодрунов, С. Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 5–12.
35. Митина, Н. Н. Трансформация и модернизация обрабатывающей промышленности Китая / Н. Н. Митина, С. Янян // Инновации и инвестиции. – 2022. – №. 9. – С. 31–37.
36. Хрусталёв, Е. Ю. Импортотависимость как угроза инновационному развитию отечественной промышленности / Е. Ю. Хрусталёв, А. С. Славянов // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – Т. 17, №. 6 (477). – С. 1000–1113.
37. Кондратьев, В. Б. Решоринг как форма реиндустриализации / В. Б. Кондратьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, №. 9. – С. 54–65.
38. Жуковский, А. Д. Высокотехнологичные компании – важный структурно-инновационный аспект развития региональной экономики / А. Д. Жуковский // Статистика и экономика. – 2021. – №. 3. – С. 56–64
39. Квинт, В. Л. О выборе приоритетов / В. Л. Квинт // Бюджет. – 2016. – № 11. – С. 78–81.

References

1. Strategizing of Kuzbass Region Economic and Investing Development/ (A monograph) Under the editorial research supervision of Dr. Vladimir L. Kvint. – Kemerovo: Kemerovo State University, 2021. – 364 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2724-9>.
2. Sasaev Nikita I. The Russian gas industry strategizing: the far eastern vector / Editorial Research Supervisors: Sergey M. Darkin and Vladimir L. Kvint. - PRIMEC Publishers, 2022. – 164 p. DOI: 10.18334/9785912924446.
3. Leonidova E. G., Sidorov M. A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (In Russ.).
4. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2023). Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy. Oakville, USA: Apple Academic Press. 228 p.
5. Mirzиеva S. Sh. Metodologicheskie osnovy strategirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Uzbekistana [Methodological foundations of planning the socio-economic development of Uzbekistan]. St. Petersburg: IPTs SZIU RANKhiGS, 2020. 184 p. (In Russ.).
6. Alimuradov M. K. Interregional Competition for Strategic Economic Factors. Strategizing: Theory and Practice. 2021;1(2):163–172. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172> (In Russ.).
7. Sasaev N. I. The Role of Industrial Strategizing in the Post-Normal Period // Proceedings of St. Petersburg State Economic University [Izvestiya SPbGEU]. 2022. № 3. P. 107–110. (In Russ.).

8. Ansoff H. I. et al. Strategies for diversification // Harvard business review. – 1957. – Т. 35. – №. 5. – P. 113–124.
9. Porter M. E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press, 1980. 422 p.
10. Doyle P., Stern P. Marketing management and strategy. – Pearson Education, 2006. P. 446.
11. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
12. Sasaev N. I. Fundamentals of Industrial Strategizing: Formation of the Concept. Administrative Consulting. 2022; (9):106–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-106-115>.
13. Sasaev N. I. Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object. Administrative Consulting. 2021; (9):58–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-58-68>.
14. Rybakov F. F. Etapy promyshlennoj politiki Rossii: retrospektivnyj analiz [Stages of industrial policy of Russia: retrospective analysis] // Problemy sovremennoj ekonomiki. № 1(37), 2011. pp. 373–373.
15. Gretchenko A. I., Gorohova I. V. Planning experience of the USSR and the problems of strategic planning in modern Russia // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics [Vestnik REU im. Plekhanova]. 2014. № 11 (77). P. 70–80 (In Rus).
16. Simachev Y., Kuzyk M., Kuznetsov B., Pogrebnyak E. (2014) Russia Heading Towards a New Technology-Industrial Policy: Exciting Prospects and Fatal Traps. Foresight-Russia, vol. 8, no 4, pp. 6–23.
17. Rodionova I. A. Promyshlennoe proizvodstvo regionov Rossii: strukturnye sdvigi // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2009. no. 21 (114). pp. 2–11. (In Rus).
18. Nie Yongyou. Becoming a leader – the integral logic of China's economic strategy / Nie Yongyou ; transl. From Chinese lang.; editorial research supervisor Vladimir L. Kvint. – SPb., Russia : NWIM RANEP Publ., 2022. – 238 p.
19. Skorikov V. V., Mansur D. N. The People's Republic of China's Road to Economic Miracle // Economic and socio-humanitarian studies. 2022. No. 1(33). P. 84–93. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-84-93>.
20. Kirillov V. N., Balakin A. D. Za 50 let Indoneziya prevratilas' iz agrarnoy v novuyu industrial'nuyu stranu i uspešno preodolela «resursnoe proklyatie» [For 50 Years Indonesia has Turned from an Agrarian into a New Industrial Country and Successfully Overcome the “Resource Curse”], Rossiya i Aziya [Russia and Asia], 2022, No. 1 (19), pp. 6–13. (In Russ.).
21. Mozebach V. A., Raynkhart R. O. Historical-Economic Analysis Of The Japanese “Economic Miracle” (1955–1973) And Its Outcomes // Human capital. – 2018. – №. 12. – pp. 37–46 (In Russ.).
22. Komarov A. V., Denisova V. V. Singapore's Economic Miracle: Growth Factors, Essence, Outcomes // Journal of Economy and entrepreneurship. – 2017. – №. 9-2. – C. 1198–1202 (In Russ.).
23. Abalkin L. I. Strategy Of Russia's Socio-Economic Development // «The Scientific works of the Free Economic Society of Russia. – 2015. – Т. 195. – №. 6. – pp. 79–93.
24. Lopez L., Weber S. Testing for Granger causality in panel data //The Stata Journal. – 2017. – Т. 17. – №. 4. – C. 972–984.
25. Nkoro E., Uko A. K. (2016). Autoregressive Distributed Lag (ARDL) cointegration technique: Application and interpretation. Journal of Statistical and Econometric Methods, 5, 4, 63–91.
26. Rodrik D. Premature deindustrialization // Journal of economic growth. – 2016. – Т. 21. – C. 1–33.

27. Arutyunova G. I. Deindustrializaciya: chto oznachaet, sluzhit li razvitiyu? // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2017. – №. 4-6. – pp. 31–34. (In Russ.).
28. Bodrunov S. D., Kolganov A. I. Service Sector And Material Production: Balance Issues In Modern Economy // The Economic Revival of Russia. – 2016. – №. 1 (47). – pp. 9–30.
29. Gadzhieva A. G. 2017. Rol' sektora uslug v obespechenii ekonomicheskogo rosta I ego vzaimosviaz' s promyshlennym sektorom. [The Service Sector Role in the Contributing to Economic Growth and its Interrelation with Industry Sector] // USA - Canada Journal. No. 10. P. 41–64 (In Russ.).
30. Turban G. V. Razvitie sektora uslug kak faktor I vozmozhnost' ekonomicheskogo rosta [Development of the service sector as a factor and opportunities for economic growth], Belorusskij ekonomicheskij zhurnal. – 2017. – №. 3. – pp. 113–123.
31. Pogosov I. A., Sokolovskaya E. A. Sootnoshenie proizvodstva tovarov i uslug kak odno iz ravnovesii sovremennogo natsional'nogo proizvodstva [A balance between production of goods and services as one of the balances of modern national production]. Moscow, Institute of Economics of RAS Publ., 2013, 45 p.
32. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. 616 p.
33. Rifkin J. The third industrial revolution: how lateral power is transforming energy, the economy, and the world. – Macmillan, 2011. 304 p.
34. Bodrunov S. D. Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2) // The Economic Revival of Russia. — 2023. – № 2 (76). – pp. 5–12.
35. Mitina N. N., Song Yangyang. Transformation and Modernization of China's Manufacturing Industry // Innovation and Investment. – 2022. – №. 9. – pp. 31–37.
36. Khrustalev E. Yu., Slavyanov A. S. Dependence on Imports as a Threat to Innovative Development of Home Industry. Economic Analysis: Theory and Practice, 2018, vol. 17, iss. 6, pp. 1000–1013. <https://doi.org/10.24891/ea.17.6.1000>.
37. Kondratyev V. B. Reshoring kak forma reindustrializatsii [Resoring as a form of reindustrialisation]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations. – 2017, №9 (61), pp. 54–65. (in Russ.).
38. Zhukovsky A. D. High-Tech Companies are an Important Structural and Innovative Aspect of the Development of the Regional Economy. Statistics and Economics. 2021;18(3):56-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-56-64>.
39. Kvint V. L. About choosing priorities. Byudzheth. 2016. No. 11. Pp. 78–81. (In Russ.).

N. I. Sasaev¹⁷. Strategic Diagnostics of Russia's Sectoral Development. The issues of ensuring the long-term socio-economic development of the state and its subjects are of a strategic character and hold one of the key places in the system of public administration in Russia. One of the prospective directions is industrial development, with the right methodological approach, economic sectors and industry can act as long-term drivers of the development of the economy and society. It is indicated

¹⁷ *Nikita J. Sasaev*, Associate Professor, Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University' Moscow School of Economics (Leninskie Gory, d1, str. 61, Moscow, 119234, Russia), PhD. (Econ.), e-mail: msemu@mail.ru

that for this purpose it is advisable to use the methodology of industrial strategizing, which is one of the directions of the general theory of strategy and the strategizing methodology of the national scientific school, the founder of which is Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Econ.), professor Vladimir L. Kvint. In accordance with this, in order to initiate the process of industrial strategizing, the author conducts an in-depth study of the strategic object, which consists in conducting strategic diagnostics, namely, assessing the impact of industries on the long-term socio-economic development of Russia, studying the character and initial trajectory of industrial development. It is noted that the purpose of strategizing the industrial development of Russia should be the formation of a strong industrial core through the discovery and implementation of such strategic opportunities that effectively use the existing competitive advantages, as well as guarantee the generation of multiplicative effects that ensure the socio-economic development of the country and its subjects.

Keywords: industrial development, industrial strategizing, socio-economic development, strategy theory, industry.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-155-169

В. А. Кощеев¹, А. А. Алексеев², В. А. Александрова³

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ: ПЕРСПЕКТИВА ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются вопросы технологических и организационных инноваций в сфере обращения с отходами, позволяющих реализовать принципы концепции экономики замкнутого цикла. Выявлена стагнация технологического, а как следствие и экономического, развития системы обращения с отходами в силу невовлечённости в цикл технологического и строительного проектирования носителей инновационных идей и разработок – стартапов (инновационных предпринимателей). Выполнена оценка инновационного потенциала технологий сбора и переработки отходов, отражённая через доказанную (методом кейс-стади) тенденцию формирования профильных стартапов. Предложенное включение стартапов в цикл проектирования строительных объектов по переработке отходов стартапов повлияет на уровень моральной новизны технологий переработки и, как следствие, на экономическую эффективность эксплуатации объектов.

Ключевые слова: экономика строительства, экономика промышленности, инновации, малые инновационные предприятия, обращение с отходами, вторичное сырьё.

УДК 334.75

Введение

Управление обращением с отходами является одним из ключевых вопросов развития городских агломераций на платформе «умного города». Технологии обращения строятся на принципах экономики замкнутого цикла (далее – ЭЗЦ), которые формируют предпосылки устойчивого развития городских агломераций и потому рассматриваются как самостоятельный вопрос научной дискуссии. В фокусе внимания концепции ЭЗЦ находятся организационные модели и технологии обращения с отходами, позво-

¹ *Вадим Аркадьевич Кощеев*, профессор кафедры экономики строительства и ЖКХ Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (190005, РФ, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4), д-р экон. наук, профессор, e-mail: prmos@bk.ru

² *Андрей Алексеевич Алексеев*, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, РФ, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А), д-р экон. наук, профессор, e-mail: idc@unecon.ru

³ *Валерия Андреевна Александрова*, студентка факультета управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, РФ, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А), e-mail: valeriy_a@list.ru

ляющие превратить их в сырьё, вторичные ресурсы для промышленности и энергетики. Основной экономической целью внедрения концепции является возвращение в промышленной оборот, по разным оценкам, 60...80 % отходов в виде вторичного сырья, чтобы заместить в глобальном ресурсном балансе 20...40 % первичного. Апологи-ты концепции формулируют главные экономические принципы обращения с отходами в рамках концепции ЭЗЦ [1]: а) рыночный характер экономического взаимодействия субъектов цикла обращения; б) экономическая эффективность цикла «сбор – переработка – вторичное использование отходов»; в) инвестиционная привлекательность промышленных объектов сортировки и переработки; г) самоорганизация субъектов в цепочки обращения; д) поступательное редуцирование роли государства (его бюджетов) в цикле. Ядром и драйвером реализации концепции является принцип *экономической эффективности*, выраженный в привлекательном уровне прибыльности процесса технологической переработки отходов, которая рассматривается в цепочке «сбор – транспортировка – переработка – реализация вторичного сырья как промышленного ресурса». Ключевым условием самоорганизации цепочки является развитие рынка вторичного сырья.

В этом контексте ретроспективный и актуальный анализ (мы изучили и подтвердили данные 2014 г. (табл. 1) по базе Amadeus⁴) уровня рыночной рентабельности частных предприятий Финляндии⁵ не обнаружил высокой рентабельности по чистой прибыли (в сравнении с актуальной периоду ставкой дисконтирования). Относительно высокий уровень рентабельности отдельных предприятий Финляндии, специализирующихся на сортировке и захоронении отходов (7 %), объясняется высокими тарифами на сбор (метод ценообразования не рыночный – от затрат + справедливая маржа), а по батарейкам и аккумуляторам – высокой тарифной ставкой экосбора.

Таблица 1

**Рентабельность (по чистой прибыли) частных предприятий
(по выборке 52 компаний в рамках гранта WM SE-500)
по переработке бытовых и промышленных отходов Финляндии [2]**

Специализация и виды отходов	Рентабельность, %
Сортировка и захоронение	7
Батарейки и аккумуляторы	11,05
Бытовая техника и электроника	0,2
Шины	0,6
Упаковка напитков	4
Стекло	6,8
Пластик	2,4
Транспортные средства	2,1
Пакля	12
Металл	4,2
Макулатура	13
Деревянная упаковка	-2,4
Биогаз	7,3

⁴ Режим доступа: <http://www.bvdep.com> 22.01.2021.

⁵ Финляндия входит в тройку мировых лидеров по технологическим, организационным и правовым достижениям в обращении с отходами [2, с. 17–24].

Уровень рентабельности не позволяет определить промышленное строительство в сфере переработки отходов как привлекательное для инвестиций направление. На наш взгляд, это объясняется (что согласуется с мнением других экспертов [3, 4]) недостаточным уровнем развития технологий по переработке отходов, относительно низким уровнем производительности, а также технико-технологических характеристик современных процессов. В частности, переработка электроники автоматизирована всего на 12 %, технологический процесс практически полностью ручной, что объясняет его низкую экономическую эффективность (рентабельность – 0,2 % с учётом поступлений от экосбора). Таким образом, реализацию ЭЗЦ и экономическое развитие промышленности вторичной переработки сдерживает недостаточный уровень технологического и научно-технического развития. При этом понятно, что проекты строительства объектов по переработке отходов – это долгосрочные инвестиции.

Заложенная в проект технология переработки отходов сохранится в течение 7...10 лет после строительства (вплоть до вывода объекта из эксплуатации) и не стоит ожидать (мы не обнаружили таких кейсов), что инвестор проведёт в этот период модернизацию (это – дополнительные инвестиции) объекта для повышения моральной новизны технологии. Именно это актуализирует проблему выбора и(или) создания (цикл НИОКР) инновационной технологии переработки на предпроектном этапе строительства, а также поиска инновационных решений, позволяющих увеличить производительность, уровень автоматизации и цифровизации и как следствие – повысить экономическую эффективность процессов обращения отходов.

Заявленная проблематика (ЭЗЦ как платформа обращения отходов) нормативно закреплена в России. Теоретической платформой является доказанная С. В. Ратнером корреляция между «уровнем/динамикой развития циркулярной экономики и показателями экономического и инновационного развития страны» [5], а нормативной (федеральной) платформой – «Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года» (принята в 2018 г.⁶), раскрываемая через целевые показатели. В частности, на горизонте 2030 г. планируется довести «долю утилизированных и обезвреженных отходов в общем объеме образованных отходов» до 86 %, а «количество созданных производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов» должно составить 226 единиц. Стратегия разработана и внедряется как ответ на опережающую тенденцию роста образования отходов (рис. 1) по отношению к доле утилизированных и обезвреженных (47 % в 2021 г.). Ситуацию с воплощением стратегии можно оценить по пространственной карте реализации инвестиционных проектов (рис. 2). Объективность экономического развития системы комплексов переработки отмечает и Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию – 2023: «...Мы неплохо продвинулись в реформировании отрасли по обращению с отходами. Нарастиваем мощности по переработке и сортировке, чтобы перейти к экономике замкнутого цикла...».

При этом сохраняется ряд технико-экономических сложностей при реализации стратегий, определяющих 112-е место России в мировом рейтинге обращения с отходами⁷. *Первая*, объективная, сложность связана с пространственной разнесённостью

⁶ Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfbY7jhn6QMruaKofe rAowzJ.pdf> 12.05.2023.

⁷ Environmental Performance Index. Ranking country performance on sustainability issues. Режим доступа: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2022/06/epi2022.pdf> 1.05.2019.

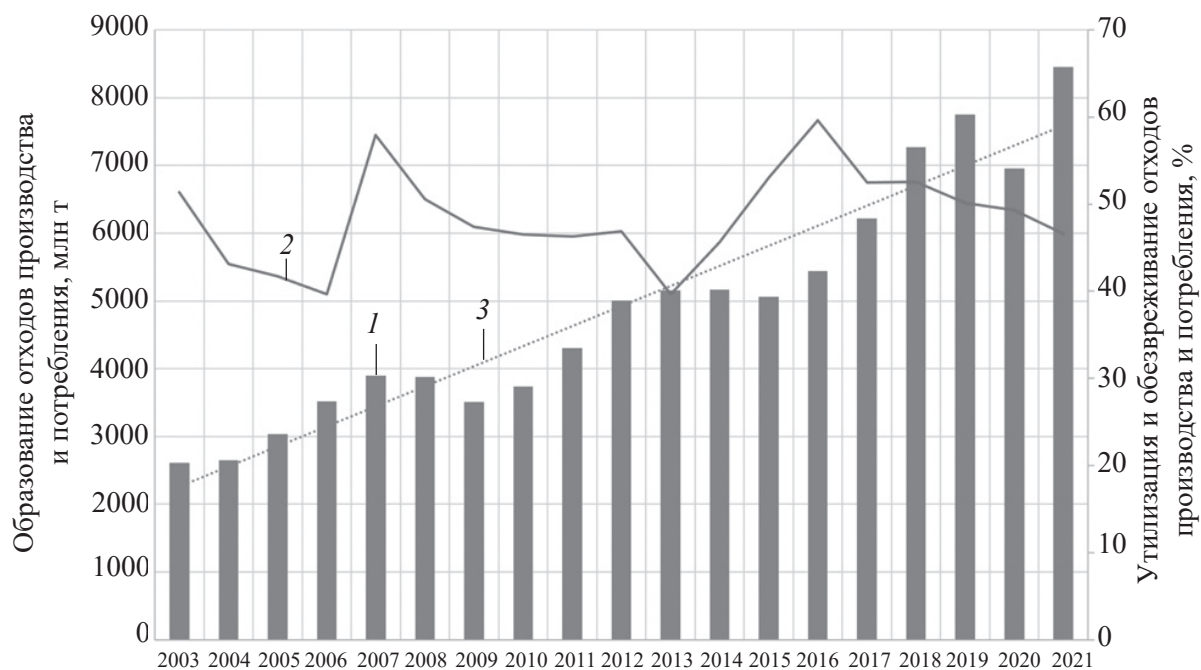

Рис. 1. Динамика образования и утилизации отходов производства и потребления в России:
1 – образование отходов производства и потребления, млн т; 2 – утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления, %; 3 – линейная (образование отходов производства и потребления, млн т) (составлено по данным Росприроднадзора⁸)

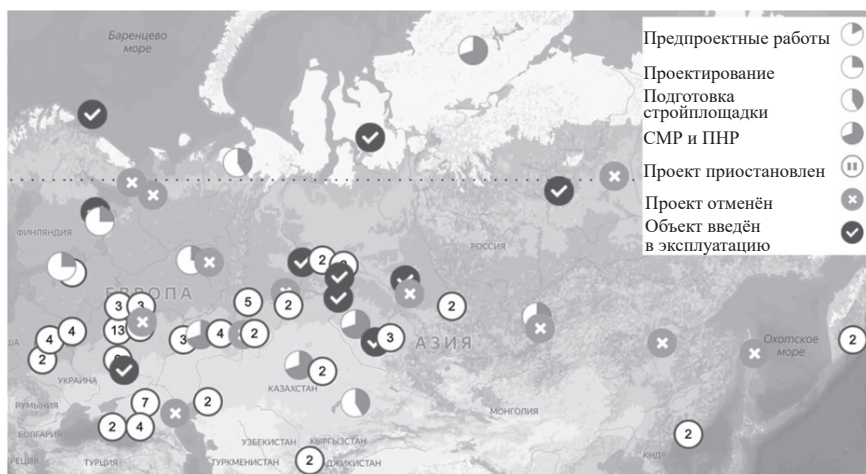

Рис. 2. Пространственное распределение мусороперерабатывающих и мусоросортировочных комплексов (строящиеся и проектируемые инвестиционные проекты) (по данным портала B2B Global⁹)

⁸ Режим доступа к базам данных: <https://https.rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/> 2.05.2023.

⁹ Режим доступа: <https://bbgl.ru/maps/projects?> 23.11.2022.

точек образования отходов и приёма их на переработку (см. рис. 2), что приводит к высоким логистическим издержкам в цикле обращения (практически до 80 % в себестоимости переработки-утилизации). Поиск сосредоточен на выработке инновационных решений в пунктах накопления отходов (раздельный сбор, дотранспортная подготовка и др.). *Вторая* – доминирование импортного оборудования (60 %), что в условиях санкций и сложностей с логистикой может вызвать проблемы с устойчивостью и надёжностью функционирования комплексов. В России практически не развит рынок производителей специализированных комплексов по переработке¹⁰, технологические решения могут быть построены на интеграции неспециализированного российского оборудования в производственную линию. *Третья* (связанная со второй): создаваемые комплексы (см. наш анализ проектов на рис. 2) оборудуются проверенными практикой, но морально устаревшими технологиями переработки (сжигание, пиролиз, брикетирование, компостирование и др.). Для преодоления обозначенных сложностей необходимы поиск и внедрение морально новых, инновационных технологий обращения с отходами. Такая задача обозначена в стратегии формально – не отражена в виде количественных целевых индикаторов (ни в части бюджетов НИОКР, ни в части наукоёмкости, инновационности, венчурного финансирования стартапов).

В развитие научной дискуссии об инновациях в сфере обращения с отходами мы решили формализовать организационную модель и ответить на главный вопрос – о субъектах, генерирующих новые знания и решения, направленные на рост экономической эффективности перерабатывающих комплексов и создание платформы устойчивого развития городских агломераций. Решение задачи позволит участникам отрасли на предынвестиционном этапе промышленного строительства выбрать морально новую технологию, провести необходимый комплекс НИОКР и заложить её в основу процесса переработки отходов «умного города» в цикле эксплуатации с перспективой 10 лет.

Нами проведён анализ научных публикаций в целях выявления наличия тенденций становления рынка обращения с отходами на принципах концепции ЭЗЦ [1] и тренда на внедрение инноваций в цикл промышленной переработки. По результатам анализа выделены и классифицированы 5 актуальных направлений научного поиска в сфере внедрения инноваций в проекты строительства перерабатывающих объектов (табл. 2). *Традиционным направлением* является поиск экономически эффективной технологии переработки смешанных отходов и в разрезе фракций (с преобладающим вниманием к пластику). Большинство публикаций построено на обсуждении кейсов отдельных новых технологий переработки фракций с формулировкой их эффективности с позиции роста производительности или глубины переработки.

Например, PureCycle Technologies¹¹ разработал революционный процесс удаления цвета, запаха и загрязнений из полипропиленовых пластиковых отходов и превращения их в смолу, которая является основой для пластиковых изделий. К сожалению, лишь в незначительном количестве публикаций предлагается оценка экономического эффекта от внедрения инноваций в технологический цикл переработки. Анализ публикаций приводит к важному выводу: основной источник нового знания – это стартапы (малые инновационные предприятия). Многие авторы справедливо отмечают, что традиционные крупные НИИ (RTO в англоязычной трактовке соответствующего НИИ

¹⁰ На российском рынке комплексы по технологической переработке отходов представлены незначительным количеством производителей, в их числе Binology (Россия), НПО «Лаборатория экоэнергетики» (Россия), Shredwell (Китай), Proses Makina (Турция).

¹¹ Режим доступа: <https://www.purecycle.com> 12.04.2023.

Таблица 2

Выявление тренда на интеграцию инноваций в цикле обращения отходов
(разработано авторами)

Направления (тип инноваций)	Авторы ¹²
Технологии переработки смешанных отходов и в разрезе фракций (технологические)	И. Г. Салимьянова [6]; А. Н. Задиранов и др. [7]; В. В. Филатов и др. [8]; N. K. Ehsan и др. [3]; A. T. Gebremariam и др. [9]; G. Copani, и др. [4]; Nur Suhaimi и др. [10]; Yi Peng и др. [11]
Бизнес-модели и логистические решения (организационные)	Е. Ю. Присяч, О. А. Швецова [12]; П. А. Аверкин [13]; Li Chi и др. [14]; Md Islam и др. [15]; Zhu Wen [16]
Цифровые технологии (технологические, организационные)	Я. А. Балицкий и др. [17]; Н. В. Городнова [18]; Chetna Chauhan и др. [19]; Verma D. и др. [20]
Технологии полигонов (технологические)	В. П. Раклов [21]; Р. Н. Сафаров, Г. М. Ахмадиев [22]; Kundu A. и др. [23]; Li Qian и др. [24]
Технологии сортировки (технологические)	А. Е. Карелин и др. [25]; Н. Б. Мухамедова, Ш. М. К. Абдукаримова [26]; Agbehadji Israel и др. [27]; Zhao Yue, Li Jia [28]

субъекта) выполняют, как правило, цикл ОКР по заказу инвестора, адаптируя устаревшую, но проверенную технологию под специфику конкретного строительного объекта. По нашей экспертной оценке, источником более 80 % новых технологических решений являются стартапы при незначительной конверсии (менее 10 % – оценка наша) их разработок в проектные решения. Объяснение простое: инвесторы обращаются в НИИ (RTO) для получения комплексного проекта НИОКР, а последние предлагают проверенные, но морально устаревшие технологии (контур 1 на рис. 3).

Второе направление мы определяем как блок организационных инноваций, выражающихся в разработке новых бизнес-моделей (смарт-моделей) и логистических решений в обращении с отходами, большинство из которых порождено парадигмой «умного города». Данное, относительно молодое в научной дискуссии, направление ориентировано на поиск путей снижения издержек в цикле обращения за счёт «сближения точек сбора и переработки», сокращения маршрутов транспортировки, подходов к предварительной обработке (сортировке) в местах накопления отходов и др. Актуальность смарт-подходов обусловлена стагнацией на пути к технологическому прорыву в переработке, и учёные ищут подходы к снижению организационных издержек в цикле обращения.

Третье направление – повышение эффективности обращения с отходами за счёт использования информационно-коммуникационных (цифровых) технологий. Пока предлагаются только концептуальные подходы к использованию технологий big data, распределённого реестра (блокчейн) и интернета вещей (IoT). Несмотря на привлекательность идей и их технико-организационную определённую, оценить экономическую эффективность таких решений на настоящем этапе трудно. Более того, на наш взгляд, в реализации цифровых подходов сложно выделить в экономическом смысле инвестора и бенефициаров.

Направления 4 и 5 можно охарактеризовать как попытки решить проблемы сортировки и полигонов захоронения. Ключевым является вопрос поиска инновацион-

¹² Выборка авторов не претендует на полноту библиографического обзора.

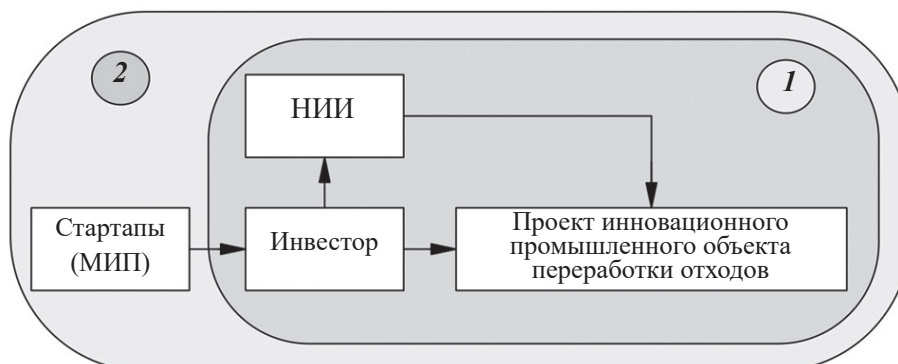

Рис. 3. Взаимодействие субъектов в проектировании промышленных объектов переработки отходов (разработано нами): 1 – актуальный цикл взаимодействия; 2 – перспективный цикл взаимодействия

ных технологий рециклинга накопленных отходов на «старых» полигонах. К сожалению, пока нет новых технологий, отвечающих концепции ЭЗЦ. Доминируют нерыночные решения: «заказчик-инвестор» – государство; технология обращения – морально устаревшая. При такой позиции не остаётся места для стартапов и новых технологий.

Таким образом, выделяемую нами *проблему* можно сформулировать как стагнацию технологического, а как следствие – и экономического, развития комплексов обращения с отходами в силу невовлечённости в цикл проектирования носителей инновационных идей и разработок – стартапов (малых инновационных предприятий).

Цель и метод исследования. Нами формулируется *гипотеза*: включение в цикл проектирования (см. контур 2 на рис. 3) строительных объектов переработки отходов стартапов (малых инновационных предприятий) повысит уровень моральной новизны технологий переработки и, как следствие, экономической эффективности эксплуатации объектов.

Задача оценки инновационного потенциала технологий сбора и переработки отходов – определение наличия тенденции формирования профильных стартапов. Состоятельность гипотезы может быть *подтверждена* при выявлении значимого количества активных стартапов в сфере обращения отходов. Мы выбрали *метод кейс-стади* для выявления наличия и направленности технологий в стартапах.

Результаты исследования (кейс-стади). К сожалению, в зарубежных и российских публикациях отсутствует информация о локальных (по странам) и агрегированных объёмах инвестирования в НИОКР в сфере обращения с отходами. Как показывает практика, данные расходы относятся на НИОКР различных направлений (химия, инженерия, биотехнологии, организационные инновации и др.). В зарубежной литературе данное направление классифицируется как самостоятельное (CleanTech) и объединяет мульти- и междисциплинарные исследования. Действительно, любая технология относится к академической предметной области, а технологии обращения с отходами не объединены в самостоятельное направление прикладных исследований. Анализ тендеров¹³, проводимых национальными государственными корпорациями

¹³ Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/> 3.05.2023.

в 2017–2022 гг., показывает (табл. 3), что заказы (суммы контрактов от 8 до 300 млн рублей) на НИОКР сосредоточены в области переработки опасных отходов промышленности и ТЭК (например, Росатом).

Таблица 3

Фрагмент анализа структуры тендеров на НИОКР в 2020–2022 гг.
(составлено авторами)

Тема НИОКР	Цена контракта, тыс. р.	Заказчик
Выполнение комплекса исследований по отверждению отходов в МКФ матрицу. Научно-техническое сопровождение работ по созданию опытной установки и проведению исследований с использованием имитаторов ВАО	40000	ФГУП Горно-химический комбинат
Разработка и обоснование вариантов переработки высокоактивных отходов сложного химического состава, включая ОКР и опытно-промышленные испытания оборудования	229168	Росатом
Корректировка технических решений по роботизации технологических участков модуля переработки отработавшего ядерного топлива и комплекса переработки радиоактивных отходов	68200	АО «Прорыв»
Разработка и изготовление макетных и демонстрационных образцов узлов установки переработки отходов, содержащих ионообменные смолы (в том числе радиоактивные), и установки в целом	78300	ГНЦРФ ФЭИ им. Лейпунского

Не обнаружено тендеров на НИОКР в сферах технологии сбора, утилизации и вторичной переработки бытовых отходов, организационных новаций. Поступления от экосбора в России весьма незначительны (5235 млн рублей в 2021 г. с учётом почти 100 %-ного роста за последние годы – данные Росприроднадзора). Они могут компенсировать только часть затрат на переработку отходов потребления, не говоря уже о проведении полнопрофильных НИОКР – от прикладного принципа до инженерного проекта (если исходить из того, что комплексная НИР (без учёта ОКР и опытных установок) по переработке одной фракции составляет минимум 40 млн рублей¹⁴). Следовательно, экосбор на настоящем этапе не может рассматриваться как источник фондирования исследований и разработок в сфере вторичного обращения.

Косвенным свидетельством активности исследований в данном направлении может служить оценка численности патентов, зарегистрированных по направлению рециклинга (переработки отходов во вторичное сырьё) – 135828, по данным Google Patents¹⁵, и 290439 – WIPO¹⁶. Спектр организационных и технологических решений, предлагаемых в патентах, очень широк: от устройства мусорных контейнеров до организационных моделей транспортировки и переработки отходов. Предлагаются и комплексные решения – от организации пункта сбора отходов до процесса их переработки (например, US9098884B2). То есть, патентный анализ указывает на наличие объектов интеллектуальной собственности, созданных стартапами и профильными НИИ (RTO).

¹⁴ Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/> 3.04.2023.

¹⁵ Режим доступа: <https://patents.google.com/> 3.12.2022.

¹⁶ Режим доступа: <https://patentscope.wipo.int> 3.12.2022.

Перейдём от ретроспективного к актуальному анализу на основании собранных нами кейсов инновационных стартапов в сфере технологий обращения с отходами. Классификация кейсов стартапов построена на направлениях инновационного развития в системе управления отходами, выдвинутых StartUs Insights 2022 г.¹⁷ (табл. 4). Практическую востребованность стартапов можно оценить через относительный интегральный эффект от вклада направления в инновационное развитие технологий обращения с отходами.

Таблица 4

Направления инновационной активности в сфере управления обращением с отходами и актуальные инновационные стартапы на стадиях seed (public beta) – startup

Направление	Е*	Содержание	Инновационные стартапы (выборочный список)
Интернет отходов (IoT)	32	Использование технологий интернет вещей (IoT)	Bintel (Швеция), Smartbin.io (США), Wasteout (Россия, «Уэйстаут») – датчики уровня наполнения отходов мест первичного и транзитного сбора
Химическая переработка (CHR)	23	Технологии химического обезвреживания и переработки отходов	Refiberd (США) – переработка текстиля; Plastic Back (Израиль) – окисление пластмасс; «Виротех» (Россия, В. Качура), Aurora Borealis (Россия, А. Климов) – обезвреживание; OVBOTEC (Нидерланды) – переработка пластика с использованием технологии растворения SPEX; «Puraloop» (Китай) – обработка и восстановление опасных производственных отходов, не подлежащих вторичной переработке; «GINKGO bioworks» (США) – биороботы переработки пластика
Роботы (RR)	10	Роботизация процессов сбора, транспортировки и переработки отходов	2B0 (США), Sortera Alloys (США) – роботизация сортировки и переработки; Ursa Robotics (Великобритания) – автономные транспортные средства для сбора отходов; Recycleye (Великобритания) – автоматизация сортировки
Валоризация отходов (VW)	9	Способы восстановления материалов или переработки отходов в продукты потребления	SBS Thermal Technologies (Испания), Avris Environment Technologies (Индия) – технология очистки пищевых отходов для вторичного использования; Fineplastic (Россия) – сбор и переработка пластика
Искусственный интеллект (AI)	8	Использование инфокоммуникационных технологий (хард и софт) в системе обращения отходов	BANQloop (США), TrashBack (Россия) – интеллектуальная система управления обращением с отходами; Plastic Bank (Канада) – блокчейн-технология очистки мирового океана от пластикового мусора; Greyparrot (Великобритания) – автоматизированный анализ отходов; Recycllux (Бельгия) – отслеживание пластика в воде

¹⁷ <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/recycling-technology-trends-innovation/>.

Направление	Е*	Содержание	Инновационные стартапы (выборочный список)
Управление биотодами (BIOW)	8	Утилизация, переработка и валоризация биологических отходов	BicyCompost (Франция), Biovert Protein (Таиланд), «Энтопротэк» (Россия) – биоконверсия пищевых отходов в корма для животных; «Эковывоз» (Россия, Г. Берлизов), «АгроКомпост» (Россия) – биоконверсия пищевых отходов в компост; Spawn (Россия) – технология переработки отходов с помощью грибов
Продление жизненного цикла материала (LCP)	6	Технологические, логистические и коммуникационные решения вторичного использования отходов	Ever Resource (Великобритания) – переработка и восстановление свинцово-кислотных аккумуляторов; Fili Pari (Испания) – конверсия в текстиль и композитные ткани; Li-Cycle (Канада) – переработка аккумуляторов
Большие данные (BD)	4	Использование аппаратно-программных комплексов, построенных на больших данных, для управления обращением с отходами	Waste Labs (Сингапур) – логистика; Recyda (Германия) – цикл сбора и переработки упаковки; «Убира-тор» (Россия, Н. Никишкин, А. Хацкевич), «Чисто-Чисто» (Россия, А. Бурдин), «Реактор» (Сибур) – агрегатор на принципах Uber; Circulor (Великобритания) – пакет технологий для отслеживания процесса переработки отходов

* Е – относительный интегральный эффект от вклада направления в систему управления отходами – по данным StartUs Insights 2022 г. (разработано авторами).

Представленные в табл. 4 данные показывают наличие поля инновационных стартапов на стадиях seed (посевная) в сфере обращения отходов. Мы определили их (стартапы) как источник новых знаний и технологий в контуре проектирования и строительства объектов переработки (см. рис. 3). Это *подтверждает нашу гипотезу* о необходимости изменения организации цикла проектирования объектов переработки (см. контур 2 на рис. 3): а) инвестор выбирает стартап, профильный планируемой объекту, и приобретает права на него; б) инвестор передаёт профильному НИИ нематериальные активы, объекты интеллектуальной собственности стартапа для доработки (ОКР) до уровня законченной технологии; в) полученную от НИИ технологию переработки инвестор включает в цикл проектирования строительного объекта. Предлагаемый подход направлен на увеличение конверсии в инновационной воронке, внедрение экономически эффективной технологии в цикл обращения с отходами и в конечном итоге формирует систему ЭЗЦ в рамках зелёной повестки «умного города».

Выводы

Выявлено значительное количество малых инновационных предприятий в сфере обращения с отходами, которые могут стать платформой внедрения морально новых технологий переработки в строительстве профильных объектов.

По результатам исследования сформулировано предложение об интеграции стартапов в систему проектирования новых объектов переработки, что создаёт предпосылку формирования *зелёной повестки «умного города»*, платформы устойчивого развития экологичной и экономически эффективной системы обращения с отходами.

Список литературы

1. Martin Geissdoerfer, Marina P. P. Pieroni, Daniela C. A. Pigosso, Khaled Soufani, Circular business models: A review, *Journal of Cleaner Production*, Volume 277, 2020, 123741, ISSN 0959-6526, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123741>.
2. *Алексеев, А. А.* Переработка отходов – инновационный сегмент промышленности / А. А. Алексеев. – СПб.: Известия СПбГЭУ. – 2014. – № 3 (87). – С. 17–24.
3. Ehsan Naderi Kalali, Saeid Lotfian, Marjan Entezar Shabestari, Saber Khayatzaheh, Chengshou Zhao, Hamed Yazdani Nezhad & A critical review of the current progress of plastic waste recycling technology in structural materials, *Current Opinion in Green and Sustainable Chemistry*, Volume 40, 2023, 100763, [/doi.org/10.1016/j.cogsc.2023.100763](https://doi.org/10.1016/j.cogsc.2023.100763).
4. Copani, G., Picone, N., Colledani, M., Pepe, M., Tasora, A. (2019). Highly Evolvable E-waste Recycling Technologies and Systems. In: Tolio, T., Copani, G., Terkaj, W. (eds) *Factories of the Future*. Springer, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319->
5. *Ратнер, С. В.* Факторы развития циркулярной экономики / С. В. Ратнер // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 430 – 447.
6. *Салимьянова, И. Г.* Экологические инновации как перспективный тренд развития систем управления природопользованием / И. Г. Салимьянова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 1 (133). – С. 79–84.
7. *Задиранов, А. Н.* Перспективы применения современных технологий при переработке строительных отходов / А. Н. Задиранов, М. Ю. Малькова, Т. Н. Нурмагомедов, П. Дхар // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 236–244.
8. *Филатов, В. В.* Рециклинг полимерных отходов производства и потребления на основе биотехнологических инноваций / В. В. Филатов, И. М. Рукина, В. И. Голованов // Муниципальная академия. – 2018. – № 3. – С. 135–142.
9. Gebremariam, A. T., Di Maio, F., Vahidi, A., & Rem, P. (2020). Innovative technologies for recycling End-of-Life concrete waste in the built environment. *Resources, Conservation and Recycling*, 163, [104911]. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.104911>.
10. Suhaimi, Nur & Muhamad, Farina & Abd Razak, Nasrul Anuar & Zeimaran, Ehsan. (2022). Recycling of polyethylene terephthalate wastes: A review of technologies, routes, and applications. *Polymer Engineering & Science*. 62. [10.1002/pen.26017](https://doi.org/10.1002/pen.26017).
11. Peng, Yi & Prabhu, Apoorva & Rinke, Chris. (2023). Facing our plastic waste crisis: biorecycling as a promising solution. *Microbiology Australia*. 44. [10.1071/MA23013](https://doi.org/10.1071/MA23013).
12. *Присяч, Е. Ю.* Элементы инновационного сценария развития системы обращения с отходами в РФ / Е. Ю. Присяч, О. А. Швецова // Управление муниципальными отходами как важный фактор устойчивого развития мегаполиса. – 2018. – № 1. – С. 235–239.
13. *Аверкин, П. А.* Новые технологии утилизации отходов и проблема роста тарифов / П. А. Аверкин // Инновации. – 2021. – № 2 (268). – С. 24–29.
14. Li, Chi & Lee, Tsz & Lau, Stephen. (2023). Enhancement of Municipal Solid Waste Management in Hong Kong through Innovative Solutions: A Review. *Sustainability*. 15. [3310. 10.3390/su15043310](https://doi.org/10.3390/su15043310).
15. Islam, Md & Iyer-Raniga, Usha & Trewick, Sean. (2022). Recycling Perspectives of Circular Business Models: A Review. *Recycling*. 7. [10.3390/recycling7050079](https://doi.org/10.3390/recycling7050079).

16. Zhu, Wen. (2022). Research on the evaluation method of the business model for the recycling of hazardous waste in power grid. *Advances in Engineering Technology Research*. 1. 241. 10.56028/aetr.1.1.241.
17. Балицкий, Я. А. Сортировка твердых коммунальных отходов с применением ИТ-технологий / Я. А. Балицкий, В. Г. Петров, Д. А. Ханнанов // *Наука Удмуртии*. – 2018. – № 4 (86). – С. 20–22.
18. Городнова, Н. В. Применение искусственного интеллекта в проектах «smart-экология» / Н. В. Городнова // *Дискуссия*. – 2021. – № 2-3 (105-106). – С. 34–48.
19. Chetna Chauhan, Vinit Parida, Amandeep Dhir, Linking circular economy and digitalisation technologies: A systematic literature review of past achievements and future promises, *Technological Forecasting and Social Change*, Volume 177, 2022.
20. Verma, Deepak & Okhawilai, Manunya & Dalapati, Goutam & Ramakrishna, Seeram & Sharma, Abhishek & Sonar, Prashant & Krishnamurthy, Satheesh & Biring, Sajal & Sharma, Mohit. (2022). Blockchain technology and AI -facilitated polymers recycling: Utilization, realities, and sustainability. *Polymer Composites*. 43. 10.1002/pc.27054.
21. Раклов, В. П. Методы использования гис-технологий при контроле состояния полигонов твердых бытовых отходов / В. П. Раклов // *Велес*. – 2017. – № 2-1 (44). – С. 65–71.
22. Сафаров, Р. Н. Разработка технологии переработки накопленных отходов в России / Р. Н. Сафаров, Г. М. Ахмадиев // *Бюллетень науки и практики*. – 2017. – № 11 (24). – С. 221–226.
23. Kundu, Ashmita & Reddy, Chejarla & Kumar Singh, Ratnesh & Kalamdhad, Ajay. (2023). Critical review with science mapping on the latest pre-treatment technologies of landfill leachate. *Journal of environmental management*. 336. 117727. 10.1016/j.jenvman.2023.117727.
24. Li, Qian & Cui, Hanlin & Li, Yihao & Song, Xin & Liu, Wenzong & Wang, Yongxuan & Hou, Haimeng & Zhang, Hongbo & Li, You & Wang, Fan & Song, Jun & Ye, Hanfeng & Song, Sirui & Che, Tong & Shao, Shuai & Kong, Deyong & Liang, Bin. (2023). Challenges and engineering application of landfill leachate concentrate treatment. *Environmental Research*. 231. 116028. 10.1016/j.envres.2023.116028.
25. Карелин, А. Е. Система распознавания объектов для сортировки твердых бытовых отходов / А. Е. Карелин, А. В. Кожемяченко, М. А. Лемешко // *Инженерный вестник Дона*. – 2022. – № 6 (90). – С. 824–833.
26. Мухамедова, Н. Б. Анализ современных технологий сортировки твердых бытовых отходов / Н. Б. Мухамедова, Ш. М. К. Абдукаримова // *Достижения науки и образования*. – 2019. – № 13 (54). – С. 15–16.
27. Agbehadji, Israel & Abayomi, Taofeek & Bui Khac Hoai, Nam & Millham, Richard & Freeman, Emmanuel. (2022). Nature-Inspired Search Method and Custom Waste Object Detection and Classification Model for Smart Waste Bin. *Sensors*. 22. 6176. 10.3390/s22166176.
28. Zhao, Yue & Li, Jia. (2022). Sensor-Based Technologies in Effective Solid Waste Sorting: Successful Applications, Sensor Combination, and Future Directions. *Environmental Science & Technology*. 56. 10.1021/acs.est.2c05874.

Referance

1. Martin Geissdoerfer, Marina P. P. Pieroni, Daniela C. A. Pigosso, Khaled Soufani, Circular business models: A review, *Journal of Cleaner Production*, Volume 277, 2020, 123741, ISSN 0959-6526, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123741>.

2. Alekseev A. A. Waste recycling is an innovative segment of the industry. St. Petersburg: Proceedings of St. Petersburg State University of Economics, No. 3 (87), 2014. p. 17–24.
3. Ehsan Naderi Kalali, Saeid Lotfian, Marjan Entezar Shabestari, Saber Khayatzadeh, Chengshou Zhao, Hamed Yazdani Nezhad & A critical review of the current progress of plastic waste recycling technology in structural materials, *Current Opinion in Green and Sustainable Chemistry*, Volume 40, 2023, 100763, ISSN 2452-2236, <https://doi.org/10.1016/j.cogsc.2023.100763>.
4. Copani, G., Picone, N., Colledani, M., Pepe, M., Tasora, A. (2019). Highly Evolvable E-waste Recycling Technologies and Systems. In: Tolio, T., Copani, G., Terkaj, W. (eds) *Factories of the Future*. Springer, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319->
5. Ratner S. V. Factors in the development of the circular economy // *Financial analytics: problems and solutions*. 2020. T. 13, No 4. S. 430–447.
6. Salimyanova I. G. Ecological innovations as a promising trend in the development of environmental management systems. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2022. No. 1 (133). pp. 79–84.
7. Zadiranov A. N., Malkova M. Yu., Nurmagomedov T. N., Dkhar P. Prospects for the use of modern technologies in the processing of construction waste. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Engineering research*. 2017. V. 18. No. 2. S. 236–244.
8. Filatov V. V., Rukina I. M., Golovanov V. I. Recycling of polymer waste from production and consumption based on biotechnological innovations. *Municipal Academy*. 2018. No. 3. S. 135–142.
9. Gebremariam, A. T., Di Maio, F., Vahidi, A., & Rem, P. (2020). Innovative technologies for recycling End-of-Life concrete waste in the built environment. *Resources, Conservation and Recycling*, 163, [104911]. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.104911>
10. Suhaimi, Nur & Muhamad, Farina & Abd Razak, Nasrul Anuar & Zeimaran, Ehsan. (2022). Recycling of polyethylene terephthalate wastes: A review of technologies, routes, and applications. *Polymer Engineering & Science*. 62. 10.1002/pen.26017.
11. Peng, Yi & Prabhu, Apoorva & Rinke, Chris. (2023). Facing our plastic waste crisis: biorecycling as a promising solution. *microbiology australia*. 44. 10.1071/MA23013.
12. Prisyach E. Yu., Shvetsova O. A. Elements of an innovative scenario for the development of the waste management system in the Russian Federation. *Municipal waste management as an important factor in the sustainable development of the metropolis*. 2018. No. 1. S. 235–239.
13. Averkin P. A. New waste disposal technologies and the problem of rising tariffs. *Innovation*. 2021. No. 2 (268). pp. 24–29.
14. Li, Chi & Lee, Tsz & Lau, Stephen. (2023). Enhancement of Municipal Solid Waste Management in Hong Kong through Innovative Solutions: A Review. *Sustainability*. 15. 3310. 10.3390/su15043310.
15. Islam, Md & Iyer-Raniga, Usha & Trewick, Sean. (2022). Recycling Perspectives of Circular Business Models: A Review. *Recycling*. 7. 10.3390/recycling7050079.
16. Zhu, Wen. (2022). Research on the evaluation method of the business model for the recycling of hazardous waste in power grid. *Advances in Engineering Technology Research*. 1.241.10.56028/aetr.1.1.241.
17. Balitsky Ya. A., Petrov V. G., Khannanov D. A. Sorting of municipal solid waste using IT technologies. *Science of Udmurtia*. 2018. No. 4 (86). pp. 20–22.
18. Gorodnova N. V. The use of artificial intelligence in smart ecology projects. *Discussion*. 2021. No. 2-3 (105-106). pp. 34–48.

19. Chetna Chauhan, Vinit Parida, Amandeep Dhir, Linking circular economy and digitalization technologies: A systematic literature review of past achievements and future promises, *Technological Forecasting and Social Change*, Volume 177, 2022.
20. Verma, Deepak & Okhawilai, Manunya & Dalapati, Goutam & Ramakrishna, Seeram & Sharma, Abhishek & Sonar, Prashant & Krishnamurthy, Satheesh & Biring, Sajal & Sharma, Mohit. (2022). Blockchain technology and AI -facilitated polymers recycling: Utilization, realities, and sustainability. *polymer composites*. 43. 10.1002/pc.27054.
21. Raklov V. P. Methods of using GIS technologies in monitoring the state of solid waste landfills. *Veles*. 2017. No. 2-1 (44). pp. 65–71.
22. Safarov R. N., Akhmadiev G. M. Development of technology for processing accumulated waste in Russia. *Bulletin of science and practice*. 2017. No. 11 (24). pp. 221–226.
23. Kundu, Ashmita & Reddy, Chejarla & Kumar Singh, Ratnesh & Kalamdhad, Ajay. (2023). Critical review with science mapping on the latest pre-treatment technologies of landfill leachate. *Journal of environmental management*. 336.117727.10.1016/j.jenvman.2023.117727.
24. Li, Qian & Cui, Hanlin & Li, Yihao & Song, Xin & Liu, Wenzong & Wang, Yongxuan & Hou, Haimeng & Zhang, Hongbo & Li, You & Wang, Fan & Song, Jun & Ye, Hanfeng & Song, Sirui & Che, Tong & Shao, Shuai & Kong, Deyong & Liang, Bin. (2023). Challenges and engineering application of landfill leachate concentrate treatment. *environmental research*. 231.116028.10.1016/j.envres.2023.116028.
25. Karelin A. E., Kozhemyachenko A. V., Lemeshko M. A. Object recognition system for sorting municipal solid waste. *Don Engineering Gazette*. 2022. No. 6 (90). pp. 824–833.
26. Mukhamedova N. B., Abdugarimova Sh.M.K. Analysis of modern technologies for sorting municipal solid waste. *Achievements of science and education*. 2019. No. 13 (54). pp. 15–16.
27. Agbehadj, Israel & Abayomi, Taofeek & Bui Khac Hoai, Nam & Millham, Richard & Freeman, Emmanuel. (2022). Nature-Inspired Search Method and Custom Waste Object Detection and Classification Model for Smart Waste Bin. *Sensors*. 22.6176.10.3390/s22166176.
28. Zhao, Yue & Li, Jia. (2022). Sensor-Based Technologies in Effective Solid Waste Sorting: Successful Applications, Sensor Combination, and Future Directions. *Environmental Science & Technology*. 56. 10.1021/acs.est.2c05874.

V. A. Koshcheev¹⁸, A. A. Alekseev¹⁹, V. A. Alexandrova²⁰. Construction of Industrial Waste Processing Facilities: The Prospect of Introducing Innovative Technologies. In this publication, the authors develop a scientific discussion about technological and organizational innovations in the field of waste management, which make it possible to implement the principles of the “circular economy” concept. The identified problems are formulated as the stagnation of the technological, and as a result, the economic development of the waste management system due to the lack of involvement

¹⁸ *Vadim A. Koshcheev*, Professor of the Department of Economics of Construction and Housing and Public Utilities, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (2nd Krasnoarmeyskaya st., 4, St. Petersburg, 190005, Russia), Doctor of Economics, Professor, npmos@bk.ru

¹⁹ *Andrey A. Alekseev*, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes, Saint Petersburg State University of Economics (emb. Griboedov Canal, 30-32, letter A, St. Petersburg, 191023, Russia), Doctor of Economics, professor, idc@unecon.ru

²⁰ *Valeria A. Alexandrova*, student of the Faculty of Management, Saint Petersburg State University of Economics emb. (Griboedov Canal, 30-32, letter A, St. Petersburg, 191023, Russia), valeriy_a@list.ru

in the cycle of technological and construction design of carriers of (radical) innovative ideas and developments - start-ups (innovative entrepreneurs). The task of assessing the innovative potential of technologies for the collection and processing of waste, reflected through the proven (by the case-study method) trend of the formation of specialized start-ups, has been posed and solved. A conclusion is made and a proposal is formulated: the inclusion of start-up waste processing in the design cycle of construction objects will affect the level of moral novelty of processing technologies and, as a result, the economic efficiency of the operation of facilities.

Keywords: economics of construction, economics of industry, innovations, small innovative enterprises, waste management, secondary raw materials.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-170-179

*Р. Н. Гаджиев*¹

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Подчеркивается сильная взаимосвязь цифровизации и инновационного развития регионов России, а также их положительное влияние на экономический рост. Цифровизация (её кадровое, материально-техническое и научное обеспечение) экономики, социальной сферы и управления является главным стратегическим приоритетом инновационного развития регионов. Кроме того, приоритетным является использование возможностей цифровизации для стратегического планирования и управления региональным инновационным развитием. Следуя положению научной школы В. Л. Квинта о необходимости согласования приоритетов развития на всех уровнях, при стратегировании цифрового и научно-инновационного развития регионов целесообразно учитывать приоритетность внедрения цифровых технологий в процесс государственного управления, цифровизации научно-инновационного процесса, поддержки научно-инновационной деятельности по развитию цифровых технологий, приоритетность создания цифровизированных экосистем инноваций, возможности межрегиональной и международной кооперации в разработке и внедрении цифровых технологий.

Ключевые слова: стратегические приоритеты, регионы России, цифровизация, инновационное развитие.

УДК 330.35

Эффективное стратегирование инновационного развития российских регионов – одна из ключевых задач при осуществлении пространственно-сбалансированного развития России в целом, обеспечении устойчивости региональных экономик, создании условий для формирования и развития производственных кластеров. В. Л. Квинт и его коллеги отмечают, что при разработке стратегических приоритетов важна согласованность на всех уровнях – национальных, региональных и отраслевых стратегий, а также их взаимосвязь с глобальными тенденциями развития [8].

Одной из общепризнанных тенденций глобального развития является цифровизация. Начиная с активного внедрения в 1950-х гг. компьютера в экономику, управление и промышленность инновационное развитие всё более тесно связано с цифровизацией. Глоссарий Национального центра цифровой экономики определяет цифровизацию как «процесс конвертации социальных, экономических и правовых отношений в машиночитаемый формат, возможности обработки которой в дальнейшем создает новые

¹ Руслан Натигович Гаджиев, аспирант Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119234, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), e-mail: r.gvv@mail.ru

возможности для развития отношений»². В более широком смысле цифровизация представляет собой технологический и социально-экономический процесс создания и внедрения цифровых технологий в различные сферы деятельности, включая автоматизацию процессов, создание цифровых сервисов, использование аналитики данных и т. д. Цифровизация обеспечивает повышение производительности труда и рост уровня безопасности граждан и организаций, при этом она сама создаёт новые угрозы и вызовы (речь идёт об информационной безопасности, уязвимости личных данных и критической инфраструктуры, киберпреступности и т. д.) [5]. Цифровизация – одно из магистральных направлений развития современной экономики и одна из ключевых основ и форм её инновационного развития, в том числе основа очередного технологического и мирохозяйственного уклада [1,4]. Активная цифровизация обеспечивает цифровое развитие, т. е. «социально-экономическое развитие, основанное на широкомасштабном использовании цифровых технологий, цифровой инфраструктуры, цифровых услуг и данных»³. По оценке специалистов НИУ ВШЭ, к 2030 г. рост ВВП в России будет более чем на 50 % связан с цифровизацией [14]. В важной для России нефтегазовой сфере благодаря операционной и цифровой трансформации процессов бизнес добивается экономии средств на 10...30 % [6]. В частности, в нефтегазовых компаниях снижение затрат на техническое обслуживание составит 25 %, капитальные затраты на разведку могут сократиться на 20 %, а энергоэффективность увеличится на 10 % [19]. Измерение эффективности цифровой автоматизации процессов управления проводится и в других отраслях экономики [10]. Цифровизация управления инновациями должна помочь оптимизировать процессы, снизить затраты и повысить эффективность. Кроме того, цифровизация обеспечивает предприятиям в режиме реального времени доступ к данным, необходимым для обоснования решений [15–18].

В. Л. Квинт показал, что развитие цифровизации в России следует в русле формирования технологического суверенитета [9]. Одним из направлений цифрового развития промышленности и экономики является создание платформ и экосистем [7]. При этом очевидно, что внедрение цифровых технологий – это инновационный процесс, позволяющий оптимизировать трудовые и материальные затраты, а в перспективе – заменить значительное число рутинных рабочих операций роботизированными системами.

В связи с изложенным важно уточнить роль цифровизации, управления ею и использования её возможностей при формировании стратегических приоритетов инновационного развития регионов России.

Очевидно, что стратегирование цифровизации регионов и их инновационного развития должны быть близкими, в значительной степени взаимосвязанными и пересекающимися процессами. В зарубежной практике стратегирования научно-технологического и инновационного развития цифровизация экономики является основным средством обеспечения высокого уровня её инновационности, в частности, в таких промышленно развитых странах, как Германия, Израиль и Сингапур [13].

В этой связи отметим, что на федеральном уровне инновационным развитием ведаёт Министерство экономического развития Российской Федерации во взаимодействии с Министерством науки и высшего образования России при участии других министерств и ведомств. За цифровое развитие непосредственно отвечает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Эти ор-

² Глоссарий цифровой экономики / Национальный центр цифровой экономики. URL: <https://digital.msu.ru/glossary/#> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Там же.

ганы власти координируют инновационное и цифровое развитие субъектов Российской Федерации. В частности, Правительство России в последние годы активно стимулирует развитие «цифровой зрелости» субъектов РФ. Цифровая зрелость компаний и экономических отношений – это такое их состояние, когда достижение коммерческих целей в значительной степени осуществляется с помощью цифровых технологических решений, а в отношении органов государственной власти – это принятие решений и оказание государственных услуг на основе цифровых технологий, анализа и обработки больших данных [11]. Индекс цифровой зрелости для регионов России, составленный Министерством цифрового развития, включает показатели цифровизации всех основных отраслей экономики, а также управления регионом⁴. В 2022 г. лидерами стали Республика Татарстан, Белгородская и Тульская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская и Липецкая области, Республика Башкортостан, Калужская область, Ямало-Ненецкий АО и Республика Саха (Якутия). Среди указанных регионов по уровню экономики (ВРП на душу населения) лишь Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО можно назвать лидирующими⁵.

Конечно, цифровизация, как и инновации, сама по себе не обеспечивает немедленного экономического роста, эффект может быть отсроченным во времени. Более богатые регионы могут себе позволить больше вкладываться в цифровые технологии. Что до формирования и реализации стратегий регионального инновационного развития, то цифровизация может оказывать на них влияние посредством повышения необходимости учёта процессов внедрения цифровых технологий, а также путём влияния на стратегирование через создание и внедрение цифровых технологий и платформ, осуществляющих автоматизированную и экспертную поддержку формирования стратегий и реализации процесса стратегического управления. Очевидно, что эти аспекты взаимосвязаны и могут определять тенденции стратегирования инновационного развития российских регионов.

Стратегирование цифрового развития регионов России (цифровой трансформации) активно началось в начале 2020-х гг. В 2021 г. были утверждены региональные стратегии цифровой трансформации основных отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления: здравоохранения, образования, транспорта, городской среды, сферы государственного управления и социальной сферы. Регионы включили в свои стратегии проекты, связанные с приоритетными отраслями своих экономик (в частности, в сфере промышленности, строительства, развития физической культуры и спорта, сельского хозяйства и т. д.). В стратегиях планируется реализация начального этапа цифровой трансформации регионов России к 2024 г.⁶. Вместе с тем специалисты в области стратегирования полагают [2], что данные стратегии не лишены существенных недостатков. Необходимы их формирование и реализация с учётом современных достижений

⁴ Методика расчета показателя «достижение “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления». URL: http://np-ss.org/images/2021/02/Prilogenie_08-604_21%202021-02-19.pdf (дата обращения: 1.05.2023).

⁵ Дмитрий Чернышенко подвёл итоги работы руководителей цифровой трансформации за 2022 год и обозначил задачи на 2023-й / Правительство России. 6.03.2023. URL: <http://government.ru/news/47934/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁶ Стратегии цифровой трансформации / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – официальный сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 20.04.2023).

научной школы под руководством академика В. Л. Квинта, апробировавшего свои подходы на стратегическом планировании цифрового развития конкретного региона [12].

Стратегирование научно-инновационной сферы является частью управления общим социально-экономическим развитием регионов России. Методические рекомендации по региональному стратегическому планированию Минэкономразвития РФ не обращаются к теме цифровизации, но включают в себя раздел, посвящённый научно-инновационной сфере субъекта Российской Федерации, в котором рассматривается обеспечение кластеризации инновационного производства. В нём предписывается учитывать «перспективные и значимые для экономики субъекта Российской Федерации приоритеты инновационного и технологического развития» и оценивать состояния и перспективы кадрового потенциала науки и инноваций, получения инвестиций для реализации инновационно-кластерных проектов, а также внутри- и внешнеэкономические перспективы их развития с учётом внутрироссийской и глобальной конъюнктуры рынков⁷.

В целом, подход к стратегированию инновационного и цифрового развития субъектов Российской Федерации отличается некоторой организационно-управленческой разобщённостью, при том что инновационное и цифровое развитие в определённой степени взаимосвязаны. Цифровизация не только оптимизирует процессы, повышает производительность труда, но и способствует инновационному процессу: научным исследованиям, приводящим к инновационной идее с последующей разработкой, адаптацией и внедрением в практику. За 2010-е гг. количество российских публикаций в БД «Scopus» выросло почти втрое, однако, число патентов российских резидентов осталось практически прежним⁸. В то же время увеличилось количество организаций, внедряющих инновации, а также новых производственных технологий⁹. Отмечается, однако, недостаточное внимание российской науки к формированию кадрового потенциала для цифровизации экономики, слабая фондовооружённость исследователей (особенно в области ИКТ); основные фонды, используемые в научной сфере, не являются высокотехнологичными, а уровень их износа – более 50 %. Отсюда делается вывод о слабой готовности научной сферы Российской Федерации к внедрению цифровых технологий [3].

Для понимания приоритетности вложений в различные направления цифровизации целесообразно уточнить закономерности взаимосвязи внедрения цифровых технологий, развития науки и инновационной активности с экономическим ростом. Иными словами, для уверенного стратегирования инновационного развития в условиях цифровизации на уровне субъектов РФ необходимо дополнительно измерить процессы взаимовлияния инновационного процесса, цифрового развития и экономического роста в российских реалиях с учётом специфики региональной экономики.

Инновационное развитие выражается в инновационной, патентной активности, создании новых технологий, публикации научных статей, численности научно-педаго-

⁷ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 марта 2017 года № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» (с изменениями на 18 февраля 2022 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054578?section=text> (дата обращения: 20.04.2023).

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokazateli_2022.rar (дата обращения: 20.04.2023).

⁹ Там же.

гических кадров в регионе. Цифровизацию (уровень цифрового развития) можно измерять различными способами, наиболее простым индикатором цифрового развития является численность работников ИКТ-сферы и оснащённость организаций компьютерами.

Нами выполнен анализ уровня сопряжённости показателей научно-инновационного и цифрового развития регионов России между собой, а также с уровнем ВРП на душу населения (см. таблицу).

Коэффициенты детерминации между показателями экономического, научно-инновационного и цифрового развития субъектов РФ (2021)

А. Полная выборка субъектов (85)					
	ВРП на душу населения	Персонал сферы исследований и разработок (на душу населения)	Заявки на патенты на изобретения (на душу населения)	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	Доля занятых в сфере «информация и связь»
ВРП на душу населения	1				
Персонал сферы исследований и разработок (на душу населения)	0,002	1			
Заявки на патенты на изобретения (на душу населения)	(-) 0,006	0,6	1		
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	(-) 0,05	0,25	0,29	1	
Доля занятых в сфере «информация и связь»	0,01	0,53	0,56	0,22	1
Персональные компьютеры на 100 работников организаций	(-) 0,03	0,34	0,26	0,12	0,44
Б. Выборка без регионов с развитой добывающей промышленностью и уровнем ВРП на душу населения выше, чем в Москве (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Сахалинская и Магаданская области)					
	ВРП на душу населения	Персонал сферы исследований и разработок (на душу населения)	Заявки на патенты на изобретения (на душу населения)	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	Доля занятых в сфере «информация и связь»
ВРП на душу населения	1				
Персонал сферы исследований и разработок (на душу населения)	0,31	1			
Заявки на патенты на изобретения (на душу населения)	0,24	0,62	1		
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	0,08	0,24	0,26	1	

Б. Выборка без регионов с развитой добывающей промышленностью и уровнем ВРП на душу населения выше, чем в Москве (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Сахалинская и Магаданская области)					
	ВРП на душу населения	Персонал сферы исследований и разработок (на душу населения)	Заявки на патенты на изобретения (на душу населения)	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	Доля занятых в сфере «информация и связь»
Доля занятых в сфере «информация и связь»	0,29	0,53	0,59	0,23	1
Персональные компьютеры на 100 работников организаций	0,13	0,33	0,25	0,09	0,47

Источник. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokazateli_2022.rar (дата обращения: 20.04.2023).

Как видно из представленных в таблице данных, показатели научно-инновационного развития демонстрируют довольно высокий уровень сопряжённости: чем больше относительная численность работников сферы исследований и разработок и их продуктивность (в виде заявок на патенты на изобретения), тем выше в регионах доля работников, занятых в сфере информации и связи, а также число персональных компьютеров на 100 работников организаций. Выбранные для изучения корреляций показатели цифрового развития также хорошо соотносятся между собой. Значительно хуже сопряжённость между долей организаций, осуществляющих технологические инновации, и показателями цифрового развития. Отметим, что ощутимое положительное взаимовлияние цифрового и научно-инновационного развития с общим уровнем экономического развития проявляется только после удаления из выборки регионов с очень высокой долей добывающей промышленности, удалённых от центра и малонаселённых. В этом случае показатели инновационного развития сильнее влияют на рост относительного ВРП, чем показатели уровня цифровизации.

Таким образом, можно обоснованно предположить, что научно-инновационное и цифровое развитие региона оказывают синергетически положительное влияние на рост его экономики. Это целесообразно учитывать при стратегировании инновационного развития субъекта Российской Федерации в условиях цифровизации.

Одним из главных вызовов при стратегировании инновационного развития регионов является необходимость создания благоприятной экосистемы для инноваций, которая должна включать в себя высококвалифицированные кадры, инвестиции в научно-исследовательскую деятельность и развитие инфраструктуры, включая технопарки и инновационные центры. При этом функционирование и управление данной системой может быть в значительной степени цифровизировано.

Необходимо также учитывать, что инновационное развитие регионов не должно ограничиваться административными и национальными границами. Во-первых, данный подход позволяет регионам использовать лучшие практики и опыт, успешно применённые в других странах и регионах. Это может значительно ускорить развитие и улучшение экономической ситуации в регионе. Во-вторых, межрегиональное сотрудничество может привести к созданию новых технологических и инновационных кла-

стеров, которые могут стать мощным стимулом для роста экономики и привлечения инвестиций. Такие кластеры могут объединять компании, академические институты, инновационные стартапы и других участников экосистемы инноваций. В-третьих, межрегиональное сотрудничество помогает регионам решать общие проблемы (снижение уровня безработицы, развитие инфраструктуры и повышение уровня образования населения). Это способствует существенному улучшению качества жизни в регионе и укреплению социально-экономической стабильности.

Рассматривая цифровизацию как часть инновационного процесса, следует сосредоточить усилия на научном обеспечении развития цифровой инфраструктуры, создания цифровых услуг для населения и бизнеса, на укреплении связей между бизнесом и научно-исследовательскими центрами и развитии цифрового образования. Подчеркнём, что успешная реализация стратегии инновационного развития регионов требует высокой координации усилий всех заинтересованных сторон, а также поддержки федеральных и региональных органов власти.

Согласно положению научной школы В. Л. Квинта, при стратегировании как цифрового, так и научно-инновационного развития регионов целесообразно учитывать приоритетность внедрения цифровых технологий в процесс государственного управления, цифровизации научно-инновационного процесса, поддержки научно-инновационной деятельности по развитию цифровых технологий; приоритетность создания цифровизированных экосистем инноваций, а также возможности межрегиональной и международной кооперации в разработке и внедрении цифровых технологий.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1 (71). – С. 5–13.
2. Власюк, Л. И. Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы / Л. И. Власюк // Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics. – 2023. – № 16(1). – С. 59–68. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-59-68>
3. Волков, А. Т. Анализ процессов цифровизации в сфере науки России / А. Т. Волков, П. М. Гуреев, И. С. Прохорова // E-Management. – 2020. – №2. – С. 4–12.
4. Глазьев, С. Ю. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – № 190(1). – С. 37–45.
5. Ильин, И. В. Глобальные проблемы цифровой трансформации общества / И. В. Ильин // Социальные науки и образование в условиях становления электронноцифровой цивилизации: науч.-практ. конф. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 18–32.
6. Калмацкий, Т. Цифровизация позволяет компаниям ТЭК экономить затраты / Т. Калмацкий // Российская газета. – 12.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/12/programmisty-ishchut-neft.html> (дата обращения: 20.04.2023).
7. Квинт, В. Л. Стратегирование формирования платформенной операционной модели для повышения уровня цифровой зрелости промышленных систем / В. Л. Квинт, А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета // Экономика промышленности. – 2022. – № 15(3). – С. 249–261.
8. Квинт, В. Л. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов // Эконо-

мика и управление. – 2021. – № 27(11). – С. 900–909. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>

9. Квинт, В. Л. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов, Н. И. Сасаев // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9. – С. 57–67.

10. Кокуйцева, Т. В. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности / Т. В. Кокуйцева, О. П. Овчинникова // Креативная экономика. – 2021. – № 15(6). – С. 2413–2430. – DOI: 10.18334/се.15.6.112192

11. Погорельцев, А. С. Особенности оценки цифровой зрелости организаций/ А. С. Погорельцев, И. Г. Салимьянова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 5-2(137). – С. 118–125.

12. Стратегирование цифрового Кузбасса: монография / под науч. ред. В. Л. Квинта. – Кемерово: КемГУ, 2021. – 436 с.

13. Уринсон, Я. М. Цифровизация как фактор развития инновационных стратегий на примере некоторых стран/ Я. М. Уринсон, К. С. Панфилов // Бизнес. Общество. Власть. – 2020. – № 2-3(36-37). – С. 117–125.

14. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]; науч. ред. Л. М. Гохберг. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019.

15. Chirkunova E., Anisimova V.Y., Tukavkin N.M. (2021). Innovative Digital Economy of Regions: Convergence of Knowledge and Information. In: Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.) Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Cham: Springer International Publishing, pp. 123–130. DOI: 10.1007/978-3-030-47458-4_15

16. Kellermayr-Scheucher M., Hörandner L., Brandtner P. (2022). Digitalization at the Point-of-Sale in Grocery Retail – State of the Art of Smart Shelf Technology and Application Scenarios. *Procedia Computer Science*, 196, pp. 77–84. DOI: 10.1016/j.procs.2021.11.075

17. Marion T. J., Fixson S. K. (2021). The Transformation of the Innovation Process: How Digital Tools are Changing Work, Collaboration, and Organizations in New Product Development. *Journal of Product Innovation Management*, 38, pp. 192–215. DOI: 10.1111/jpim.12547

18. Nedbal D., Brandtner P., Auinger A., Erskine M. A. (2013). The critical mass in collaborative digital business ecosystems for innovation: A case exploration of readiness and willingness. In: 2013 7th IEEE International Conference on Digital Ecosystems and Technologies (DEST), pp. 96–101. DOI: 10.1109/DEST.2013.6611336

19. The next frontier for digital technologies in oil and gas / McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-next-frontier-for-digital-technologies-in-oil-and-gas> (дата обращения: 12.04.2023).

References

1. Bodrunov, S. D. (2022). Tehnologicheskij progress: predposylki i rezul'tat sociogumanitarnoj orientacii jekonomicheskogo razvitija [Technological progress: prerequisites and results of socio-humanitarian orientation of economic development]. *Economic revival of Russia*, № 1 (71), pp. 5–13.

2. Vlasjuk, L. I. (2023). Cifrovoe neravenstvo rossijskih regionov: strategicheskie vozmozhnosti i ugrozy [Digital inequality of Russian regions: strategic opportunities and threats]. *Russian Journal of Industrial Economics*, № 16(1), pp. 59–68. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-59-68>

3. Volkov, A. T., Gureev, P. M., Prohorova, I. S. (2020). Analiz processov cifrovizacii v sfere nauki Rossii [Analysis of digitalization processes in the field of science in Russia]. *E-Management*, №2, pp. 4–12.
4. Glaz'ev, S. Ju. (2015). Formirovanie novoj institucional'noj sistemy v uslovijah smeny dominirujushhijh tehnologicheskijh ukладov [Formation of a new institutional system in the context of a change in the dominant technological structures]. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, № 190(1), pp. 37–45.
5. Ilyin, I. V. (2020). Global'nye problemy cifrovoj transformacii obshhestva [Global problems of digital transformation of society]. *Social sciences and education in the conditions of the emergence of the electronic-digital civilization (scientific-practical conference)*. Moscow: Nestor-Istorija, pp. 18–32.
6. Kalmackij, T. Cifrovizacija pozvoljaet kompanijam TJeK jekonomit' zatraty [Digitalization allows fuel and energy companies to save costs]. *Russian Newspaper* 12.10.2022. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2022/10/12/programmisty-ishchut-neft.html> (access date 20.04.2023).
7. Kvint, V. L., Babkin, A. V., Shkarupeta E. V. (2022). Strategirovanie formirovanija platformennoj operacionnoj modeli dlja povyshenija urovnja cifrovoj zrelosti promyshlennyh system [Strategizing the formation of a platform operating model to increase the level of digital maturity of industrial systems]. *Economics of industry*, № 15(3), pp. 249–261.
8. Kvint, V. L., Novikova, I. V., Alimuradov, M. K. (2021). Soglasovannost' global'nyh i nacional'nyh interesov s regional'nymi strategicheskimi prioritetami [Consistency of global and national interests with regional strategic priorities]. *Economics and Management*, № 27(11), pp. 900–909. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>
9. Kvint, V. L., Novikova, I. V., Alimuradov, M. K., Sasaev, N. I. (2022). Strategirovanie tehnologicheskogo suvereniteta nacional'noj jekonomiki [Strategizing the technological sovereignty of the national economy]. *Management Consulting*, № 9, pp. 57–67.
10. Kokujceva, T. V., Ovchinnikova, O. P. (2021). Metodicheskie podhody k ocenke jeffektivnosti cifrovoj transformacii predpriyatij vysokotehnologichnyh otraslej promyshlennosti [Methodological approaches to evaluating the effectiveness of digital transformation of enterprises in high-tech industries]. *Creative Economics*, № 15(6), pp. 2413–2430. – doi: 10.18334/ce.15.6.112192
11. Pogorel'cev, A. S., Salim'janova, I. G. (2022). Osobennosti ocenki cifrovoj zrelosti organizacij [Features of assessing the digital maturity of organizations]. *Bulletin of Saint-Petersburg State Economic University*, № 5-2(137), pp. 118–125.
12. Strategirovanie cifrovogo Kuzbassa [Strategy for digital Kuzbass]. Ed. by V. L. Kvint. – Kemerovo: KemGU, 2021. – 436 p.
13. Urinson, Ja. M., Panfilov, K. S. (2020). Cifrovizacija kak faktor razvitija innovacionnyh strategij na primere nekotoryh stran [Digitalization as a factor in the development of innovative strategies on the example of some countries]. *Business. Society. Power*, № 2-3(36-37), pp. 117–125.
14. Chto takoe cifrovaja jekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement] / Ed. by G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, L. M. Gohberg. – Moscow: Publishing house of the HSE University, 2019. – 82, [2] s.
15. Chirkunova E., Anisimova V. Y., Tukavkin N. M. (2021). Innovative Digital Economy of Regions: Convergence of Knowledge and Information. In: Ashmarina S. I., Mantulenko V. V. (eds.) *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy*. Cham: Springer International Publishing, pp. 123–130. DOI: 10.1007/978-3-030-47458-4_15

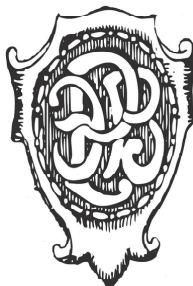
16. Kellermayr-Scheucher M., Hörandner L., Brandtner P. (2022). Digitalization at the Point-of-Sale in Grocery Retail – State of the Art of Smart Shelf Technology and Application Scenarios. *Procedia Computer Science*, 196, pp. 77–84. DOI: 10.1016/j.procs.2021.11.075
17. Marion T. J., Fixson S. K. (2021). The Transformation of the Innovation Process: How Digital Tools are Changing Work, Collaboration, and Organizations in New Product Development. *Journal of Product Innovation Management*, 38, pp. 192–215. DOI: 10.1111/jpim.12547
18. Nedbal D., Brandtner P., Auinger A., Erskine M. A. (2013). The critical mass in collaborative digital business ecosystems for innovation: A case exploration of readiness and willingness. In: 2013 7th IEEE International Conference on Digital Ecosystems and Technologies (DEST), pp. 96–101. DOI: 10.1109/DEST.2013.6611336
19. The next frontier for digital technologies in oil and gas / McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-next-frontier-for-digital-technologies-in-oil-and-gas> (access date: 12.04.2023).

R. N. Gadzhiev.¹⁰ Strategic Priorities for Innovative Development of Russian Regions in the Context of Digitalization. The work is devoted to clarifying the strategic priorities of regional innovative development in the context of digitalization. It is shown that the processes of digitalization and innovative development of Russian regions are in a strong relationship with each other and both have a positive effect on economic growth. Digitalization (its personnel, material and technical and scientific support) of the economy, social sphere and management is itself the main strategic priority for the innovative development of Russian regions. In addition, the use of digitalization opportunities for strategic planning and management of regional innovative development is a priority. Following the position of the scientific school of V. L. Kvint on the need to coordinate development priorities at all levels, when strategizing both the digital development of regions and their scientific and innovative development, it is advisable to take into account the priority of introducing digital technologies into the public administration process, digitalization of the scientific and innovative process, and supporting scientific and innovative activities for the development of digital technologies, the priority of creating digitalized innovation ecosystems, the possibility of interregional and international cooperation in the development and implementation of digital technologies.

Keywords: strategic priorities, regions of Russia, digitalization, innovative development.

¹⁰ *Ruslan N. Gadzhiev*, Postgraduate Student, Graduate School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, d. 1., str. 61, Moscow, 119234, Russia), e-mail: r.gvv@mail.ru

TM

**ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»
В ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ ПЕРЕЧНЯ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ ВАК**

В декабре 2022 г. Высшая аттестационная комиссия опубликовала Категорирование Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук.

Перечень разбит на три категории: К1, К2, К3.

Журнал «Экономическое возрождение России» (в перечне №2513) включён в высшую – первую категорию Перечня.

Журнал «Экономическое возрождение России» отражает весь спектр исследований, ведущихся в Институте нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. Основная направленность статей – актуальные проблемы экономического развития России, в первую очередь развитие наукоёмких и высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности и обоснование промышленной политики на различных уровнях управления.

Публикуемые в журнале статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ) и CyberLeninka.

В соответствии с решением Учёного совета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова журнал включён в перечень рекомендуемых научных изданий для публикаций статей научных сотрудников университета.

Сайт журнала: www.e-v-r.ru

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.

Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru